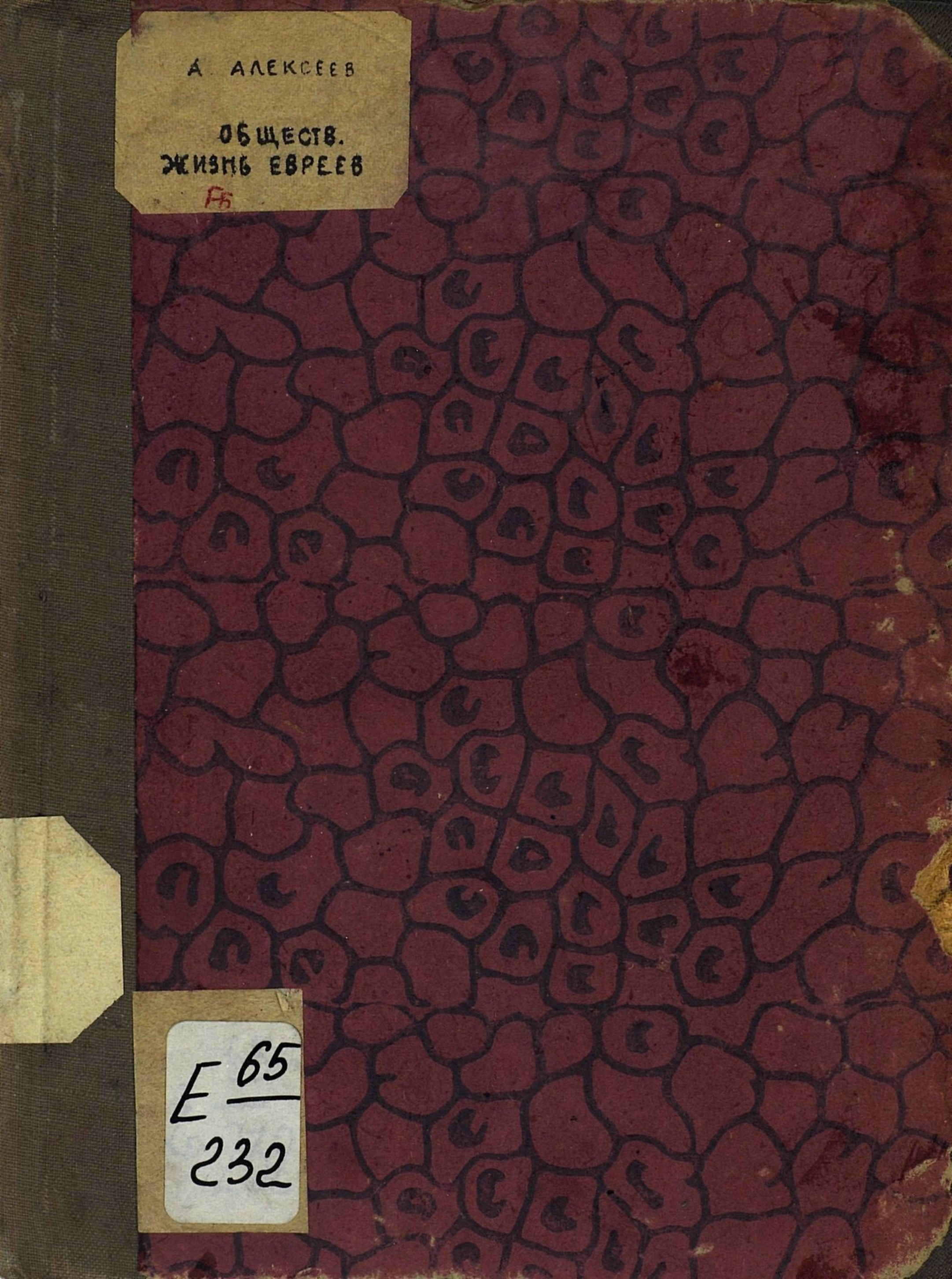

А. АЛЕКСЕЕВ
ОБЩЕСТВ.
ЖИЗНЬ ЕВРЕЕВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЕВЪ,

ИХЪ НРАВЫ, ОБЫЧАИ И ПРЕДРАЗСУДКИ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ БІОГРАФІИ АВТОРА.

СОЧИНЕНІЕ,

Составленное Александромъ Алексѣевымъ, обращеннымъ въ православное христіанство изъ евреевъ.

—

НОВГОРОДЪ.
1868.

—

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ЕВРЕЕВЪ,

ИХЪ НРАВЫ, ОБЫЧАИ И ПРЕДРАЗСУДКИ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ БІОГРАФІИ АВТОРА.

СОЧИНЕНІЕ,

Составленое Александромъ Алексѣевымъ, обращеннымъ въ православное христіанство изъ евреевъ.

НОВГОРОДЪ.

1868.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры пе
тать дозволяется, 26 іюля 1868 года.

Цензоръ *Архимандритъ Ефремъ*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ НОВГОРОДСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕН

I.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРЕЕВЪ
И ИХЪ ОТНОШЕНІЯ КЪ ХРИСТІАНАМЪ.

—

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда либо, стали появляться въ разныхъ журналахъ и газетахъ статейки о евреяхъ; однѣ уже чрезъ чуръ восхваляютъ израиля; другія же напротивъ, уже, слишкомъ роняютъ его; такъ что иной изъ читателей, неознакомленный съ жизнію евреевъ, приходитъ въ недоумѣніе и не знаетъ кому вѣрить; поэтому я, какъ природный еврей (нынѣ, по милости Божіей, христіанинъ), желая представить іудеевъ въ томъ видѣ, въ какомъ они есть на самомъ дѣлѣ, рѣшился написать объ общественной ихъ жизни, чтобы дать возможность читателю самому судить безпристрастно о нихъ. Меня особенно побудило въ настоящее время написать о жизни евреевъ еще и то, что большинству изъ нихъ, а именно ремесленникамъ и купцамъ, разрѣшено Высочайшимъ Указомъ, отъ 16 Іюля 1865 года жить не въ однихъ тѣхъ городахъ, которые исключительно отведены для еврейскаго народонаселенія, а во всей Русской имперіи. Поэтому не мудрено, что теперь русскому человѣку, болѣе чѣмъ когда либо, придется имѣть, какія либо отношенія съ евреями; слѣдовательно, ознакомиться съ ихъ жизнію, нравами и обычаями будетъ въ настоящее время весьма не безполезно.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда либо, стали появляться въ разныхъ журналахъ и газетахъ статейки о евреяхъ; одни уже чрезъ чуръ восхваляютъ израиля; другія же напротивъ, уже, слишкомъ роняютъ его; такъ что иной изъ читателей, неознакомленный съ жизнію евреевъ, приходитъ въ недоумѣніе и не знаетъ кому вѣрить; поэтому я, какъ природный еврей (нынѣ, по милости Божіей, христіанинъ), желая представить іудеевъ въ томъ видѣ, въ какомъ они есть на самомъ дѣлѣ, рѣшился написать объ общественной ихъ жизни, чтобы дать возможность читателю самому судить безпристрастно о нихъ. Меня особенно побудило въ настоящее время написать о жизни евреевъ еще и то, что большинству изъ нихъ, а именно ремесленникамъ и купцамъ, разрѣшено Высочайшимъ Указомъ, отъ 16 Іюня 1865 года жить не въ однихъ тѣхъ городахъ, которые исключительно отведены для еврейскагонародонаселенія, а во всей Русской имперіи. Поэтому не мудрено, что теперь русскому человѣку, болѣе чѣмъ когда либо, придется имѣть, какія либо отношенія съ евреями; слѣдовательно, ознакомиться съ ихъ жизнію, нравами и обычаями будетъ въ настоящее время весьма не безполезно.

Общественная жизнь евреевъ.

Такъ какъ жизнь каждаго общества имѣетъ въ основаніи своемъ религію, то не лишнимъ считаемъ взглянуть на жизнь евреевъ въ религіозномъ ихъ отношеніи; тѣмъ болѣе, что жизнь іудея вполнѣ подчинена религіозной обрядности. Въ изданной нами книгѣ о еврейскомъ Богослуженіи за 1865 г., мы уже говорили, что евреи имѣютъ большую привязанность къ своей религіи, что они въ точности исполняютъ каждый обрядъ, утвержденный ихъ раввинами и закономъ Моусеевымъ. Еврей, въ назначенный часъ утренняго и вечерняго Богослуженія, отправляется въ синагогу на молитву и, если обстоятельства, не позволятъ нѣкоторымъ изъ нихъ исполнить это, то они хотя дома, а прочитаютъ всѣ молитвы, положенныя уставомъ синагоги. А какъ они свои праздники сохраняютъ! напримѣръ: въ субботу евреи не займутся ни какимъ житейскимъ дѣломъ; они и огня не разведутъ, не вытопятъ печку, даже въ самый холодный зимній субботній день; словомъ ничего евреи не сдѣлаютъ въ шабасъ; даже во время пожара не пойдутъ въ этотъ день гасить огонь и спасать свои вещи. Конечно, все это можетъ казаться страннымъ, но удивляться этому не должно, если возмемъ во вниманіе то, что законъ Моусеевъ со всею строгостію запрещалъ евреямъ заниматься въ день субботній житейскими дѣлами; и тѣмъ бо-

лѣе не должно удивляться, если вспомнимъ, что они клялись на Синаѣ передъ самимъ Богомъ исполнить все, что Онъ имъ повелитъ; «*Вся елика, рѣче Богъ*, говорили они, *сотворимъ и послушаемъ*» (Исходъ 19 глав. ст. 8). Правда, что израильтяне въ скоромъ времени, по полученіи закона, неоднократно нарушали его, но постоянныя чудеса, являемыя Десницею Божіею въ семъ народѣ, заставляли его раскаяваться въ своихъ поступкахъ и благоговѣть передъ именемъ Іеговы. И древніе израильтяне, вразумляемые чудесами и явленіями славы Божіей, не смотря на свое неоднократное паденіе, всегда искали утѣшенія въ Богѣ и въ Немъ находили оное. Но со времени отверженія ими Христа Мессіи они лишились прежней любви Божіей и разсѣяны, какъ мы видимъ, по всему лицу земли [1]). Но вотъ замѣчательно, что они и въ разсѣяніи своемъ, находясь подъ вліяніемъ чужеземныхъ государствъ, вездѣ сохраняютъ вѣру свою, нравы, обычаи и постановленія; такъ напримѣръ, есть у нихъ, какъ и у древнихъ евреевъ, свой духовный начальникъ, подъ управленіемъ котораго живетъ, дѣйствуетъ и управляется каждая община; есть и домашній

---

1) Нелишнимъ считаю замѣтить, что изъ разныхъ статистическихъ свѣденій о евреяхъ видно, что они живутъ во всѣхъ областяхъ земли. Въ 4-хъ, священныхъ для іудеевъ городахъ Палестины именно, въ Іерусалимѣ, Хевронѣ, Сафетѣ и Тивиріадѣ живутъ 8,375 израильтянъ; въ Александріи обитаетъ 4,500 евреевъ; въ Молдавіи и Валахіи находится ихъ 5000; въ Россіи вмѣстѣ съ Польшею считается 2,000,000; число караимовъ доходитъ до 12,000 душъ; они населяютъ города: Чуфутъ, Кале, Одессу, Бахчисарай, Евпаторію, Семфирополь Керчь и Ѳеодосію. Въ Одессѣ находится 17,000 евреевъ. Въ Венгерскомъ королевствѣ 332,229 и въ одной столицѣ Пештъ Офинѣ 40,000. Во всемъ Австрійскомъ королевствѣ, численность еврейскаго народонаселенія, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, превышаетъ 1,000,000. Въ королевствѣ Италіи насчитывается до 43,446 израильтянъ. Еврейское народонаселеніе Голландіи состоитъ изъ 59,140 нѣмецкихъ и 3,507 Португальскихъ евреевъ. Въ Пруссіи ихъ находится 25000.

свой судъ—Бесдинъ, нѣчто похожее на древній синедріонъ. Въ каждомъ городѣ и даже мѣстечкѣ, гдѣ обитаютъ евреи, имѣется по нѣскольку училищъ; вездѣ есть синагога [2]) и молитвенный домъ; въ большихъ же городахъ имѣется ихъ по нѣскольку; а во всей Россіи, какъ видно изъ доклада министерства внутреннихъ дѣлъ, находится 616 синагогъ, 2435 молитвенныхъ школъ съ 5109 духовными. Такъ какъ всѣ эти учрежденія, какъ и самая жизнь евреевъ, находится подъ вліяніемъ духовныхъ раввиновъ, то нужнымъ считаемъ прежде всего поговорить о нихъ.

Раввины.

Раввинъ, значитъ учитель; и древніе раввины соотвѣтствовали этому названію:—они учили во храмѣ, на стогнахъ и гдѣ только имѣли къ тому возможность. Это видно изъ того, что самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посѣщая Іерусалимскій храмъ, нерѣдко находился тамъ посреди учителей. Такъ ученіе распространялось нетолько въ Іерусалимѣ, который былъ тогда центромъ іудейскаго просвѣщенія, но и въ самомъ плѣну Вавилонскомъ, въ дѣлѣ ученія не было застоя. Исторія евреевъ сохранила память объ этомъ: она повѣствуетъ, что въ Тeверіадскихъ и Яфскихъ народныхъ училищахъ

2) Устройстро нынѣшнихъ синагогъ очень просто: у дверей есть ящикъ для поданія и желѣзная полоса для очищенія обуви; внутри находятся скамьи и шкафчики, въ которые евреи кладутъ свои хранилища и мантію. На востокѣ Аароновъ ящикъ символъ-ковчегъ-завѣта, въ которомъ хранятся книги закона; посрединѣ синагоги находится нѣчто въ родѣ каѳедры, съ нѣсколькими ступенями; на сей каѳедрѣ стоитъ налой для чтенія въ субботніе и праздничные дни книги закона. Въ синагогѣ устроены также хоры, на которыя становятся женщины во время Богослуженія, такъ какъ имъ по закону Талмуда воспрещается молиться съ мужчинами.

находились сотни учениковъ, съ которыми раввины, часто, день и ночь занимались изученіемъ закона Моусеева. Одинъ знаменитый учитель Гилилъ, по свидѣтельству еврейскихъ хрониковъ, имѣлъ около 1000 учениковъ, которые съ горячею любовію слушали его ученіе. Но древніе раввины, занимаясь дѣломъ обученія, занимались и разными работами и разными ремеслами; такъ, напримѣръ, находимъ въ Талмудѣ, что раввинъ Іойхананъ Гасандлеръ былъ сапожникомъ; раввинъ Ицхокъ былъ кузнецомъ; раввинъ Шейсасъ былъ цирюльникомъ, а раввинъ Мойше Бенахмонъ, извѣстный у евреевъ подъ громкимъ названіемъ Раммбамъ, былъ медикомъ; наконецъ раввины и послѣдняго плѣна занимались тоже ремеслами и медициною. Раввинъ Гамаліилъ, котораго еврейская хроника называетъ патріархомъ, занимаясь врачебною наукою, прославился ею такъ, что императоръ Ѳеодосій и сыновья его Гонорій и Аркадій, возвели его въ почетное званіе префекта; иные же раввины занимались торговлею; такъ напримѣръ, учитель Ейхонанъ занимался 40 лѣтъ торговлею, а остальныя 20 лѣтъ посвятилъ на защиту передъ синедріономъ вдовъ и сиротъ; онъ сдѣлался такимъ ревностнымъ и достойнѣйшимъ учителемъ, что евреи уподобляютъ его Моусею, а ученіе его читается ими охотно и до нынѣ [3]). Но позднѣй-

3) Что древніе іудейскіе учители соединяли съ дѣломъ ученія и трудъ физическій, то это видно изъ того, что Св. Апостолъ Павелъ, хотя предназначался въ учители закона Божія, однако, по іудейскому обычаю, занимался ремесломъ - дѣланіемъ палатокъ, и этимъ содержалъ себя во время своего апостольскаго служенія, чтобы не быть въ тягость обществу. Іудейскій обычай при изученіи закона заниматься ремеслами имѣлъ въ основаніи своемъ не одно только то, чтобы доставить средства къ жизни, но и то, чтобы укрощать искушеніе чувственности, заграждать и уничтожать вредныя вліянія на высшую духовную жизнь. Этими мыслями руководствовались и руководствуются и монашествующіе въ христіанскомъ мірѣ, упражняясь въ физическихъ работахъ (См. о жизни Св. Апостола Павла соч. Василія Михайловскаго 1866 года).

шіе раввины [4]) совершенно измѣнили характеръ своихъ предшественниковъ; они нетолько не занимаются ремеслами, но не исполняютъ и главной своей обязанности,—не учатъ народъ; а если кто изъ нихъ учитъ, то обыкновенно набираетъ не болѣе 2 или 3 мальчиковъ и обучаетъ ихъ не столько закону Моисея и пророковъ, сколько Талмуду. Въ общественныхъ же собраніяхъ и синагогахъ, въ которыхъ они бываютъ ежедневно, не поучаютъ, а пришедши туда, обыкновенно усаживаются на 1-хъ приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ и молятся какъ всѣ міряне. На раввинѣ не лежитъ прямой обязанности совершать Богослуженіе, и уже много, если онъ 3 или 4 раза совершитъ оное въ году.—Что же дѣлаетъ раввинъ?—спроситъ насъ читатель.—Какое его назначеніе, если онъ не учитель народа и не служитель алтаря?—Онъ величается только именемъ Равви, а главная его обязанность совершенно другая; его скорѣе можно назвать начальникомъ и судьею, чѣмъ учителемъ; онъ рѣшаетъ всѣ общественные вопросы и наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ Талмудическихъ обрядовъ; такъ напримѣръ, многіе раввины при наступленіи шабаса обходятъ всѣ лавки и побуждаютъ торгующихъ закрыть ихъ и поспѣшить въ синагогу, дабы встрѣтить священную субботу (Мекабель Шабасъ).

Одна изъ главныхъ церковныхъ обязанностей раввина есть та, чтобы благословлять народъ; благословеніе раввина такъ

4) На степень раввина возводятъ нынѣ сами евреи уже не изъ рода священническаго (такъ какъ его нѣтъ у евреевъ); а избираютъ человѣка, зарекомендовавшаго себя примѣрною жизнію, отличающагося знаніемъ Талмуда и исполненіемъ всѣхъ мелочныхъ обрядовъ.

важно для евреевъ, что оно напутствуетъ ихъ при всѣхъ обрядахъ: при рожденіи, при обрѣзаніи дитяти мужескаго пола и при бракѣ. Еврей, отправляющійся въ путь или желающій предпринять какое либо дѣло, идетъ за благословеніемъ къ раввину, и получивъ оное, благодаритъ его чѣмъ можетъ. Вообще евреи весьма уважаютъ раввиновъ и поддерживаютъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи.

Есть у евреевъ и казенные раввины; эти раввины, не смотря на то, что получаютъ всестороннее образованіе въ раввинскихъ училищахъ, пользуются меньшимъ уваженіемъ въ сравненіи съ духовными раввинами. И хотя исправляютъ нѣкоторыя церковныя еврейскія требы, но не пользуются въ народѣ ни тѣми почетами, ни тѣми выгодами жизни, какими, обыкновенно пользуются духовные раввины.— Почему же это такъ?—Вопервыхъ потому, что казенные раввины избираются не самими евреями, а поставляются русскимъ правительствомъ, а это главнымъ образомъ и отталкиваетъ евреевъ отъ казенныхъ раввиновъ; они не любятъ ихъ, несмотря на то, что правительство, поставляетъ казенныхъ раввиновъ съ благою цѣлію—направить израиля къ болѣе правильной и истинно просвѣщенной жизни. Во вторыхъ, казенные раввины не нравятся евреямъ потому, что они не умѣютъ такъ ловко поддѣлываться къ прихожанамъ; они не приспособились въ раввинскихъ училищахъ выставлять себя передъ народомъ святошами, какими обыкновенно являются духовные раввины. Въ самомъ дѣлѣ, много нужно имѣть умѣнья лицемѣрить, чтобы расположить къ себѣ еврейскій фанатизмъ; евреи желаютъ въ раввинѣ видѣть человѣка пожилаго, такого человѣка, который бы коснѣлъ многіе годы, въ лицѣ ихъ, надъ книгами талмуда и явился бы въ ихъ приходъ не съ

аттестатомъ раввинскаго училища, а съ одобреніемъ своихъ достопочтенныхъ высшихъ раввиновъ цадиковъ, которые бы могли засвидѣтельствовать о ихъ примѣрной и опытной жизни; а этого то лишенъ юноша, вышедшій изъ раввинскаго училища; по этому повторяемъ, и трудно казенному раввину расположить къ себѣ своихъ соотчичевъ; оттого и приходится жить, почти бѣдно казеннымъ раввинамъ, которыхъ евреи считаютъ лишними для себя.

Да! незавидно положеніе казеннаго раввина. Но зато, какъ хорошо, богато и тщеславно живутъ высшіе окружные раввины, или такъ называемые цадики! Они имѣютъ такое же высокое значеніе, какое у христіанъ имѣетъ митрополитъ, или архіерей. Но какъ же достигается званіе цадика?—Оно достигается слѣдующимъ образомъ: какой нибудь ловкій и хитрый фарисей, изучивъ бездну премудрости талмуда и ученіе каболы [5]), старается пріобрѣтать какъ можно больше учениковъ, которыхъ онъ постоянно руководитъ въ дѣлахъ вѣры, расказываетъ имъ о важныхъ религіозныхъ предметахъ и чудесахъ разныхъ раввиновъ, не рѣдко будто бы, открывавшихъ ему въ сновидѣніяхъ тайны Божіи; ученики, не подозрѣвая обмана въ разсказахъ, охотно слушаютъ учителя. Я самъ во время дѣтства своего имѣлъ случай, при содѣйствіи отца моего, подслушать разсказъ одного цадика Сроля, которымъ онъ заинтересовалъ многихъ евреевъ; онъ увѣрялъ, что Господь открылъ ему въ нощномъ видѣніи о скоромъ избавленіи отъ

5) Кабола, или, какъ выражаются евреи, каболо, есть изустное преданіе, что показываетъ самое названіе; это высшее ученіе раввиновъ. Каболо имѣетъ свой собственный образъ и во всѣхъ своихъ выраженіяхъ; и одѣвается въ такія многосторонния и отличныя формы, что требуетъ особаго воззрѣнія; при этомъ нужно знать хорошо и фигуры и знаки, коими обрисовывается каболо.

плѣна; и что Богъ желалъ бы ускорить это, но грѣхи израиля препятствуютъ. Вотъ такими-то разсказами и привлекаютъ къ себѣ учениковъ люди, домогающіяся званія цадика; а ученики объ этихъ разсказахъ передаютъ другимъ; и, прежде чѣмъ цадикъ явится куда либо, о немъ уже говорятъ какъ о святомъ и начинаютъ благоговѣть передъ нимъ даже и тѣ, которые неимѣютъ понятія объ немъ. Поставивъ себя въ такое положеніе, цадикъ начинаетъ разъѣзжать съ своею свитою по городамъ и вездѣ начинаетъ проповѣдывать; постарается явить передъ народомъ дѣла свои въ лучшемъ видѣ и посѣтить какой нибудь городъ, наполненный болѣе евреями, непремѣнно въ субботній день и отправить тамъ службу; и если его не попросятъ совершить оную, то онъ напросится самъ. Послѣ службы цадикъ приглашается къ хорошему обѣду, за которымъ почетный гость опять краснорѣчиво проповѣдуетъ (цадики особенную страсть имѣютъ разсыпаться въ разговорахъ во время обѣда, чѣмъ также не мало привлекаютъ народъ). Цадики привлекаютъ своею проповѣдью къ себѣ народъ до того, что ихъ нерѣдко носятъ на рукахъ, цѣлуютъ руки и полы одеждъ и жертвуютъ для нихъ всѣмъ, чѣмъ только могутъ. Отъ того-то и живутъ цадики богато; а что они живутъ богато и тщеславно не лишнимъ считаемъ въ подтвержденіе привести статью, помѣщенную во многихъ журналахъ и газетахъ [6]). Такъ напримѣръ, въ Домашней Бесѣдѣ читаемъ слѣдующее: Сада-Гора, ничего болѣе, какъ небольшой еврейскій грязный городокъ, находящійся въ буквинѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Черновицъ. Несмотря на это, онъ

6) Домашняя Бесѣда 1865 г. выпускъ 52; Сынъ отечества 1865 г. № 13; Иллюстрація 1867 г № 2

имѣетъ для евреевъ особенную притягательную силу, заключающуюся въ семействѣ Изрольки, изъ племени котораго, по убѣжденію евреевъ, долженъ родиться Мессія. Семейство Изрольки скопило нѣсколько милліоновъ. Сада-Гора сдѣлалась мѣстомъ поклоненія польскихъ, русскихъ, галицкихъ, молдавскихъ и валлахскихъ евреевъ. Они вмѣняютъ себѣ въ непремѣнную обязанность посѣтить, хоть разъ въ жизни, означеннаго цадика и одарить его, кто чѣмъ можетъ; самый скаредный еврей ничего не жалѣетъ для Изрольки; на эти приношенія воздвигся дворецъ для мнимаго святаго, окруженный небольшимъ числомъ изящныхъ домовъ, въ которыхъ живутъ зятья и дочери Изрольки. Въ нихъ собрано все, что роскошь и великолѣпіе могли придумать лучшаго. Во дворцѣ находится серебряная комната, въ которой разставлены всѣ возможные серебряные сосуды старыхъ и новыхъ фасоновъ. Жилыя комнаты украшены великолѣпными турецкими коврами и тяжелыми шелковыми занавѣсами. Въ концѣ большаго парка, находится прекрасно устроенная оранжерея. Эти изобрѣтенія самой утонченной роскоши составляютъ посреди грязныхъ домишковъ Сада-Гора, что-то похожее на волшебный замокъ. А владѣтель этихъ богатствъ, въ рукахъ котораго сосредоточено столько сокровищъ и одно лицезрѣніе котораго составляетъ для суевѣрныхъ евреевъ великое счастіе, покупаемое богатыми приношеніями, есть не иное что, какъ олицетворенное тупоуміе Ребехо Изролько (такъ называется этотъ человѣкъ, совершенный идіотъ). Подъ его сѣдыми волосами не живетъ мыслящій разумъ, въ груди его нѣтъ никакого чувства, ходитъ онъ не иначе, какъ опираясь на проводника не изъ слабости, а изъ животной безсознательности. Разговоръ его состоитъ изъ несвязныхъ звуковъ, понятныхъ одному его се-

мейству и секретарю. Когда онъ показывается на улицѣ,— что бываетъ обыкновенно извѣстно за нѣсколько часовъ,— всѣ окошки, дворы, улицы и площади наполняются людьми, которые поднимаются часто на деревья, крыши, чтобы только взглянуть на своего идола. У Ребеха Изролька есть жена, дочери и сыновья. Дочери его выходятъ замужъ почти дѣтьми. Каждому изъ его зятьевъ, которые выбираются обыкновенно между самыми богатыми людьми, вмѣняется въ обязанность поселиться въ Сада Горѣ и построить себѣ домъ по близости отцовскаго двора. Дочери ходятъ дома въ бархатѣ и шелку. Ежедневные кафтаны его сыновей и зятьевъ, шьются изъ самыхъ дорогихъ матерій. У маленькихъ дѣтей есть няньки: француженка, англичанка и нѣмка, сверхъ того гувернантки и гувернеры, какъ у какихъ нибудь принцевъ. Множество секретарей ведутъ дѣла дома, состоящія большею частію въ пріемѣ денежныхъ приношеній и другихъ даровъ. Передъ обѣдомъ Ребехо Изролька назначаетъ ауединенціи, т. е. принимаетъ, въ присутствіи своего секретаря, нѣкоторыхъ поклонниковъ. Не произнося самъ ни одного звука, онъ дозволяетъ имъ посмотрѣть на себя и принимаетъ обычное приношеніе, состоящее уже никакъ не менѣе, какъ изъ десяти австрійскихъ гульденовъ. Иногда Ребехо Изролька катается. Прежде за его каретой слѣдовала другая карета съ музыкантами, которые, во время катанья, играли лучшія пьесы, но въ настоящее время это уже болѣе не дѣлается, вѣроятно, по настоянію правительства.—Вотъ какъ живутъ еврейскіе святоши, пользуясь полною довѣрчивостію своихъ суевѣрныхъ собратовъ, они живутъ, какъ нельзя лучше.

Еврейскій судъ Бездинъ.

Въ каждой еврейской общинѣ имѣется свой домашній судъ Бездинъ, а въ большихъ городахъ по нѣскольку. Въ этомъ судѣ даёны [7]) судьи, а предсѣдатель суда раввинъ; уставъ, которымъ руководствуется этотъ судъ, есть Талмудъ. Такъ какъ настоящій іудейскій судъ представляетъ нѣкоторое подобіе древняго іудейскаго суда, то поговоримъ нѣсколько о немъ, прежде чѣмъ будемъ говорить о настоящемъ еврейскомъ судѣ. Іудеи, находясь въ плѣну, получали дозволеніе императоровъ устраивать свое административное управленіе, извѣстное подъ названіемъ Синедріонъ. Всѣ дѣла Синедріона ввѣрялись главному іудейскому начальнику, или предсѣдателю, который въ западномъ плѣнѣ носилъ имя Рошъ-Аботъ или патріархъ, а въ восточномъ—князь плѣненія; онъ опредѣлялъ всѣ гражданскія и церковныя должности, назначалъ законоучителей и всѣхъ, начиная отъ раввина, преподававшаго въ школахъ, до самыхъ низшихъ учителей при отправленіи обрядовъ. Такъ какъ власть патріарха и синедріона распространялась на весь разсѣянный народъ, то нужно было, чтобы она, такъ сказать, присутствовала вездѣ, гдѣ въ ней оказывалась надобность. Для этого назначались опытные люди, которые обязаны были въ извѣстныя времена посѣщать синагоги, утѣшать благочестивыхъ и наблюдать за исполненіемъ обрядовъ. Они назывались посланниками по роду своихъ обязанностей. Другіе, называвшіеся архисинагогами, составляли большое общество почетныхъ раввиновъ, день и ночь погру-

7) Избранные люди, хорошо знающіе талмудъ.

женныхъ въ молитву и въ изученіе священныхъ книгъ. Въ важные праздники, въ тѣ дни, когда весь израиль собирался для богослуженія, архисинагоги съ каѳедры поучали народъ истинамъ вѣры. Короче сказать, какъ синагоги такъ и всѣ члены ея имѣли большое вліяніе на еврейскія общества, какъ въ поучительномъ, такъ и судебномъ отношеніяхъ. Но не таковы дѣйствія настоящаго іудейскаго суда; онъ не принимаетъ на себя труда входить въ духовныя нужды израильтянъ, а занимается исключительно судебнымъ дѣломъ, да и этимъ занимается весьма плохо. Бездинъ не всегда защищаетъ беззащитныхъ и гонимыхъ; у него не ищи милости тѣ, которые хотя бы въ маломъ показали себя нарушителями талмуда или худыми исповѣдниками своей вѣры. Доноси, напримѣръ, на такихъ кто нибудь—ихъ обвинятъ, хотя бы они и были правы, а виновныхъ святошъ оправдаютъ. Казалось бы, что означенный судъ за такіе продѣлки долженъ бы, хоть когда нибудь, навлечь на себя неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ евреевъ,—но нѣтъ: онъ пользуется большимъ уваженіемъ у всѣхъ евреевъ и каждое его предписаніе исполняется свято; и это потому, что евреи убѣждены, что бездинъ исполняетъ свое дѣло законно, поелику онъ руководствуется правилами талмуда, слѣдовательно онъ уже не погрѣшимъ и противникъ суда считается противникомъ Бога.

Какъ же дѣйствуетъ этотъ судъ, для примѣра укажемъ хотя на слѣдующее: положимъ, что два еврея не поладили между собою; обиженный идетъ прежде всего къ духовному раввину и разсказываетъ ему про свою обиду; раввинъ выслушавъ его, немедленно посылаетъ шамаса за виновнымъ и тотъ непремѣнно является По выслушаніи обоихъ, раввинъ заставляетъ того, котораго онъ нашелъ виновнымъ, удовле-

творить обиженнаго; если онъ соглашается, то тѣмъ дѣло и оканчивается. Въ противномъ же случаѣ раввинъ предоставляетъ истцу право передать дѣло въ судъ, который обязанъ пригласить и раввина въ качествѣ предсѣдателя. Судьи, по выслушаніи судимыхъ, объявляютъ виновному свой приговоръ и предлагаютъ ему удовлетворить обиженнаго; если онъ соглашается, то берутъ съ него подписку и отпускаютъ съ миромъ. Если же упорствуетъ, то дѣло это вносится въ книгу, а ему объявляется, что если онъ въ теченіи трехъ дней не удовлетворитъ обиженнаго и не раскается передъ судомъ, то подвергнется наказанію, если и это предостереженіе не подѣйствуетъ, то судъ немедленно принимаетъ противъ виновника свои мѣры; а мѣры его такія, чтобы, по совѣту раввина, согнуть въ дугу дерзкаго отступника талмудическаго суда. Да съ нимъ такъ и поступаютъ. Прежде всего Бездинъ публично налагаетъ на преступника херемъ, т. е. предаетъ его анаѳемѣ, а если и тогда не раскается, то херемъ усиливается; и вотъ до какой безчеловѣчной степени:

1) Виновникъ лишается должностей, которыя онъ исполнялъ въ кагалѣ или братствахъ (Хевресъ).

2) Онъ исключается изъ общества и братства.

3) Онъ недопускается ни въ какія собранія и ни къ какимъ церковнымъ обрядамъ, совершающимся въ синагогѣ.

4) Его не принимаютъ ни къ общественному, ни къ частному пиру.

5) У него ни кто не долженъ нанимать квартиры или лавки.

6) Если ослушникъ ремесленникъ, то заказывать у него работы воспрещается.

7) Если кто заключилъ съ ослушникомъ обручальный договоръ, то другая сторона освобождается отъ этого обяза-

тельства, не подвергаясь обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ взысканію штрафа и возвращенія издержекъ.

8) Позволяется (для раздраженія противъ отступника общества и фанатизма) выставить свидѣтелей, что отступникъ ѣлъ трефное мясо и что онъ, по смыслу талмуда, величайшій беззаконникъ и вредный членъ общества.

9) Вмѣняется въ обязанность всякому свидѣтельствовать противъ такого. если что нибудь кому либо извѣстно; словомъ съ нимъ дѣлаютъ все, что только можетъ придумать бездинъ и кагалъ. Эти послѣдніе, которые сильно вліяютъ на общественную жизнь евреевъ, подобравъ въ свои руки осужденнаго еврейскимъ судомъ и раввиномъ причиняютъ ему разныя непріятности; при удобномъ случаѣ представляютъ ихъ христіанскому правительству какъ вредныхъ членовъ общества; для исправленія не рѣдко требуютъ полицію, которая въ этомъ случаѣ дѣлается слѣпымъ орудіемъ, къ наказанію непокорныхъ еврейскому Бездину.

Вотъ мѣры, принимаемыя іудейскимъ судомъ, побуждающія каждаго израильтянина бояться бездина и чтить его установленія, а бездинъ повелѣваетъ слушаться и кагалъ.

О еврейскомъ кагалѣ и о другихъ еврейскихъ обществахъ.

Кагальники суть лица, управляющія общественными дѣлами евреевъ. Въ кагальники избираются преимущественно такіе люди, которые успѣли обратить на себя вниманіе своихъ собратовъ примѣрною жизнію въ духѣ талмуда. Справедливость однако требуетъ сказать, что кагальники въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ другихъ евреевъ; развѣ только

ханжествомъ и святошествомъ, безъ чего немыслимо быть кагальникомъ. Кагальники занимаются тѣмъ, что собираютъ подати ставятъ рекрутъ и проч.

Воля кагала священна для евреевъ и онъ дѣлаетъ, что хочетъ. Кагальники не рѣдко отдаютъ въ рекруты сиротъ и одинокихъ, вмѣсто очереднаго богатаго семейства или знающихъ талмудъ, которыхъ они часто избавляютъ и отъ разныхъ повинностей; словомъ они во зло употребляютъ власть свою. Въ рукахъ кагальниковъ сосредоточены всѣ денежные сборы, которыми они распоряжаются по своей волѣ и живутъ по большой части на мірской счетъ. А что кагальники дѣйствительно во зло употребляютъ и въ особенности прежде употребляли довѣріе собратовъ своихъ, то это видно изъ того, что Русское правительство, до котораго доходили неоднократныя жалобы на кагалъ многихъ невинно гонимыхъ израильтянъ, нашло нужнымъ уничтожить кагалы, которыя оффиціально и уничтожены Высочайшимъ указомъ въ 1844 году; однако на самомъ дѣлѣ они до днесь существуютъ; и хотя скрытно, но ведутъ дѣла свои также, какъ велитъ имъ талмудъ, раввины и собственныя ихъ выгоды. Но мы не будемъ распространяться о таковыхъ лицахъ, каковы есть кагальники, а поговоримъ лучше о другихъ, болѣе замѣчательныхъ обществахъ еврейскихъ, чѣмъ кагальники.

Между евреями есть много благотворительныхъ обществъ. Первое и главное изъ нихъ извѣстно подъ именемъ хевре кедойше, т. е. общество святое. Членами сего общества избираются люди, отличающіеся нравственною жизнію и матеріальными средствами, служатъ они годъ, два, и безъ всякаго возмездія. Это общество имѣетъ вліяніе и на всѣ другія благотворительныя учрежденія и въ рукахъ

его сосредоточены почти всѣ приношенія усердствующихъ.

Второе благотворительное общество носитъ названіе ахнусисъ орхемъ. Оно печется о странникахъ, печется о томъ, чтобы дать имъ пріютъ и проч.

Третье общество называется «талмудъ торе». Его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы заботиться объ образованіи еврейскихъ сиротъ.

И наконецъ четвертое общество, называемое бикерхойлемъ, обязано посѣщать болящихъ.

Укажемъ, для примѣра, какъ дѣйствуютъ упомянутыя нами общества. Положимъ, что дошло до свѣденія главнаго общества о какомъ нибудь несчастномъ семействѣ, что оно находится въ бѣдности. Габе, старшій членъ общества, тотчасъ дѣлаетъ совѣщаніе съ прочими членами, и тутъ же опредѣляется извѣстное пособіе нуждающимся. Дальнѣйшее же попеченіе объ этомъ семействѣ, какъ то: объ образованіи дѣтей (если они есть) поручается другому обществу—хевре талмудъ торы, которое отдаетъ дѣтей въ школу и платитъ за нихъ.

Общество страннопріимства исполняетъ свое дѣло. Узнавши, что появилось въ городѣ нѣсколько странниковъ, оно поручаетъ своему члену, чтобъ онъ отвелъ имъ квартиры въ особенности на время празднованія шабаса, гдѣ они имѣютъ даромъ и пищу.

Точно также и члены другихъ обществъ исполняютъ свои дѣла, и находятъ средства помочь нуждающимся. Но откуда, спросятъ насъ, добываются эти средства?—Вотъ откуда: каждое общество посылаетъ, разъ въ недѣлю, члена своего съ запечатанною кружкою сбирать деньги по городу, и каждый еврей охотно приноситъ свою лепту въ пользу неимущихъ

братій. Собранныя деньги поступаютъ по принадлежности. Благотворительность достигаетъ своей цѣли; ибо вмѣсто того, чтобы нищій крикомъ и стономъ вымаливалъ подаяніе, получаетъ оное безъ всякаго попрошайства. Одного жаль, что изъ означенныхъ приношеній употребляется много денегъ на обученіе сиротъ талмуду, который не доставляетъ имъ никакой существенной пользы, а только губитъ и время и здоровье дѣтей; ибо многіе изъ нихъ остаются на всю жизнь праздными талмудистами, что увидимъ изъ нижеслѣдующаго.

Еврейскія училища.

Въ каждомъ еврейскомъ мѣстечкѣ изъ юго-западныхъ губерній имѣется по нѣскольку еврейскихъ училищъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Хейдеры. Онѣ помѣщаются по большей части въ концѣ города, въ небольшихъ грязныхъ домикахъ, лишенныхъ свѣжаго воздуха, необходимаго для здоровья человѣка. Училища эти дѣлятся на высшія, среднія и низшія. Кромѣ сихъ, есть еще и другія учебныя заведенія, именуемыя талмудъ торы и ешиботы. Учителей во всѣ училища избираютъ сами евреи. Въ низшія поступаютъ учителями люди съ ограниченными познаніями, а въ высшія—хорошо знающіе талмудъ.

Такъ какъ евреи весьма уважаютъ дѣло образованія, то училища всегда полны учениками. Каждый родитель съ наступленіемъ дня побуждаетъ сына [1]) скорѣе бѣжать въ школу; даже въ ненастную погоду самыя малыя дѣти не избавляются отъ школы, и ихъ несутъ туда на рукахъ своихъ родители или бельферы—учительскіе помощники. Занятія учи-

1.) Для дѣвочекъ грамотность необязательна.

*

телей слѣдующія: Въ низшемъ училищѣ учитель учитъ каждое дитя отдѣльно, минутъ по десяти, и пріучаетъ его болѣе чтенію, письму и нѣкоторымъ молитвамъ, занятія продолжаются съ 8 до 12 часовъ, потомъ съ 2 до 5. По окончаніи занятій бельферъ выстраиваетъ дѣтей въ шеренгу и громкимъ голосомъ читаетъ съ ними молитвы.

Въ среднихъ училищахъ ученіе производится слѣдующимъ образомъ: классы начинаются съ утра и продолжаются до 2 часовъ; и отъ 3 по полудни до 8 часовъ вечера. Зимою занимаются и по вечерамъ; училище освѣщается одною тонкою свѣчею, за которою сидятъ ученики, занимающіеся въ присутствіи учителя съ великимъ шумомъ. Курсъ средняго отдѣленія состоитъ въ прохожденіи пятикнижія Моисея, что продолжается годъ или два, смотря по способностямъ учениковъ, и въ краткомъ изученіи талмуда [2]).

Въ высшихъ училищахъ ученики проходятъ талмудъ въ обширномъ объемѣ. Они уже безъ учителя просматриваютъ одинъ или два листа заданнаго имъ урока изъ талмуда; потомъ читаютъ его предъ учителемъ, который объясняетъ непонятныя для нихъ мѣста и разрѣшаетъ нѣкоторые вопросы раввиновъ, находящіеся въ многосложномъ ученіи талмуда. Нельзя не замѣтить, что все то, что преподается во всѣхъ означенныхъ училищахъ, преподается безъ должнаго порядка; и большая часть учениковъ не знаетъ даже своей грамматики; оттого то евреи не правильно понимаютъ и неправильно объясняютъ свои священныя книги. Но не смотря на означенные недостатки еврейскихъ училищъ, евреи хлопочутъ,

---

2) Талмудъ есть ученіе раввиновъ, касающееся догматической жизни еврейскаго народа; въ немъ, кромѣ толкованія раввиновъ на св. писаніе, есть многія легенды и басни. Евреи почитаютъ талмудъ наравнѣ съ св. писаніемъ.

чтобы ихъ было какъ можно больше. Мы уже замѣтили, что у евреевъ существуютъ разныя учебныя заведенія. Кромѣ упомянутыхъ, есть училища, извѣстныя подъ названіемъ талмудъ-торы и ешиботы. Талмудъ-торы есть заведеніе для бѣдныхъ мальчиковъ, совмѣщающее въ себѣ всѣ роды хейдеровъ (училищъ) отъ начальныхъ, до талмудическихъ; и съ тою только разницею, что въ немъ для экономіи каждому учителю опредѣляется небольшое число учениковъ. Ешиботъ есть высшее талмудическое училище, нѣчто въ родѣ академіи, учрежденное для бѣдныхъ, но довольно уже учившихся еврейскихъ юношей. Эти училища поддерживаются во первыхъ кагалами, во вторыхъ пожертвованіями набожныхъ евреевъ, и въ третьихъ деньгами, собираемыми по городу на поддержку талмуда. Учащіеся живутъ въ школахъ; тамъ они днюютъ; спятъ на голыхъ скамьяхъ, питаются самою скудною пищею и цѣлый вѣкъ свой губятъ надъ изученіемъ талмуда.

Кромѣ упомянутыхъ училищъ есть и казенныя еврейскія училища; но къ нимъ евреи не благоволятъ; и если нѣкоторые изъ нихъ посылаютъ туда дѣтей своихъ, то на весьма малое время; а виновниками всего этого служатъ ревностные учители талмуда, они стараются ставить всѣ козни, какъ участвующимъ въ сихъ училищахъ, такъ и родителямъ, посылающимъ туда дѣтей своихъ. Они стараются внушить израилю, что христіанскія училища могутъ нанести вредъ іудейству и что побывшій въ нихъ уже плохой еврей.

Само собою разумѣется, что послѣ такихъ увѣщаній учителя талмудиста, уважаемаго евреями, евреи неохотно посылаютъ дѣтей своихъ въ казенныя училища, оттого дѣло образованія евреевъ въ русскомъ духѣ идетъ очень плохо. Но намъ могутъ сказать и даже говорятъ защитники іудейства,

что евреи съ нѣкотораго времени почувствовали потребность изучать русскій языкъ; даже отъ имени ихъ нѣкоторые изъ пишущихъ людей, не знаю почему-то, печатно заявляютъ объ этомъ стремленіи. Вотъ что пишетъ въ газетѣ «Голосъ» (№ 157 1866 г.) какой-то господинъ Н. Г. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, явилось много между евреями поборниковъ свѣта [3]) и начали пошатывать могучею рукою (удивительно какъ), отжившее, но глубоко укоренившееся зданіе фанатизма; теперь, продолжаетъ онъ, лучъ за лучемъ сталъ проникать въ еврейскую среду и глазъ еврея, не привыкшій къ свѣту, мало по малу перестаетъ ослѣпляться, и кромѣ того, продолжаетъ тотъ же Н. Г., и еще многое перемѣнилось въ гражданскомъ быту евреевъ». Да полно такъ ли, почтенный Н. Г.? Совсѣмъ другое разсказываетъ намъ о евреяхъ тотъ, который живетъ въ смѣжности съ ними и хорошо знаетъ ихъ жизнь. «Несмотря на стараніе правительства, говоритъ корреспондентъ Виленскаго Вѣстника (№ 133, 1866 г.), заботящееся болѣе полвѣка объ улучшеніи быта евреевъ, объ ихъ образованіи и просвѣщеніи, евреи остаются тѣми же аномальными существами-полуазіатцами, полуевропейцами съ ихъ испорченнымъ жаргономъ, съ безобразной одеждой, съ тѣми же пейсами, съ тѣмъ же упорствомъ оставаться навсегда талмудическими евреями не показывая даже желанія ознакомиться съ языкомъ той страны, которая старалась и старается до днесь быть для нихъ доброю матерью». И въ самомъ дѣлѣ,

---

3) Желательно бы знать, кто сіи поборники и просвѣтители, взявшіеся просвѣтить тѣхъ, которые, по слову пророка, сидятъ многіе вѣка во тмѣ и сѣни смертней и которыя, по словамъ Евангелія, не могутъ просвѣтиться безъ свѣта Христова. «Азъ есмь свѣтъ», сказалъ Спаситель нашъ. Слѣдовательно, не просвѣщающіеся симъ свѣтомъ пребываютъ во тмѣ.

евреи теперь переводятъ свои молитвенники, псалмы и нѣкоторые отрывки изъ священнаго писанія на нѣмецкій жаргонъ, но на русскомъ же нарѣчіи мы не встрѣчаемъ ни одной изъ таковыхъ. Этого мало; еврейскіе учители, объясняя ученикамъ библію съ толкованіемъ раввина Раши, затмевающаго истинный смыслъ священнаго писанія, нетолько не располагаютъ этимъ еврейское юношество къ русскому народу и къ его нарѣчію, но, можно сказать, еще отталкиваютъ его отъ всего этого. Напримѣръ, когда учитель читаетъ съ учениками библію и находитъ въ ней слова: гоимъ и акимъ, что значитъ иновѣрцы и идолопоклонники, то обыкновенно говорятъ, что гоимы и идолопоклонники суть русскій народъ. Такія то понятія о русскихъ выносятъ ученики изъ училищъ и передаютъ ихъ малолѣтнимъ своимъ братьямъ и сестрамъ, которые, по этому самому, прежде чѣмъ ознакомятся съ русскимъ человѣкомъ, уже чувствуютъ отвращеніе къ нему [4]). Это мы говоримъ не по какой либо ненависти къ прежнимъ собратамъ своимъ, а говоримъ сущую правду, потому что мы сами, будучи въ іудействѣ, не любили русскаго народа и его грамотности; не любили потому, что намъ толковали учители, что русскія книги «трейфъ и пуслъ», т. е. скверныя и порочныя. Говоря объ этомъ, мы считаемъ долгомъ указать на тѣ препятствія, которыя не даютъ евреямъ слиться съ русской народностью. Эти препятствія, какъ мы уже говорили, заключаются именно въ томъ, что еврейскіе учители, какъ величайшіе фанатики, не даютъ евреямъ истиннаго образованія. Поэтому, чтобы благая цѣль—слить ев-

---

4) Мы далѣе по подробнѣе скажемъ, каковы отношенія нынѣшнихъ евреевъ къ христіанамъ.

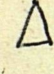
реевъ съ русскою народностью достигалась, необходимы истинно просвѣщенные педагоги, воспитанные въ русскомъ духѣ. Только такіе учители и могутъ направить чадъ израиля ко всему благому, вселить въ нихъ любовь къ Богу и любовь къ Отечеству, въ которомъ они обитаютъ. Вотъ чего бы намъ хотѣлось отъ учителей, берущихъ на себя обязанность воспитывать еврейское юношество. Этого же начинаютъ желать и нѣкоторые образованные евреи. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ (г. Нелькинъ) въ Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (№ 29, 1867 г.); онъ говоритъ, «что единственное препятствіе къ обрусенію евреевъ въ Россіи, составляетъ народный фанатизмъ и разныя суевѣрія, вкравшіяся въ область еврейской вѣры. Прямое же средство вывести евреевъ изъ настоящаго ихъ состоянія и ввести въ общую колею для соединенія ихъ съ господствующимъ народонаселеніемъ заключается въ ихъ воспитаніи вообще и въ религіозномъ ученіи въ особенности. Да, заключаетъ корреспондентъ Харьковскихъ вѣдомостей, въ религіозномъ ученіи евреевъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно распространяется въ народѣ, заключается главная причина ихъ отчужденія отъ русской націи. Кто, послѣ всего этого, не скажетъ, что еврейскимъ училищамъ слѣдуетъ дать совершенно другое направленіе, и если трудно преобразовать всѣ съ разу, такъ какъ ихъ не мало, то по крайней мѣрѣ необходимо улучшить высшія училища; ибо низшія, въ которыхъ мальчики научаются чтенію и письму и начальнымъ молитвамъ, еще безвредны; но бѣда съ высшими талмудическими училищами и ешиботами, въ которыхъ еврейскіе сироты-юноши остаются на всю жизнь свою и тратятъ тамъ, безъ всякой пользы, на безконечное ученіе, и время и здоровье свое. Въ ешиботахъ не изучаютъ они того,

что требуется отъ человѣка гражданина, а изучаютъ только то, что служитъ опорою талмуда и еврейскаго фанатизма. Убѣдиться въ этомъ весьма нетрудно; стоитъ только заговорить съ учениками ешиботы, и уже можно догадаться, что они не имѣютъ никакого понятія о жизни, а знаютъ только одно—талмудъ. Да и весь тотъ недостатокъ, который замѣчается въ жизни всѣхъ евреевъ, происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ высшихъ талмудическихъ училищъ, внушающихъ имъ жить не такъ, какъ живутъ всѣ другіе народы, а какъ-то иначе. И дѣйствительно, въ жизни евреевъ, въ ихъ пищѣ, одеждѣ и жилищахъ есть какое то отличіе, есть какая то странность.

Жилища евреевъ.

Еврейскіе дома строятся одинъ подлѣ другаго по большей части безъ дворовъ и огородовъ; весьма неопрятны, бѣдны и тѣсны. Въ маленькихъ этихъ домикахъ живутъ по нѣскольку семействъ. Замѣтить нужно, что евреи строятъ дома свои вдали отъ христіанскихъ жилищъ; а если имъ и приходится жить въ смежности съ христіанами, то все таки держатъ себя подальше отъ нихъ. Еврей не поселится съ христіаниномъ въ одной квартирѣ; рѣдко онъ и нанимаетъ ее у христіанъ, хотя бы она и была удобнѣе и опрятнѣе еврейской. И это нестолько потому, что каждому человѣку, обыкновенно, пріятно жить съ человѣкомъ своей вѣры, а потому, что они убѣждены, что Богъ вѣдомъ лишь во израилѣ. Что вѣра и молитвы только израиля пріятны Господу; а вѣрованія всѣхъ прочихъ народовъ ничто. Евреи уподобляютъ всѣхъ народовъ идолопоклонникамъ; по этому самому, не желая зара-

зиться безвѣріемъ иноплеменныхъ, страшась навыкнуть ихъ нравамъ и обычаямъ, они держатъ себя въ замкнутости отъ иновѣрцевъ. Далѣе евреямъ пріятно жить съ евреями вкупѣ и потому, что съ ними только послѣ обѣда и могутъ составить себѣ мезименъ, т. е. совокупную молитву, которую они любятъ возносить послѣ хлѣба-соли покрайней мѣрѣ въ троемъ, на томъ основаніи, что въ талмудѣ сказано: «если трое поѣдятъ за однимъ столомъ и прославятъ вмѣстѣ Бога, то это все равно какъ бы они ѣли отъ Престола Вышняго» (кн. Сидеръ перекъ, отд. 3). Да и мало ли причинъ, побуждающихъ евреевъ жить отдѣльно отъ христіанъ. Имъ, напримѣръ, не нравится, что въ христіанскихъ домахъ существуютъ иконы; а какой же христіанинъ рѣшится снять икону, которую не терпитъ еврей и нетерпитъ потому, что покланяться ей онъ считаетъ противнымъ второй заповѣди, не понимая, что христіане, чествуя святыя иконы, почитаютъ не вещество, изъ котораго они сдѣланы, а то, что изображено на иконахъ, именно Бога и святыхъ Его угодниковъ. Но евреи ничего этого не знаютъ, да и знать не хотятъ; имъ кажется священнымъ только то, что существуетъ у нихъ и между ними; поэтому такъ они и льнутъ другъ къ другу. Они, какъ уже мы выше замѣтили, живутъ по нѣскольку семействъ въ какой нибудь тѣсной и грязной квартирѣ, куда часто загоняютъ куръ, гусей и даже телятъ. Оттого то въ квартирахъ еврейскихъ бываетъ вѣчная грязь и невыносимая вонь. Кто живалъ между евреями, тотъ вѣроятно знаетъ, что они очищаютъ грязь въ квартирахъ своихъ только предъ большими праздниками. Во многихъ еврейскихъ домахъ можно встрѣтить и хорошую мебель, но и эта мебель грязна, не вытерта и содержится всегда не въ порядкѣ: рядомъ съ хорошимъ

кресломъ увидѣть можно и ломаный стулъ; у иного еврея можно встрѣтить даже серебряные подсвѣчники, но тутъ же рядомъ стоитъ и мѣдный нечищенный подсвѣчникъ, съ сальнымъ огаркомъ. Замѣтимъ еще и то, что они нетолько свои дома, но и самихъ себя содержатъ весьма неряшливо. Несмотря на то, что они умываются ежедневно, даже передъ обѣдомъ и ужиномъ, руки ихъ вѣчно въ грязи; и это потому, что они умываются кое какъ, безъ мыла и преимущественно моютъ только кончики пальцевъ и нестолько для чистоты, сколько для выполненія обряда, узаконеннаго раввинами, повелѣвающими израилю мыть болѣе оконечности рукъ, дабы симъ прогнать нечистую силу, скрывающуюся подъ кончиками ногтей.

Послѣ такой небрежности къ самому себѣ неудивительно, что руки малолѣтнихъ дѣтей еврея поражены постоянно чесоткою, а головы болячками. Еврей себѣ рѣдко вычешетъ голову, а до головы дѣтища ему и дѣла нѣтъ; короче сказать, неряшество еврея такъ велико и такъ отражается на каждомъ изъ нихъ, что оно развиваетъ между ними многія болѣзни. Мы видимъ, что большинство изъ нихъ худощавы, блѣднолицы, а многіе подвержены груднымъ и золотушнымъ болѣзнямъ. Кромѣ неряшества и неопрятной жизни немало также способствуетъ къ лишенію здоровья евреевъ и чрезвычайная ихъ усидчивость и ихъ пища.

Пища евреевъ.

Пища евреевъ скудна; многіе изъ нихъ почти всегда употребляютъ самый жидкій постный супъ или рѣдьку, лукъ и чеснокъ. Конечно, богатые имѣютъ возможность употреблять и мясо, но за то бѣднякъ употребляетъ его весьма рѣдко;

къ этому служатъ немалою причиною и предразсудки евреевъ. Напримѣръ, мастеровой, находящійся въ христіанской деревнѣ на заработкахъ, неупотребляетъ мяса по нѣскольку мѣсяцевъ потому, что свреямъ, по закону талмуда, дозволяется употреблять только то мясо, которое было зарѣзано еврейскимъ мясникомъ шейхедомъ; а въ христіанской деревнѣ, разумѣется, трудно найти шейхеда; поэтому, еврейскому рабочему, находящемуся въ христіанской деревнѣ и приходится питаться означенною пищею или печенымъ картофелемъ и уже ничѣмъ болѣе, даже и не мяснымъ; ибо изготовленное кушанье въ христіанской посудинѣ еврей тоже не употребляетъ, считая оное трефнымъ, т. е. скверным по закону. Правилъ талмуда, находящихся въ книгѣ Шулхонъ-ойрихъ относительно кушанья евреевъ, какія изъ нихъ должны они употреблять и какія нѣтъ, столь много, что евреи могутъ сдѣлать и чистыя блюда трефными, нечистыми. Напримѣръ, если масла скоромнаго нечаянно попало на сковороду, въ которой жарилась говядина, то эту говядину нельзя ѣсть, ибо она трефъ; поелику, талмудъ строго воспрещаетъ смѣшивать молоко и масло съ мясомъ, на основаніи слѣдующихъ словъ писанія: «да не свариши ягненко въ млекѣ матери его». Изъ этого раввины вотъ что вывели: если нечаянно попадетъ нѣсколько даже капель молока въ мясной бульонъ, то это трефъ; и если кто молочною ложкою почерпнетъ что либо изъ мяснаго, то нетолько кушанье, но и посуда считается трефъ. Потому то имѣется въ каждомъ еврейскомъ домѣ, какъ для мяснаго кушанья, такъ и для молочнаго, особая посуда. На молочной посудѣ, для отличія ея отъ мясной, они дѣлаютъ зарубки; и когда садятся обѣдать, то строго наблюдаютъ, чтобы не смѣшивать одну посуду съ другою; они не употребляютъ молока тотчасъ послѣ

мяса и на оборотъ. Правила трефъ распространяются даже и на хлѣбъ, и еврею талмудомъ воспрещается ѣсть тотъ хлѣбъ, который былъ приготовленъ не еврейкою и предъ печеніемъ котораго не была прочитана установленная для сего правилами талмуда молитва. Но если уже крайняя необходимость побуждаетъ еврея къ тому, чтобы ѣсть хлѣбъ, испеченный христіаниномъ, то онъ прежде творитъ надъ нимъ молитву и потомъ уже ѣстъ. Если же отъ хлѣба ѣлъ христіанинъ, то еврей прежде срѣзываетъ ломоть сверху и потомъ уже употребляетъ. Впрочемъ, на употребленіе хлѣба не такъ еще строго смотритъ талмудъ, какъ на употребленіе мяса; къ употребленію послѣдняго препятствуетъ кромѣ талмуда и существующій законъ—взимать съ евреевъ коробочный сборъ за право рѣзанія скота; а чрезъ это и дѣлается мясо по дороговизнѣ своей почти недоступнымъ для бѣдняковъ. Не менѣе препятствій евреи встрѣчаютъ и къ употребленію рыбы. Объ употребленіи рыбъ въ книгѣ Моѵсеевой читаемъ слѣдующее: «и сихъ гнушайтеся, имъ же несть перія и чешуя и всякіе гады птичія, иже ходятъ на четырехъ, мерзость ѣсть вамъ» (кн. лев. II). Поэтому собственно и неупотребляютъ евреи нѣкоторыхъ птицъ и нѣкоторыхъ рыбъ. Евреи не употребляютъ стерлядь, осетрину, а ѣдятъ преимущественно щуку, начиняя оную фаршемъ и приправляя лукомъ и перцемъ. Но если еврей голодуетъ цѣлую недѣлю, то въ шабасъ у него всего довольно: у каждаго еврея найдете на столѣ и означенную рыбу и мясо, и цимисъ (соусъ), и кугель (лапшинникъ). Послѣднимъ кушаньемъ, какъ лакомымъ блюдомъ, они любятъ подчивать знакомыхъ христіанъ, показывая этимъ во первыхъ то, что евреи изобилуютъ явствами въ священный день шабаса, во вторыхъ желаютъ исполнить законъ свой, въ которомъ ска-

зано: «и возвеселится въ день сей и обитающій съ тобою». На этомъ основаніи нѣкоторые евреи, болѣе щедрые, пекутъ отдѣльный хлѣбъ шабашковый для прислуживающихъ у нихъ христіанъ. Въ субботу, даже посторонніе изъ бѣдныхъ христіанъ нарочно отправляются въ вечеръ шабаса къ евреямъ подѣлать кое что, хоть со свѣчей снимать, зная, что и за это ничтожное дѣло евреи угощаютъ виномъ и куличемъ.

Платье евреевъ.

Евреи употребляютъ для одежды сукна изъ овечьей шерсти и шелковыя матеріи; но одежды, сшитыя изъ матерій, сотканныхъ пополамъ изъ шерсти съ хлопчатою бумагою, они не носятъ, на основаніи закона Моисеева. Впрочемъ, сукна и шелковыя матеріи идутъ болѣе для богатыхъ; бѣдняки же носятъ по преимуществу нанковыя платья; и только въ шабасъ, ради священнаго дня, наряжаются и сіи въ шелковыя платья, хотя бы они были рваныя. У еврея шелковое платье великое дѣло, а сѣрый армякъ и нагольная шуба у нихъ въ великомъ пренебреженіи. Мы помнимъ, какъ общество презирало одного изъ собратовъ своихъ, исполнявшаго должность рѣзака и вмѣстѣ съ тѣмъ уставщика, за то только, что онъ надѣвалъ на себя сѣрый армякъ и нагольную шубу; всѣ говорили, что если онъ носитъ грубую мужицкую одежду, то пусть отказывается отъ своихъ почетныхъ должностей. Пренебреженіе нагольною шубою до того простирается, что они избѣгаютъ ее въ невыносимые морозы и нѣкоторые бѣдняки надѣваютъ на себя разомъ нѣсколько платьевъ, а армякъ и нагольную шубу не надѣнутъ. Платье евреевъ должно быть шито непремѣнно конопляными нитками; потому, заказывая оное, еврей

даетъ портному и свои нитки, пряденныя еврейкою. И горе тому портному, который сошьетъ другими нитками; онъ болѣе работы не получитъ. А если еврей у христіанина купитъ платье, то перешиваетъ оное своими нитками. Кстати здѣсь скажемъ о томъ, какъ одѣваются евреи: любимый ихъ нарядъ—длинный до пятъ кафтанъ, который вѣчно въ грязи, безобразная шапка штраймель и туфли. Правда, что такой нарядъ теперь носить правительство воспрещаетъ евреямъ, но нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности пожилые, или изъ секты Хасидимъ, и до днесь не оставляютъ оный и особенно любятъ щеголять въ немъ по улицамъ въ дни шабаса.

Что же касается до еврейскихъ женщинъ, то онѣ носятъ общепринятыя платья, кромѣ сарафановъ; нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе состоятельныя, подражаютъ даже модамъ. Но при этомъ нужно замѣтить, что иная еврейка нарядится въ самое лучшее новомодное платье, на руки надѣнетъ кольца и браслеты, но все это надѣнетъ кое какъ; она и въ зеркало не посмотрится, считая это дѣломъ излишнимъ; да если бы еврейка и захотѣла употребить нѣкоторое время на туалетъ, то мужъ отъ этого уклонитъ ее и напомнитъ, что она земля и червь; а наставленіе мужа для нея законъ. Замѣтить нужно также и то, что еврейки имѣютъ обыкновеніе стричь и брить волосы свои, и это ихъ чрезвычайно уродуетъ; они сами сознаютъ это, ибо съ того времени, какъ послѣдовалъ Высочайшій указъ, запрещающій еврейкамъ брить волосы, то многія изъ нихъ воспользовались этимъ и перестали брить волосы. Но болѣе набожные, слѣдуя внушеніямъ талмуда, воспрещающаго носить волосы и ходить съ открытою головою, и теперь стригутъ и брѣютъ ихъ; а чтобы не казаться безобразными—носятъ парики.

Умственныя способности и нравственность евреевъ.

Умственныя способности евреевъ, по нашему мнѣнію, довольно развиты; намъ нерѣдко удавалось слышать такой отзывъ о евреяхъ и отъ многихъ христіанъ, жившихъ между ними. Христіане эти говорили, что евреи вообще смышлены. Въ самомъ дѣлѣ есть между ними очень много людей довольно умныхъ; съ инымъ евреемъ поговоришъ—подумаешь, что и Богъ вѣсть какое онъ получилъ образованіе, а на дѣлѣ выходитъ, что онъ только и знаетъ свою грамоту, а между тѣмъ разсуждаетъ весьма умно.

Нельзя сказать, чтобы евреи были и безнравственны. И между ними рѣдко можно встрѣтить грабежи и убійства; они вообще ведутъ жизнь мирную; пьянство составляетъ рѣдкость между евреями, а если кто изъ нихъ и выпиваетъ, то весьма умѣренно; еврей не позволитъ себѣ безвременно пить вино и тратить свой трудовой грошъ на водку; развѣ только къ субботнему дню, ради талмудическаго устава, повелѣвающаго въ означенный день творить молитву надъ виномъ, купитъ онаго и выпьетъ свою маленькую рюмочку, которою не захотѣлъ бы и ротъ марать нашъ русскій мужичекъ; а еврей, смотришь, поподчуетъ изъ нее и жену и дѣтей, которымъ, впрочемъ, придется лишь обмакнуть въ винѣ кусокъ кулича. Но не въ одномъ этомъ видна нравственность евреевъ; она выражается и въ ихъ семейной жизни.

Семейная жизнь евреевъ.

Каждый еврей съ своимъ семействомъ составляетъ какъ бы

отдѣльный малый міръ, въ которомъ онъ владыка и считаетъ священною обязанностію заботиться о томъ, чтобы его дѣти не хуже другихъ были воспитаны [1]). Еврей вѣруетъ, что за дурное воспитаніе дѣтей ему придется отвѣчать Богу въ будущей жизни. Жена еврея тоже хорошо ведетъ себя въ семейномъ отношеніи; она служитъ своему мужу доброю помощницею во всемъ и облегчаетъ его труды своею дѣятельностію; она никогда нескажетъ своему мужу, что я не въ силахъ этого сдѣлать, что это дѣло мущины. Нѣтъ, она берется за все, часто исполняетъ и дѣло мужа; такъ, извѣстно, что еврейка сидитъ въ своей мелочной лавкѣ болѣе усидчиво, чѣмъ самъ мужъ. Кромѣ того, еврейская жена отличается и супружескою вѣрностью; она не рѣшится на преступленіе противъ мужа; вопервыхъ потому, что она боится Бога и Его грознаго суда, ожидающаго нарушителей супружеской вѣрности; во вторыхъ она боится и развода, который можетъ дать ей мужъ за ея невѣрность къ нему. Кромѣ всего этого, ей страшенъ и позоръ, которому она можетъ подвергнуться со стороны собратовъ своихъ; ибо подозрѣваемую въ супружеской невѣрности презираетъ всякій, а раввинъ перѣдко дѣлаетъ ей явныя оскорбленія, не справляясь даже, вѣренъ ли доносъ мужа. Просимъ читателя, обратить вниманіе хоть на слѣдующій примѣръ. Въ Кіевлянинѣ пишутъ: «Одинъ изъ проживающихъ въ Умнѣ еврей подозрѣвалъ жену свою (впрочемъ, женщину 55 лѣтъ) въ невѣрности, жаловался своимъ

---

1) Евреи не заботятся много о томъ, чтобы дѣти ихъ были образованы по европейски, чтобы они, напримѣръ, говорили на иностранныхъ языкахъ; нѣтъ, они заботятся о томъ только, чтобы мальчикъ зналъ свою грамоту, а дѣвочка хозяйство. Для чего каждая мать держитъ при себѣ дочь свою когда готовитъ кушанья. Правда, воспитаніе не затѣйливое, но за то въ основаніи его лежитъ прочное благополучіе.

единовѣрцамъ. Вышло то, что онъ едвали могъ ожидать. Въ одинъ вѣчеръ толпа евреевъ-хуседовъ, подъ предводительствомъ раввина, напали на домъ, подозрѣваемой въ нарушеніи супружеской вѣрности. Въ домѣ въ ту пору никого не было, кромѣ матери и дочери. Несчастная мать, предупрежденная объ ожидавшей ея несчастной участи, наскоро заперла двери и сама спряталась въ амбаръ, въ какую то бочку; но толпа, разбивши двери и окна, ринулась въ домъ и послѣ тщательнаго обыска нашла жертву. Ее вытащили изъ бочки и начали карать за предполагаемый грѣхъ, кто палкою кто кулаками, кто чѣмъ могъ. На эту сцену подошелъ мужъ и увидѣвъ послѣдствія своей глупой продѣлки, сталъ просить раввина разогнать толпу и освободить жену; но раввинъ не согласился. Несчастную женщину, ободранную, избитую, положили на повозку и въ сопровожденіи шумной толпы везли по городу. Конечно, такія исправительныя мѣры могутъ направить на истинный путь хоть какую невѣрную жену; но, къ чести еврейскихъ женъ, сказать можно, что онѣ и безъ этого, ради одного страха Божія, пребываютъ вѣрны своимъ мужьямъ.

Кромѣ упомянутыхъ добрыхъ качествъ, которыми отличается еврейская жена, она отличается и хозяйскою расчетливостію и экономіею. Еврейка сбережетъ каждую кроху, добытую мужемъ, и у ней ничего не пойдетъ зря; она тѣ самые припасы, которые русская хозяйка употребила бы за разъ, непременно раздѣлитъ на два или на три раза. Такой примѣръ расчетливости родителей дѣйствуетъ и на дѣтей. Мы знаемъ, какъ сберегаетъ еврейское дитя подаренную ему отцемъ копѣйку; оно не пролакомитъ ее, а сбережетъ и постарается накопить побольше денегъ, чтобы сдѣлать себѣ къ

празднику обновку. Такія отношенія между мужемъ и женою, дѣтьми и родителями служатъ отличительнымъ характеромъ семейной жизни евреевъ.

Занятія, которымъ преимущественно предаются евреи.

Евреи, при выборѣ занятій, вообще стараются избрать такое дѣло, которое бы, по возможности, требовало какъ можно менѣе физической силы. Такъ мы видимъ между ними много портныхъ, сапожниковъ, часовыхъ дѣлъ мастеровъ и проч. Причина, по которой у евреевъ такъ развито стремленіе къ мастерству, заключается, какъ мы и сказали, въ томъ, что они тяжелымъ трудомъ заниматься не любятъ и хлѣбопашествомъ почти не занимаются. Поэтому, тѣ изъ евреевъ которымъ не удалось сдѣлаться торговцами, озабочиваются, по обученіи дѣтей своихъ грамотѣ, пріучить ихъ къ какому нибудь мастерству, чтобы онѣ могли добывать себѣ насущный хлѣбъ. Живущіе въ югозападныхъ губерніяхъ знаютъ, какъ города и селенія, занимаемыя евреями, изобилуютъ разнаго рода мастеровыми, знаютъ, какъ портной еврей усердно прінскиваетъ себѣ заработки не только дома, но и внѣ своей общины—въ христіанскихъ селеніяхъ; и какъ наконецъ обшиваетъ онъ и барина и крестьянина за такую ничтожную плату, за которую иной русскій мастеровой не согласится сдѣлать. Да и нетолько сельскіе портные, которые шьютъ не щеголевато, не домогаются большей платы, но и городскіе портные, болѣе усовершенствованные, работаютъ за очень умѣренную цѣну, чтобы добыть копѣйку, которую евреи особенно любятъ и въ которой имѣютъ постоянныя нужды. Ему нужны деньги и на обученіе грамотѣ дѣтей, и на раз-

ныя повинности, нетолько государственныя, но и общественныя, которыя взимаются съ каждаго изъ евреевъ и въ пользу города и въ пользу бѣдныхъ собратовъ своихъ; словомъ, безденежный человѣкъ считается у евреевъ плохимъ человѣкомъ; онъ и по силѣ талмуда подобенъ мертвецу. Вотъ почему каждый еврей старается что нибудь пріобрѣсть, вотъ почему онъ охотно трудится. Особенно отличаются трудолюбіемъ и добросовѣстностію портные и сапожники; тѣхъ только изъ нихъ нельзя рекомендовать, которые занимаются тандетною работою, т. е. рыночною; такого мастероваго нужно избѣгать, потому что онъ работаетъ на живую нитку; или нужно предупредить его, чтобы онъ работалъ не такъ, какъ тандетный работникъ, а дѣлалъ бы добросовѣстно; а предупредить его весьма не трудно; если онъ дастъ обѣщаніе исполнить заказъ какъ слѣдуетъ, то стоитъ только заставить его побожиться по своему; пусть скажетъ онъ: «ви-ихъ бинъ аидъ», т. е., какъ я есмь іудей; и достаточно; каждый еврей столь священно чтитъ свое названіе, что ни подъ какимъ видомъ неупотребитъ оное всуе; только нужно настоять, чтобы онъ правильно произносилъ означенныя слова; а если употребитъ другія, подобныя же, тогда не прогнѣвайтесь—онъ обманетъ. При этомъ нужно замѣтить еще и то что иные евреи большіе охотники божиться по русски; но эту божбу они и за грѣхъ не считаютъ; въ этомъ мы убѣдились сами. Но какія бы недостатки мы не находили въ тандетныхъ работникахъ, а они все таки въ глазахъ нашихъ заслуживаютъ болѣе уваженія за свое трудолюбіе чѣмъ другіе еврейскіе мастеровые, которыми такъ изобилуетъ еврейскій людъ.

Кромѣ портныхъ и сапожниковъ есть между евреями и дру-

гіе мастеровые, какъ-то: часовщики, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и проч. Послѣднее занятіе они уже особенно любятъ; а если имъ не удастся сдѣлаться золотильщиками, то, по крайней мѣрѣ стараются быть мѣдниками или лудильщиками посуды, но отнюдь не кузнецами; про это занятіе они и слышать не хотятъ. Молотомъ бить, говорятъ они, можетъ только здоровый мужикъ, а мы слабы и нѣжны, мы болѣе способны къ благороднымъ занятіямъ. Золотыхъ дѣлъ мастерство привлекательно и потому для еврея, что научившись мало мальски дѣлать сережки и кольца, начинаютъ уже ими торговать; ходятъ изъ одного мѣста въ другое со шкатулкою, наполненною разными голантерейными мелочами, въ числѣ которыхъ находится и его собственное издѣліе; при этомъ производятся всевозможныя мѣны старыхъ вещей на новыя. Иной торговецъ, понабивъ порядочно карманъ свой, постарается непремѣнно открыть свою голантерейную лавку и, смотришь, у такого мастероваго прибыли гораздо больше чѣмъ у кузнеца, который тяжелымъ трудомъ снискиваетъ себѣ пропитаніе.

Кромѣ упомянутыхъ занятій, евреи любятъ заниматься и медициною. Несмотря на то, что прежде недопускали ихъ въ университеты, являлось между ними много медиковъ, а еще болѣе подлекарей. Въ каждомъ еврейскомъ мѣстечкѣ найдете, если не два, то покрайней мѣрѣ одного подлекаря, надъ домомъ коего виситъ красная тарелочка, показывающая его медицинское занятіе, и каждый заболѣвающій еврей во всякое время обращается къ нему за помощію; по первому призыву онъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ къ больному, во всякое время,— бѣжитъ нетолько къ мущинѣ, но является въ качествѣ акушера при родахъ женщины и оказываетъ ей должную помощь.

Расположеніе евреевъ къ медицинѣ видно и изъ того, что во всѣхъ полкахъ и командахъ въ фельдшера поступаютъ большею частію евреи. Мы помнимъ, съ какою охотою поступали въ фельдшерскую школу военнаго званія воспитанники-контанисты и всегда выходили оттуда знатоками своего дѣла.

Евреи весьма любятъ заниматься также и музыкою. Мы это можемъ доказать тѣмъ, что музыкантовъ-евреевъ очень много почти во всѣхъ полкахъ и многіе изъ нихъ учились этому искуству еще дома. Нѣтъ въ югозападномъ краѣ ни одного города, ни одного мѣстечка, гдѣ бы не было сколько нибудь самоучекъ-музыкантовъ, которые играютъ довольно порядочно, въ особенности духовные стихи и псалмы; еврейскіе музыканты, составляющіе какъ бы городской оркестръ, веселятъ не только свою публику, но и христіанскую; такъ напримѣръ въ праздничный или воскресный день собирается крестьянская молодежъ обоего пола въ корчму или просто на городскую площадь куда приглашаютъ и музыкантовъ и составляютъ такое веселіе, которое едва ли придется испытать рускому простолюдину. Не обходится ни одной свадьбы ни еврейской, ни христіанской, куда бы не были также приглашены еврейскіе скрипачи и цимбальщики повеселить пирующихъ. Не лишнихъ считаю замѣтить еще и то, что еврейскій музыкантъ не ограничивается однимъ этимъ занятіемъ, но онъ и музыкантъ и слесарь и лудильщикъ и что хотите только давайте деньги. Если онъ самъ не сумѣетъ сдѣлать заказанную работу, все таки возмется, снесетъ къ другому израилю, похлопочетъ, а работы ужъ не упуститъ конечно не безъ выгоды для себя; словомъ; незнайка у нихъ не въ модѣ. Нашъ братъ, еврей, говорятъ они, все долженъ знать. Въ са-

момъ дѣлѣ возложите на еврея какую угодно коммисію, купить ли, продавать ли что, онъ постарается все исполнить. Извѣстно, что въ Польшѣ почти ни одинъ помѣщикъ не продастъ ни хлѣба, ни сала, ни шерсти безъ еврея; еврей всему найдетъ мѣсто и все уладитъ, какъ слѣдуетъ. Въ особенности такими спекуляціями занимаются факторы. Кстати скажемъ о факторахъ: факторство такъ сильно развито между евреями, что почти каждый бѣдный еврей, которому не удалось заняться мастерствомъ, промышляетъ факторствомъ, шныряетъ по улицамъ и гостинницамъ, спрашиваетъ каждаго, не имѣетъ ли нужды въ услугѣ. И въ особенности испытываютъ подъ часъ непріятности, отъ излишней навязчивости факторовъ, вновь пріѣзжіе въ городъ, обитаемый евреями. Этого мало; намъ разсказывали нѣкоторые офицеры, что когда по дѣламъ службы они квартировали у евреевъ, факторы, въ числѣ услугъ, предлагали имъ переносить ихъ на своихъ плечахъ чрезъ грязь, за какую нибудь ничтожную плату. Расказывая все это, они удивлялись, что люди рѣшаются на такіе ничтожные заработки. Но насъ это нисколько не удивляетъ; мы знаемъ, до какой степени простирается бѣдность въ нѣкоторыхъ еврейскихъ семействахъ; знаемъ, какъ дѣти вымаливаютъ себѣ у родителей хлѣба, а его нѣтъ; при всемъ томъ, бѣдный еврей скорѣе рѣшится на самый ничтожный заработокъ, чѣмъ протянетъ руку за подаяніемъ [2]). Евреи имѣютъ склонность также и къ подрядчеству. Пронюхавъ подрядъ, еврей явится на подрядъ Богъ вѣсть откуда; и если усмотритъ, что подрядъ ему не подъ силу, то при[illegible]ласитъ себѣ

2) Талмудъ говоритъ: лучше ты, израильтянинъ, с[illegible]ями шкуру съ упавшаго животнаго посреди улицы, чѣмъ протягивать руку за подаяніемъ.

въ товарищи другаго еврея, а дѣло не упустить; если же ему нѣтъ никакой возможности удержать за собою подрядъ, то онъ и для другаго похлопочетъ; и вотъ какимъ образомъ: прежде старается узнать, кто и за какую цѣну намѣренъ взять предстоящій подрядъ, и болѣе состоятельному уладитъ дѣло; онъ предупредитъ прочихъ, чтобы не набивали цѣны; и все это устроитъ не безъ выгоды и для себя и для прочихъ.

О торговой дѣятельности евреевъ.

Кто бывалъ въ общинахъ еврейскихъ, тотъ не станетъ отрицать, что евреи имѣютъ особенную привязанность и способность къ торговлѣ. У нихъ это занятіе (гандель) есть какъ бы наслѣдственное. Дайте еврею 5 или 10 злотовъ—онъ накупитъ воску, табаку и другихъ мелочей и этимъ начнетъ свои торговые обороты; а расчетливость и умѣнье сберечь добытую копѣйку дастъ ему возможность съ успѣхомъ повести начатое имъ дѣло. Такъ поступаютъ евреи не только въ своихъ общинахъ, но даже солдаты изъ евреевъ, во время своего нахожденія на службѣ, стараются отъ скуднаго своего жалованья сберечь нѣсколько копѣекъ и заняться кой какой торговлею. Въ свободный часъ отъ службы отправляется онъ на рынокъ и тамъ, по примѣру собратовъ своихъ, накупитъ стараго лохмотья и тутъ же продастъ, конечно, съ выгодою; смотришь, во время службы у него прикопятся и рубли. Получившій отставку, онъ начинаетъ свободно вести мелочную торговлю; и чтобы безпрепятственно могъ оставаться на жительство въ Россіи [3]), то онъ записывается въ цѣхъ, и тог

3) Евреямъ, кромѣ мастеровыхъ и купцовъ, жить въ Россіи воспрещается.

да уже свободно занимается и торговлею и работою.

Такимъ то образомъ мелкій еврейскій торгашъ мало по малу распространяетъ свою торговлю вездѣ. Нѣтъ ни одного города, ни одного мѣстечка въ югозападныхъ губерніяхъ, гдѣ бы не было еврейскихъ лавокъ со всѣми возможными товарами. Намъ говорили, что евреи-торговцы не совсѣмъ честно ведутъ дѣла свои; мы опасаемся противорѣчить этому, имѣя въ виду то, что талмудисты, ученіемъ которыхъ руководствуются евреи, разрѣшаютъ имъ при удобномъ случаѣ воспользоваться, если только можно, тѣмъ, что имѣетъ христіанинъ; и это за грѣхъ они не считаютъ. Воровать только воспрещаетъ талмудъ, «а тунсъ гой-путеръ»; все же то, что передано христіаниномъ еврею по ошибкѣ, при покупкѣ ли товара, или же при размѣнѣ денегъ, то этого возвращать не слѣдуетъ христіанину; ибо это его собственная ошибка. Потому то нѣкоторые евреи и за грѣхъ не считаютъ принадуть христіанина; и дѣйствительно надуваютъ. Для примѣра укажемъ хоть на слѣдующее: какой нибудь мелкій торгашъ, узнавъ, что у Грицко, или у Юрко, родился хлѣбъ въ изобиліи, отправляется къ одному изъ нихъ со штофомъ водки. Войдя въ домъ и поздоровавшись съ хозяиномъ, говоритъ: «Я очень соскучился по тебѣ и потому пришелъ провѣдать тебя». Грицко принимаетъ это за истину и конечно благодаритъ за память о себѣ и вступаетъ въ разговоръ съ мнимымъ своимъ доброжелателемъ. Еврей ставитъ на столъ водку и начинаетъ угощать крестьянина и стороною заводитъ разговоръ объ урожаѣ и тутъ же намекнетъ, что онъ не прочь купить хлѣбъ у него по старой дружбѣ; на это, разумѣется, послѣдуетъ удовлетворительный отвѣтъ, въ особенности послѣ выпивки нѣсколько рюмокъ водки; начинается условіе;

Грицко подъ веселую руку конечно соглашается на все, и еврей старается дѣлать это при свидѣтелѣ, котораго не трудно найти въ деревнѣ за рюмку водки. Такимъ образомъ, покончивъ дѣло, еврей идетъ домой въ надеждѣ, что хлѣбъ будетъ его. Какъ ни тяжело бываетъ Грицку видѣть, что еврей собираетъ тотъ хлѣбъ, который не сѣялъ, но, согласно условію, долженъ его отдать почти за ничто. Какъ жаль такихъ Грицковъ; а вѣдь ихъ не мало найдется и у насъ на Руси.

Нельзя умолчать и о томъ, какъ до селѣ производилась евреями винопродажа; винный промыселъ удивительно какъ былъ въ ходу между евреями; не было ни одного города, ни одного селенія въ югозападныхъ губерніяхъ, куда бы не проникъ еврей и не открылъ корчмы. Поляки-паны отводили имъ лучшія помѣщенія въ имѣніяхъ своихъ, давали имъ въ прислуги христіанъ и словомъ все, что необходимо для корчмара и что зависило отъ нихъ. Евреи были у помѣщиковъ и винокурами и продавцами вина. Въ городахъ, во всѣхъ почти домахъ распродажа вина производилась тоже евреями; этимъ занимались не только зажиточные люди, но и бѣдные. Бывало, какая нибудь бѣдная вдова скопитъ рубликъ-другой, отправится къ оптовому винопродавцу, еврею же, вымолитъ у него по дешевле ведерко вина, разольетъ его по графинамъ и давай размѣривать по рюмочкамъ малороссійцамъ; этимъ она достаточно кормилась. Крестьянинъ принесетъ ей узелъ муки, курицу, яичекъ, а иной и свой послѣдній грошъ; и не только мущины все несли изъ дому за водку, но и жены, привыкшіе выпивать, помогали имъ въ этомъ. Семейныя попойки производились нетолько въ праздники, но и въ будничные дни. Крестьянинъ, покончивъ дневную работу, обыкновенно обращался къ женѣ съ такою рѣчью: «Жинко, сбігай

лышинъ за горелкой»; жена въ этомъ случаѣ повинуется безпрекословно мужу, беретъ графинчикъ, а если его нѣтъ, горшечикъ, и отправляется въ корчму или шинокъ; а если не найдетъ у себя денегъ, то тащитъ что нибудь изъ дому; случается, что и безъ всего отправляется въ шинокъ, надѣясь въ этомъ случаѣ на великодушіе еврея, который отпуститъ вина въ долгъ, помѣтивши на стѣнкѣ, будучи увѣренъ, что крестьянинъ заплатитъ ему съ лихвою. Это еще хорошо, если крестьянинъ возметъ водки на домъ, а то бѣда для крестьянина, если онъ будетъ угощаться въ корчмѣ, гдѣ выпивая рюмочку за рюмочкою, часто долженъ бываетъ поплатиться за то, чѣмъ не пользовался; еврей въ этомъ случаѣ постарается насчитать больше денегъ, чѣмъ сколько слѣдовало; и волею или неволею непремѣнно заставитъ его раздѣлаться; и вотъ именно какъ: крестьянина, напримѣръ, постигнетъ нужда—онъ прибѣгаетъ къ знакомому благодѣтелю еврею, а тотъ и припомнитъ ему тутъ же о прежнемъ долгѣ; крестьянинъ начнетъ, разумѣется, извиняться, при чемъ обѣщается за прошедшіе и за настоящіе долги уплатить ему со вторицею, даже съ десятерицею. Еврей является милостливымъ, вѣритъ снова крестьянину, который за одолженіе кланяется и предлагаетъ еврею въ благодарность все, что у него есть: муки ржаной, пшеничной, яицъ и проч. проч. Еврей отъ этого не прочь, беретъ все, что только завидитъ у мужика, а въ послѣдствіи получитъ и свои деньги съ лихвою отъ крестьянина. Вотъ почему изъ всѣхъ перечисленныхъ нами занятій была до селѣ въ ходу между евреями продажа вина. Чрезъ это ремесло обезпечивались и тѣ изъ нихъ, которые не занимались ни какимъ ремесломъ и не производили никакой торговли. И чего нужно было болѣе желать иному праздно-

любцу еврею, когда отъ продажи вина онъ, какъ мы уже говорили, имѣлъ отъ крестьянина все, и крестьяниномъ дѣлалъ все: тотъ ему за рюмку водки и дровъ нарубитъ и въ домѣ кой что сдѣлаетъ, такъ что еврей жилъ на подобіе пана, и удивительно ли, что израильтяне, живя такъ, по большей части, до того излѣнились, что не умѣютъ приняться ни за какую тяжелую работу. Кстати, поговоримъ объ этомъ.

Характеръ еврейскаго рабочаго въ Россіи.

Въ статьѣ о занятіяхъ, которымъ предаются евреи, мы, между прочимъ, сказали, что евреи мало занимаются черною работою; нѣтъ между ними ни дѣльныхъ земледѣльцевъ, ни дровосѣковъ, ни пильщиковъ и вообще такихъ лицъ, которыя бы были способны заниматься тяжелыми работами, требующими физическихъ силъ. Замѣтно, что евреи особенно избѣгаютъ земледѣлія. Хотя извѣстно, что въ южной европѣ, въ Польшѣ и у насъ на Руси существуютъ еврейскія колоніи, гдѣ израильтяне занимаются хлѣбопашествомъ, но дѣло это идетъ у нихъ не завидно. Намъ говорили, что въ Херсонѣ евреи колонисты очень плохо занимаются хлѣбопашествомъ; многіе изъ нихъ отдаютъ христіанамъ отведенныя имъ земли, или вовсе кидаютъ ихъ и возвращаются въ прежнія мѣстечки, такъ что нерѣдко земская полицiя вынуждена бываетъ вызывать ихъ на поселенныя мѣста. А ведь какъ заботилось Русское правительство, чтобы сдѣлать евреевъ земледѣльцами, какія щедрыя пособія оно оказывало имъ—а что вышло изъ всего этого? ровно ничего. Изъ евреевъ и до днесь не видимъ хорошихъ земледѣльцевъ, они и приняться не умѣютъ ни за какія тяжелыя работы. Поэтому, о еврейскихъ чернорабочихъ мы можемъ сказать положительно, что они отличаются не-

ловкостью, которой чуждъ настоящій рабочій. Кому, хоть разъ въ жизни, удалось видѣть еврейскаго чернорабочаго, тотъ скажетъ о немъ то же, что и мы, именно: въ немъ невидно никакого навыка къ тяжелой работѣ. Еврей, взявши въ руки тѣ вещи, которыя составляютъ принадлежность рабочаго, какъ то: топоръ, лопату, грабли, невольно обращаетъ на себя вниманіе своимъ неумѣніемъ управляться съ ними. Смотря на такого рабочаго, тотчасъ догадаешься, что онъ еврей, потому что владѣетъ означенными орудіями такъ плохо и вяло, что право, иной 12 лѣтній русскій мальчикъ, какъ говорится, за поясъ заткнетъ его. Я это говорю не наудачу, а какъ очевидецъ, который родился въ іудействѣ и жилъ въ немъ многіе годы; слѣдовательно, могъ удобно наглядѣться на еврейскихъ рабочихъ и понять характеръ ихъ. Да и сами евреи доказываютъ, что они неспособны къ черной работѣ; потому что даже бѣднѣйшій изъ нихъ съ подобными работами обращается къ христіанамъ; онъ обращается, напримѣръ, къ другимъ для того, чтобы нарубили ему дровъ; а это дѣлается не столько отъ лѣни, сколько отъ непривычки и отъ неумѣнія. Намъ помнится, какъ относились о еврейскихъ нижнихъ чинахъ, служившихъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, командиры, при назначеніи ихъ для тяжелой работы. Они писали, что евреи не способны и слабосильны для тяжелой работы, и нельзя не согласиться съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, отъ кого и когда могли евреи научиться черной работѣ, когда родители ихъ этимъ не занимались и дѣтей своихъ къ этому не пріучили? Кромѣ того, еврейскій юноша и физически слишкомъ слабъ, чтобы заниматься тяжелыми работами, ибо онъ изнуренъ болѣе или менѣе съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, евреи дѣтей своихъ съ 4-хъ или съ 5-ти лѣтъ отдаютъ въ

свои училища, которыя, какъ мы уже упомянули, есть ни что иное, какъ лачужки, лишенныя чистаго воздуха, необходимаго для здоровья человѣка; въ нихъ то ребенокъ учится цѣлый день безъ отдыха и безъ прогулки, и даже ночью въ зимніе вечера. Такое ученье продолжается не годъ, не два, а по крайней мѣрѣ до 13 лѣтъ; потому что къ этому времени еврейскій мальчикъ обязанъ ознакомиться съ догматами вѣры и еще болѣе потому, что онъ освящается возложеніемъ на себя богомолія (Тфилинъ). Но большая часть еврейскихъ мальчиковъ и все остальное время проводитъ надъ книгами. Естественно, что человѣку, привыкшему сидѣть за книгою, не легко взяться за соху; не легко, повторяемъ, потому, что лучшіе годы жизни своей онъ изнурялся надъ изученіемъ талмуда; при этомъ не должно забывать и того, что скудная пища, состоящая изъ рѣдьки, луку и чесноку, которымъ мальчикъ натираетъ себѣ кусокъ хлѣба, питаясь имъ цѣлый день, не очень благопріятно отзывается на его здоровье. Кто послѣ этого не согласится, что такое изнуренное существо, каковъ еврейскій мальчикъ, не можетъ быть дѣльнымъ работникомъ? Намъ скажутъ, что и многіе крестьяне ѣдятъ скудно и ихъ дѣти учатся тоже грамотѣ. Правда. Но христіанское дитя въ малолѣтствѣ лучше и крѣпче развиваетъ силы свои, оно беззаботно бѣгаетъ до 7 или 8 лѣтъ, въ одной рубашкѣ съ порядочнымъ ломтемъ хлѣба въ рукахъ, который еврей раздѣлилъ бы на все семейство; да вмѣсто чесноку, съ которымъ еврейскій мальчикъ употребляетъ хлѣбъ, христіанскій мальчикъ прихлебываетъ оный молокомъ; а за грамоту возмется только тогда, когда достаточно разовьется его организмъ. Извѣстно, кромѣ того, что христіанскій мальчикъ учится болѣе въ то время, когда родитель его свободенъ отъ

крестьянскихъ работъ; а какъ только наступитъ рабочая пора, то онъ является помощникомъ отцу своему въ полѣ, въ лѣсу и вездѣ. Такимъ образомъ крестьянскій мальчикъ съ дѣтства свыкается съ трудомъ и любитъ его и смотритъ на него какъ на дѣло благое и необходимое для человѣка. Но не то бываетъ у евреевъ; они, повторяемъ, нетолько не пріучаютъ дѣтей своихъ охотно смотрѣть на тяжелый трудъ, но даже удаляютъ ихъ отъ него. Они не имѣютъ ни какой наклонности ни къ скотоводству, ни къ птицеводству и ни къ другимъ подобнымъ занятіямъ. Замѣтно, что евреи избѣгаютъ даже домашнихъ общепринятыхъ животныхъ; не говоря уже о свиньяхъ, при видѣ которыхъ они плюютъ и которыхъ считаютъ нечистыми, даже собакъ и кошекъ можно встрѣтить въ рѣдкомъ еврейскомъ домѣ. Такой взглядъ евреевъ на домашнихъ животныхъ нужно объяснить не столько ихъ расчетливостію, сколько тѣмъ, что они народъ вообще не хозяйственный. Они даже съ пренебреженіемъ смотрятъ и на тѣхъ изъ собратовъ своихъ, которые предаются черной работѣ. Это увидимъ сейчасъ же.

Взглядъ евреевъ на рабочій классъ.

Указавъ на недостатки чернорабочаго еврея, мы убѣждены, что всякій согласится съ тѣмъ, что нужно улучшить его состояніе, и объ этомъ конечно должно озаботиться само еврейское общество. Но въ немъ то и встрѣчается камень претыканія: еврейское общество объ этомъ и недумаетъ; ему какъ бы и не нужно чернорабочихъ рукъ. Евреи обыкновенно говорятъ, что для тяжелой черной работы созданы гоимы, т. е. всѣ народы, кромѣ ихъ. Но если бы не нашлось гоимовъ и пришлось бы работать лицамъ изъ среды насъ, то

для этого найдется какой нибудь недоучка (гамурецъ), незнающій талмуда. Вообще взглядъ евреевъ на рабочій классъ самый незавидный. Мы слышали, какъ начитанные талмудисты и въ особенности гордые фарисеи съ пренебреженіемъ называютъ рабочаго именемъ гамурецъ, что значитъ земля; этимъ выражаютъ они, что рабочій никто болѣе, какъ бездушное твореніе, кусокъ земли. Себя же и подобныхъ себѣ ученыхъ талмудистовъ они любятъ величать именемъ ганошимъ, т. е. душами. Трудно себѣ представить, какъ конфузится рабочій, когда его обзовутъ гамурецомъ и какъ краснѣетъ отъ стыда. Этимъ именемъ онъ умаленъ предъ всѣми; онъ бываетъ вынужденнымъ смотрѣть на свое занятіе, какъ на самый ничтожный трудъ, лишающій почтнаго имени между евреями. Въ самомъ дѣлѣ, гамуреца не изберутъ ни въ какую почетную должность; а если изберутъ, то тогда только, когда онъ богатъ бываетъ; но какъ только обѣднѣетъ, то не замедлятъ смѣстить его съ должности. Да и въ то время, когда онъ состоитъ на должности, его не совсѣмъ долюбливаютъ; его слова, его сужденія пренебрегаются; заговори онъ о чемъ нибудь, хотя дѣльно и здраво, ему безъ церемоніи скажутъ: замолчите, гамурецъ, не вашего ума это дѣло. И онъ бѣдный, сконфуженный, вынужденнымъ бываетъ замолчать и только слушать, какъ говорятъ другіе. Но этого еще мало, что самъ гамурецъ осужденъ на такое униженіе отъ собратовъ своихъ, это же униженіе простирается и на дѣтей его. Не думайте, читатель, чтобы какое нибудь порядочное семейство захотѣло породниться съ нимъ—выдать дочь свою за сына гамурца, или своего сына женить на его дочери. Всякая женщина, привыкшая уважать ученаго талмудиста, съ негодованіемъ скажетъ: съ какой стати намъ губить дочь свою? Лучше выдать

за бѣднаго, но ученаго, чѣмъ за грубаго гамурица. Но намъ, быть можетъ, скажутъ: развѣ еврейскіе рабочіе не могутъ быть учеными?—Немогутъ, потому, что они, по бѣдности своей, должны были оставить съ раннихъ лѣтъ изученіе талмуда и заняться мастерствомъ; а тѣ, которые занимаются изученіемъ талмуда, уже не возмутся за мастерство. А что касается до гордыхъ фарисеевъ, почитающихъ единое на потребу, сидѣть за книгами талмуда, то они и въ руки не возмутъ рабочаго инструмента; они считаютъ это унизительнымъ для себя. Израиль, говорятъ они, долженъ постоянно поучаться въ талмудѣ, а не упражняться въ житейскихъ занятіяхъ, подобно гою-иновѣрцу, гамурицу. Но мы излишнимъ считаемъ доказывать, что для Израиля нужно не единое на потребу сидѣть, сложа руки, за книгою, а нужно трудиться физически. Этому научаетъ израиля и древнее его вѣроученіе.

Воззрѣніе еврейскаго древняго вѣроученія на трудъ.

Вѣроученіе древнихъ евреевъ, сколько намъ извѣстно, не уклоняло израиля отъ труда, но располагало къ нему. Самъ Господь Богъ опредѣлилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и время и лѣто, въ которое надлежало израилю трудиться;» Шесть лѣтъ да сѣеши ниву твою и шесть лѣтъ да рѣжеши виноградъ твой и собереши плодъ его и проч.» Не ясно ли отсюда видно, что воля творца нашего была и есть, та, чтобы мы трудились и трудились бы честно, не забывая при этомъ Бога и ближняго и тогда, по увѣренію законодателя Моѵсея, Господь ниспошлетъ благословеніе свое на дѣла наши. «И благословитъ тя Господь и умножитъ и благословитъ плодъ земли твоея, пшеницу твою и вино твое и елей твой и стадо во-

ловъ твоихъ» (Второзак. 7—13). А чтобы умножилось все у земледѣльца необходимо трудиться; и нужно сказать, что древніе израильтяне примѣрно трудились. Священное писаніе оставило намъ картину патріархальныхъ нравовъ и законовъ израиля касательно земледѣлія и скотоводства. Авессаломъ даже въ блистательное царствованіе Давида, устроилъ пиршество по случаю стриженія овецъ многочисленныхъ стадъ своихъ. Іосифъ Флавій тоже свидѣтельствуетъ о примѣрной любви и привязанности современныхъ ему евреевъ къ трудолюбію. Мы не занимаемся, говоритъ онъ, торговлею, но прилагаемъ все стараніе свое къ воздѣлыванію виноградниковъ нашихъ и оливковыхъ садовъ. Вотъ чѣмъ болѣе занимались древніе израильтяне, вотъ къ чему они преимущественно стремились; они не искали большихъ барышей отъ разныхъ предпріятій, они не вели скитальческой жизни, полной опасностей, но довольны были семейной покойной жизнію и малыми заработками, и за такое ограниченное желаніе, Господь благословлялъ ихъ многими благами. Они покоились подъ тѣнію виноградныхъ лозъ и финиковыхъ деревъ; иные отъ скотоводства имѣли полный успѣхъ и радости, они видѣли стада свои скачущими на тучныхъ пастьбищахъ. Читатель навѣрно спроситъ отчего же нынѣшніе израильтяне, потомки достопамятныхъ земледѣльцевъ, оставили любимое занятіе отцевъ своихъ?—чтобы рѣшить этотъ вопросъ нужнымъ считаю обратить вниманіе на нижеслѣдующія обстоятельства.

Обстоятельства не благопріятно вліяющія на положеніе еврейскаго рабочаго.

Евреи, со времени разсѣянія своего по лицу земли, по необходимости должны были оставить любимое занятіе пред-

ковъ своихъ, т. е. земледѣліе и заняться такимъ дѣломъ, которое судьба назначила имъ; такъ, напримѣръ во время нахожденія ихъ въ плѣну, законъ Римскій заставлялъ всѣхъ евреевъ и Самарянъ, жившихъ въ прибрежныхъ мѣстахъ Сиріи и Египта, производить хлѣбную торговлю *). Только тѣ изъ нихъ могли отказаться отъ этаго, которые представляли доказательство, что они не имѣютъ къ сему средствъ. Съ этаго времени начала прививаться къ еврейскому народу торговая дѣятельность. Евреи увидѣли, что одни только пріобрѣтенные капиталы могутъ имъ снискивать снисхожденіе во всѣхъ областяхъ имперіи, гдѣ они въ разсѣяніи своемъ обитали и потому скоро пристрастились и къ прочимъ промысламъ. Торговля рабами составляла другую отрасль промышленности, которою евреи занимались въ Римской имперіи и въ Константинополѣ. Еще болѣе усилилась торговая дѣятельность большихъ еврейскихъ компаній въ средніе вѣка, во первыхъ потому, что тогда большая часть христіанъ предалась восточной лѣни, а во вторыхъ и самая обстановка тогдашней жизни евреевъ располагала ихъ болѣе къ торговлѣ. Извѣстно какое гоненіе и преслѣдованіе претерпѣвали евреи въ средніе вѣка

---

*) Причина, побудившая Римское правительство заставитъ евреевъ производить хлѣбную торговлю слѣдующая: Извѣстно, что Римъ во время своего величія имѣлъ отличительный воинскій характеръ, въ слѣдствіе чего не обращалъ вниманія на торговлю, а предоставилъ оную рабамъ и вольно отпущенникамъ, которые трудились болѣе для Гг. чѣмъ для себя исключительно и довели торговлю до упадка; между тѣмъ земля, окружавшая Римъ не изобиловала хлѣбомъ, такъ что народъ терпѣлъ нужду отъ чего происходилъ ропотъ. Императоры для успокоиванія народа должны были производить публичную раздачу хлѣба; при такомъ положеніи дѣлъ естественно было Императорамъ обратить свой взоръ на евреевъ, жившихъ въ прибрежныхъ мѣстахъ сиріи и побудить ихъ заняться хлѣбною торговлею.

*

*) Христіане вездѣ отчуждали ихъ отъ себя, какъ прокаженныхъ а если гдѣ позволяли имъ жить, то это обходилось для евреевъ очень дорого. Поселившись въ какой либо христіанской странѣ, они не могли положительно знать, долго ли имъ придется тутъ жить; и какъ долго они могутъ владѣть всѣми тѣми имуществами, которыя они пріобрѣли въ теченіи многихъ годовъ; потому что не рѣдко отнимали у нихъ имущество, дома и изгоняли ихъ вонъ. При такой гонимой жизни, окруженной со всѣхъ сторонъ опасностями, выгодно ли было евреямъ заводиться прочною осѣдлостію, когда они не знали для кого будутъ прилагать руки свои къ земледѣлію, когда въ одинъ несчастный день все ихъ имущество могло быть

*) Для тѣхъ изъ читателей, которымъ неизвѣстно о средневѣковыхъ гоненіяхъ на евреевъ отъ христіанъ, упомянемъ о нихъ. Евреевъ обвиняли въ убійствѣ младенцевъ; объ этомъ носились слѣдующіе толки; будто бы евреи предъ своею пасхою умерщвляютъ христіанское дитя, изъ коего источаютъ кровь, необходимую для исполненія ихъ обрядовъ. Такъ напримѣръ въ Линколнѣ пронеслась молва, что десятилѣтній мальчикъ, убѣжавшій въ еврейскій кварталъ, былъ тамъ убитъ. Народъ взбунтовался, требовалъ мщенія и желалъ, чтобы евреи были наказаны смертію. Кварталъ, въ которомъ заперлись евреи отъ нападенія черни былъ окруженъ вооруженными людьми, домъ раввина, который избранъ былъ театромъ мщенія былъ взятъ приступомъ, а владѣлецъ его привязанъ къ хвосту лошади, которая тащила его по улицамъ Линкольня; чернь до того была озлоблена, что не внимала и гласу проповѣдниковъ церкви, внушавшихъ имъ милости къ ближнимъ, Обвиненіе въ убійствѣ младенцевъ для евревъ было не новое и хотя повторялись во многихъ странахъ Европы, но никогда за неимѣніемъ доказательствъ ни чемъ не могли подтвердиться. Но изъ чего же, спроситъ читатель, произошли упомянутыя обвиненія.—Источникъ этаго обвиненія, по мнѣнію писателя исторіи Іудеевъ Г. Капефиги беретъ свое начало изъ слѣдующаго обстоятельства: Когда евреи желали избавиться изъ Египта, а Фараонъ не склонялся ни накакія просьбы и ни накакія угрозы Моусея, то Господь повелѣлъ истребить всѣхъ первенцевъ въ Египтѣ и для отличія домовъ Египтянъ отъ жилищъ евреевъ отмѣтилъ на дверяхъ сихъ жилищъ кровью годичнаго Агнца пасхальнаго для того, чтобы Ангелы знали, что жилища ихъ не прикосновенны. По этому и заключили, что евреи въ воспоминаніе сего и употребляютъ въ свою пасху кровь. Но такое ложное обвиненіе опровергается, по нашему мнѣнію, уже тѣмъ, что законъ Моусеевъ повелѣваетъ евреямъ, чтобы въ пищу ихъ не попало капли крови изъ мяса, что евреи исполняютъ строго; и во избѣжаніе этаго каждую зарѣзанную птицу или купленное мясо подвергаютъ соленію на плетенкѣ изъ тонк ихъ прутьевъ до тѣхъ поръ, пока не вытечетъ вся кровь, а послѣ того моютъ ее трижды въ холодной водѣ. Вотъ какъ евреи избѣгаютъ крови не только человѣческой но и животныхъ.

отнято? По этому, повторяемъ, они болѣе заботились о пріобрѣтеніи денегъ, которыя, въ случаѣ изгнанія, могли бы унести съ собою туда, куда глаза глядятъ.

И такъ вотъ по какимъ причинамъ евреи, какъ намъ кажется, оставили занятія предковъ своихъ и предались все цѣло торговлѣ. Это занятіе сдѣлалось у нихъ, какъ бы, наслѣдственнымъ и начало переходить отъ отца къ дѣтямъ и такимъ образомъ перешло и къ нынѣшнимъ евреямъ.

Теперь укажемъ на другія обстоятельства, не благопріятствующія земледѣльческимъ занятіямъ евреевъ. Къ обстоятельствамъ, не благопріятно вліяющимъ на положеніе еврейскаго рабочаго могутъ быть отнесены и нѣкоторыя правила позднѣйшихъ Раввиновъ. Въ Талмудѣ Іадъ—гахазака, Раввинъ Мамонидъ увѣщеваетъ евреевъ упражняться постоянно въ Законѣ Божіемъ и особенно въ изученіи талмуда. Вотъ подлинныя слова его: каждый израильтянинъ, говоритъ онъ, обязанъ изучать Тору-мишне, т. е. Библію, Талмудъ-гмаре. Именно каждый, восклицаетъ Раввинъ, ктобы онъ ни былъ бѣднякъ ли или богачь, здоровый ли или страждущій, юноша или дряхлый старикъ, даже бѣднякъ, просящій милостыню, даже человѣкъ обремененный большимъ семействомъ, всѣ обязаны опредѣлить себѣ извѣстное время для изученія Торы днемъ и ночью, потому что сказано: мысли объ ней т. е. о торѣ днемъ и ночью (Іисусъ Навинъ глава 1-я). Хотя изъ вышеприведеннаго Талмудическаго текста видно, что поучаться Талмуду обязаны не только люди, имѣющіе возможность къ этому, а каждый израильтянинъ, но почтенный Мамонидъ-Раввинъ, какъ бы боясь, чтобы иной мастеровой ради множества дѣлъ не оставилъ бы заниматься Талмудомъ, предупреждаетъ такаго слѣдующею рѣчью: Если ты, израильтянинъ ремесленникъ,

то раздѣли время свое такъ; три часа только употреби на работу, а остальное время занимайся изученіемъ Торы и Талмуда. На этомъ-то основаніи большая часть еврейскаго люда употребляетъ много времени на книги—на изученіе Талмуда и на исполненіе множества мелочныхъ обрядовъ, установленныхъ Раввинами, которые также требуютъ скораго и не отлагательнаго, отъ каждаго еврея, исполненія. Представьте,—Раввины навязали евреямъ 613 заповѣдей или приказаній (Тарягъ Мицвисъ), которыя столь обременительны для поклонника Талмуда, что онъ, исполняя ихъ, не имѣетъ времени заняться не только земледѣліемъ, но и хозяйствомъ. Одна лишь торговля даетъ ему возможность прочитывать многочисленныя ежедневныя молитвы и снова приняться за Талмудъ.

Талмудъ съ своей стороны тоже не мало оторвалъ еврея отъ первобытныхъ занятій его предковъ и ввергнулъ израиля въ праздность и бездѣльничество; доказательствомъ этому уже служитъ то, что евреи-караимы, отвергающіе Талмудъ, слѣдуя одному лишь закону Моѵсея, всегда охотно занимались и теперь занимаются земледѣліемъ и прочими хозяйственными занятіями, къ чему весьма трудно пріучить еврея Талмудиста.

И такъ мы находимъ много причинъ, неблагопріятствующихъ еврейскимъ рабочимъ. Не мало препятствовалъ имъ и законъ Русскаго Государства, существовавшій доселѣ. Что онъ препятствовалъ, то это видно изъ того, что евреи съ неописанною радостію приняли Высочайшій указъ о еврейскихъ рабочихъ отъ 1865 года, улучшившій ихъ положеніе.

Значеніе для еврейскаго рабочаго класса указа отъ 16 Іюля 1865 года.

Извѣстно, что до обнародованія Высочайшаго указа отъ

16 Іюля 1865 года, дозволяющаго еврейскимъ ремесленникамъ свободно жить по всей Россіи, они обязаны были исключительно жить въ тѣхъ городахъ, которые были отведены правительсткомъ для еврейскаго народонаселенія. Хотя были случаи, что нѣкоторые еврейскіе мастеровые, надѣясь на свою ловкость и умѣніе работать, отлучались на время отъ мѣста своего жительства и проживали въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ не имѣя на то законнаго права, но это было исключеніе; по этому и тѣ, которымъ удавалось это, не могли расчитывать на долгое пребываніе въ такихъ городахъ; слѣдовательно они не могли спокойно заниматься дѣлами своими. Указъ отъ 16 Іюля, дающій право еврейскимъ мастеровымъ жить по всей Россіи, далъ этому дѣлу другое направленіе. Еврейскіе мастеровые, не находя дома работы, могутъ теперь свободно жить въ разныхъ городахъ Россіи. И еврейскіе мастеровые не замедлили возспользоваться дарованною имъ милостію; они почти вездѣ начали появляться; теперь едвали не въ каждомъ русскомъ городѣ можно встрѣтить еврейскихъ портныхъ, сапожниковъ, золотыхъ и серебренныхъ дѣлъ мастеровыхъ и многихъ другихъ. Впрочемъ намъ удалось слышать, что нѣкоторые евреи не рѣшаются оставлять мѣсто своего жительствм, не смотря на то, что тамъ имъ не такъ удобно добывать себѣ насущный хлѣбъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ, но если вникнуть въ жизнь и положеніе еврея, то это очень естественно. Привычка къ мѣсту рожденія, къ своему дому и къ заведенію много значитъ, въ особенности для бѣднаго труженника, который быть можетъ, не имѣетъ и средствъ на переселеніе; къ тому же еврею не такъ легко разстаться съ кагаломъ своимъ т. е. старшинами общества, которые руководятъ его въ общественной

жизни; не легко разстаться съ раввинами, которыхъ онъ такъ искренно любитъ; наконецъ не легко лишиться и меламадовъ (учителей), которые образуютъ юношество по вкусу евреевъ; а это столь важно для нихъ что они, какъ мы сами видѣли, живя въ Россіи многіе годы и довольно зажиточно, все таки стремятся ѣхать на свою родину, чтобы дать дѣтямъ своимъ талмудическое образованіе, чтобы сдѣлать ихъ учеными даенными т. е. судьями, учителями или рѣзаками; словомъ ихъ сдѣлать такими, какими они не могутъ быть живя въ Россіи. Вотъ все это не мало препятствуетъ еврейскому мастеровому оставить жительства свое и ѣхать въ Россію. Но тѣ, которые преодолѣли всѣ препятствія и всѣ предубѣжденія и рѣшились оставить свой край, воспользовавшись благомъ, дарованнымъ имъ правительствомъ, не нахвалятся своею новою жизнію и настоящимъ положеніемъ; каждый отъ всего серца благодаритъ Бога, Государя и правительство за оказанную имъ столь великую милость. Въ Россіи, говорилъ намъ на дняхъ одинъ почтенный еврейскій мастеровой, можно, слава Богу, жить, можно кормиться. Вотъ мой братъ—мѣдникъ еще не давно только прибылъ сюда, а имѣетъ уже работы вдоволь; вѣдь вы знаете, что мы евреи не любимъ дремать, мы не заставимъ закащика какой либо работы много искать себя или наши вывѣски еврей самъ вывѣска; онъ не поспѣсивится наклонить голову и предложить свои услуги кому бы то нибыло.

Съ этимъ я совершенно согласенъ, сказалъ я еврею; но все таки найдутся и такіе люди, которые не одобрятъ еврейскаго мастероваго за его излишнее искательство? Правда, отвѣтилъ израиль, что подъ часъ это надоѣдаетъ, но все же, кажется, легче отказать рабочему, если не имѣется въ немъ

надобности, чѣмъ искать и упрашивать другаго, чтобы онъ ко времени сдѣлалъ взятую имъ работу, что бываетъ не рѣдко,—не правдали.?—Тутъ мнѣ живо представилось слѣдующее обстоятельство, подтверждающее все сказанное израилемъ. На дняхъ жаловался намъ одинъ нашъ хорошій знакомый, что онъ цѣлую недѣлю не могъ упросить русскаго резчика печати, чтобы онъ сдѣлалъ ему оную, такъ какъ онъ имѣетъ въ ней необходимость при занимаемой имъ новой должности; тогда какъ вновь пріѣзжій рѣзчикъ—еврей предложилъ мнѣ вчера подобную услугу и сегодня уже оную исполнилъ; и видите, говорилъ, онъ, показывая печать, она сдѣлана весьма не дурно и за умѣренную цѣну. При такой заботливости пріобрѣтать работу и при аккуратности въ исполненіи заказа евреи—мастеровые въ пространной Россіи естественно не будутъ безъ дѣла, а слѣдовательно и безъ хлѣба; а этимъ они обязаны указу отъ 16 Іюля.

И такъ вотъ на сколько благодѣтеленъ означенный Высочайшій указъ для еврейскаго труженика, которому, по милости онаго, отворена широкая дверь всей русской земли. Это благо столь высоко, столь важно со стороны истинно просвѣщеннаго человѣчества, что человѣкъ, любящій ближняго, не въ силахъ пріостановить себя, чтобы не сказать добраго слова о тѣхъ, которые были виновниками означеннаго блага, дарованнаго евреямъ. Что же касается послѣднихъ, то они приняли Высочайшій указъ какъ величайшее благо; приняли съ чувствіемъ живейшей радости и благодарности къ издавшему его. Онъ обрадовалъ не только тѣхъ, которыхъ прямо касается онъ, но и всѣхъ вообще евреевъ. Надобно было видѣть съ какою быстротою они сообщали его другъ другу; съ какимъ восторгомъ читали его грамотные не грамотнымъ.

Мы видѣли сами какъ въ городѣ Новгородѣ казенный раввинъ израиль сообщалъ собратамъ своимъ этотъ указъ. Вотъ друзья, говорилъ онъ, послушайте какую милость являетъ нашимъ братьямъ милостивый нашъ Государь Александръ Николаевичь. При чтеніи замѣтенъ былъ душевный восторгъ въ каждомъ слушателѣ.

Да, указъ отъ 16 Іюля, дозволяющій еврейскимъ ремесленникамъ жить во всей Россіи весьма благодѣтеленъ для нихъ. Дай Богъ, чтобы еврейскіе ремеслениики и всѣ прочіе, которымъ дозволено жить въ Россіи достойно бы воспользовались этою милостію и не употребили во зло ту благость, которую являетъ имъ русскій царь и русскій народъ.

Какъ смотрятъ евреи на нарушеніе государственныхъ законовъ.

Въ настоящее время болѣе образованные евреи, хотя поняли великую заботу о нихъ милосердаго Русскаго Государя и всю благость, которая изливается на нихъ, особенно въ настоящее время, стали съ уваженіемъ смотрѣть на государственные законы; однако большая часть евреевъ доселѣ еще не могутъ привыкнуть къ честному исполненію всего того, что повелѣваетъ имъ, какъ гражданамъ Россіи, выполнять законъ Русскаго Государства. Многіе, говоримъ, и за преступленіе несчитаютъ сдѣлать то, что воспрещаетъ государственный законъ; примѣромъ тому служитъ ихъ нечестное занятіе контробандою, укрывательство отъ рекрутства очереднаго еврейскаго семейства, утаиваніе душъ мужескаго пола при ревизіи и т. п. Все это дѣлается ими такъ ловко и скрытно, что нѣтъ почти никакой возможности самому дѣятельному

чиновнику услѣдить за ними. И дѣлая такъ совѣсть еврея остается совершенно спокойною, и вотъ именно почему. Евреямъ кажется преступнымъ лишь то, что запрещаетъ имъ талмудъ, а талмудъ нисколько не вопіетъ противъ подобныхъ преступленій: напротивъ, онъ еще разрѣшаетъ при случаѣ пользоваться еврею христіанскимъ добромъ. А вѣдь казна есть также богатство Русскаго народа. Такъ чего же еврею бояться дѣлать ей ущербъ, хотя бы, напримѣръ, посредствомъ контробанды. Но вѣдь отъ этого понесетъ убытокъ Русскій народъ, еврей объ этомъ забылъ думать. Что тутъ щадить гоимовъ, т. е. христіанъ, скажетъ каждый изъ нихъ. Ужели нѣтъ никакой возможности, спроситъ читатель-христіанинъ, къ искорененію такого зла? Почему хотя раввинамъ не заговорить объ этомъ? Не станутъ и они говорить объ этомъ. Намъ кажется, что если бы явился контробандистъ къ раввину и сказалъ бы ему, что онъ намѣренъ заняться этимъ дѣломъ, то онъ не возбранитъ ему, но еще скажетъ: «съ Богомъ, въ добрый часъ». А о прочихъ евреяхъ и говорить уже нечего, они одинъ другому помогаютъ взаимно въ подобныхъ дѣлахъ. Стоитъ только контробандисту провесть товаръ чрезъ границу, то уже всѣ прочіе евреи будутъ помогать ему въ этомъ, они живо перевезутъ этотъ товаръ изъ одного мѣста въ другое, и концы въ воду. И несмотря на то, что ихъ преслѣдуютъ въ этомъ, но они такъ ловко ведутъ эти дѣла, что рѣдко удается поймать ихъ. И вотъ именно почему. Положимъ, что таможенный чиновникъ какимъ нибудь образомъ узналъ о мѣстѣ скрыванія контробанды и вздумалъ бы учинить обыскъ; евреи, по какому то чутью, пронюхаютъ объ этомъ и не замедлятъ дать знать контробандисту; даже постороннее лице, несостоящее въ свя-

зи съ контробандистомъ, долгомъ почтетъ сдѣлать тоже. Извѣстно, что евреи живутъ весьма дружно между собою и каждый считаетъ даже себя счастливымъ, когда онъ можетъ сотворить мицве, т. е. избавить своего собрата отъ несчастья. Поэтому то первый узнавшій о поѣздкѣ чиновника, тотчасъ даетъ знать о семъ контробандисту, что поѣхалъ хапунъ, т. е. таможенный чиновникъ, искать у васъ трейфене-схоре, т. е. незаконный товаръ. Узнавъ о семъ, контробандистъ свое дѣло уже сдѣлаетъ: или спрячетъ такъ хорошо товаръ, что его не найдутъ; или увезетъ подальше. И куда бы ни пріѣхалъ контробандистъ и шепнулъ бы, что онъ везетъ трейфене-схоре, то сейчасъ явится фура съ лошадями и увезетъ наскоро товаръ. И это дѣлается, дотолѣ пока не достигнутъ того мѣста, гдѣ болѣе возможно сбыть такой товаръ.

Теперь скажемъ, какъ смотрятъ евреи на преступленіе укрывательства отъ рекрутства. Они и это нетолько не считаютъ за преступленіе, но и обязанностію считаютъ укрытся отъ рекрутства. И мало этого, что очередной еврей старается скрыть самаго себя, онъ долгомъ считаетъ избавить даже своего собрата отъ рекрутства. Мы хорошо помнимъ, какъ евреи увозили изъ казармъ малолѣтнихъ рекрутовъ евреевъ. Объ этомъ мы можемъ сказать, какъ о фактѣ, совершившемся въ глазахъ нашихъ. По вступленіи нашемъ въ военную службу, мы находились, въ числѣ многихъ другихъ евреевъ, въ казармѣ Подольской губерніи. Тамъ то нерѣдко случалось, что безъ вѣсти пропадали молодые еврейскіе рекруты. Бывало капралъ утромъ считая рекрутовъ радъ бываетъ, когда всѣ они окажутся на лице, а то, смотришь, двухъ или трехъ недосчитается. И это продолжалось дотолѣ, пока это преступленіе не обнаружилось. Обнаружилось же оно

слѣдующимъ образомъ. Въ одинъ осенній темный вечеръ какой то рекрутъ вышелъ на улицу, къ нему подошелъ еврей, схватилъ его и сталъ усаживать на подводу. Испуганный рекрутъ закричалъ. На этотъ крикъ выбѣжалъ унтеръ-офицеръ, и узнавъ отъ рекрута о причинѣ крика, побѣжалъ за евреемъ, но ему, какъ пѣшему, трудно было догнать его. Послѣ этого случая побѣги не повторялись. Ибо, узнавъ о семъ, гарнизонный командиръ усилилъ конвой. Бывали побѣги только тогда, когда партія рекрутовъ евреевъ проходила чрезъ городъ Бердичевъ, но и противъ этого приняты были мѣры: гарнизонный командиръ приказалъ партіоннымъ офицерамъ, водя партіи чрезъ Бердичевъ быть какъ можно осторожнѣе, и они точно исполняли приказаніе своего командира. Намъ помнится, когда насъ водили чрезъ Бердичевъ, то партіонный офицеръ нашъ, къ каждой подводѣ приставилъ по конвойному и приказалъ строго, чтобы они ни кого изъ насъ не спускали съ подводъ, а равно недопускали бы и къ намъ евреевъ. Поэтому, какъ евреи не вертѣлись около насъ, не могли ничего сдѣлать, какъ только повздыхать и поплакать. Многіе бросали намъ деньги на подводы, и просили насъ, чтобы мы не крестились, а хранили вѣру отцевъ нашихъ. Намъ скажутъ евреи, чтоже въ этомъ особеннаго, вѣдь и русскіе рекруты тоже бѣгаютъ? Правда, дѣлаютъ нѣкоторые и изъ русскихъ рекрутовъ то же; но разница въ томъ, что русскій рекрутъ убѣжитъ только самъ, и попавъ въ первое селеніе ему трудно укрыться, потому что каждый крестьянинъ, узнавъ о немъ, почтетъ своимъ долгомъ представить его начальству. Каждый крестьянинъ скажетъ ему, что грѣшно бѣгать со службы Царской, и что если онъ пошелъ служить, то долженъ служить честно и правдиво, какъ велитъ

присяга, служить вѣрно Государю и Отечеству. А еврей скажетъ ли это? Скажетъ ли это даже раввинъ? Онъ скажетъ, но не то, а совсемъ другое. Мы помнимъ, что когда послѣдовалъ Высочайшій указъ брать евреевъ въ военную службу, то съ какимъ крикомъ (гвалдъ) и упорствомъ ставили они рекрутовъ. Вѣдь нельзя было однимъ кагальникамъ, безъ помощи полиціи, справиться съ очереднымъ семействомъ. Нужно было ночью, и то нечаянно, напасть на очередное семейство, чтобы взять съ него рекрута А то, нетолько неудастся взять рекруга, а еще придется потерпѣть побои. А раввины, вѣдь знали все это, но не одинъ изъ нихъ не сказалъ, что если евреи живутъ въ Россіи, подъ защитою Россіянъ, то и имъ, какъ гражданамъ Россіи, должно ставить, на равнѣ съ русскими, рекрута. Но раввины вмѣсто этого заговорили совсѣмъ другое. Они сказали, что послѣдовавшій Высочайшій указъ, брать евреевъ въ службу, есть гзар-мин-гашумаемъ, т. е. кара, ниспосланная на нихъ съ неба самимъ Богомъ, и это за то, что они не хранятъ вѣру свою и законъ талмуда, и что нужно принести Богу покаяніе, умилостивить Его постомъ и молитвою, тогда Онъ отвратитъ этотъ указъ отъ нихъ, и, вмѣсто ихъ, будутъ по прежнему отправлять эту повинность гоимы, христіане. Вотъ какого рода назиданія не рѣдко слышали и слышатъ сыны израиля отъ раввиновъ. И можно ли ожидать инаго поученія отъ тѣхъ, которые привыкли учить и одно лишь толковать, что Іерушулаемъ, т. е. Іерусалимъ, есть отечество израиля, а не хицъ-лорецъ, т. е. ни какая иная земля! Туда должны быть постоянно обращены взоры сыновъ израиля, и оттуда только должны они ожидать спасенія и избавленія. По этому то евреи, гдѣ бы то ни жили, не могутъ, по нашему

мнѣнію, искренно любить и считать эту страну своимъ отечествомъ. Это подтверждается тѣмъ, что евреи ежедневно молятъ Бога о избавленіи ихъ отъ этого плѣна (т. е. гдѣ они живутъ) и ввелъ бы ихъ въ землю обѣтованную. Вотъ эта молитва: «къ Іерусалиму возвратись Ты, Господи Боже нашъ! съ свойственною Тебѣ милостію, и пребывай тамъ вѣчно, какъ сказалъ Ты нѣкогда Самъ! Созижди, въ наши дни святый домъ Твой, и престолъ Давидовъ уготови, какъ можно скорѣе, во времена наши» (кн. Сид. стр. 60). Нерѣдко, въ этомъ духѣ евреи воспѣваютъ въ праздники, особенно за пасхальной трапезой: «нынѣ мы здѣсь, а въ слѣдующемъ году будемъ въ Іерусалимѣ; нынѣ мы здѣсь рабами, а въ слѣдующемъ году будемъ въ Іерусалимѣ господами» (кн. Сид. стр. 274). Послѣ всего этого, можетъ ли еврей думать и заботиться объ охраненіи инаго какого либо отечества, когда онъ, живя гдѣ бы то нибыло, стоитъ какъ бы на пути къ шествію въ Іерусалимъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе евреи, томясь долговременнымъ ожиданіемъ быть въ Іерусалимѣ и видя всѣ ожиданія несбыточными, по приближеніи старости кидаютъ домъ и все прочее, кромѣ денегъ, и ѣдутъ въ Іерусалимъ чтобы узрѣть этотъ священный городъ и умереть тамъ *).

---

*) Евреи убѣждены, что тѣ изъ нихъ, кои умираютъ въ Іерусалимѣ избавляются многихъ мукъ и черви даже неприкасаются къ ихъ праху. Они такъ вѣрятъ въ это, что многіе, при жизни еще, стараются достать хотя горсть земли Іерусалимской, которою и завѣщаютъ посыпать свои могилы, по смерти. Умереть въ Іерусалимѣ, по мнѣнію евреевъ, хорошо и въ томъ отношеніи, что когда Мессія явится, и будетъ собирать живыхъ и умершихъ израильтянъ въ Іерусалимъ, то покоющіеся тамъ избавлены будутъ отъ дальняго путешествія, которое придется совершать, съ трудомъ, особенно умершимъ, ибо сіи будутъ, какъ бочки катиться въ Іерусалимъ, опираясь лишь на одни палочьки, которыя, для сей цѣли, кладутся каждому еврею въ могилу.

О еврейской присягѣ.

Присяга считается у евреевъ весьма важнымъ дѣломъ. Нужно сказать, что они и обыкновенной клятвой дорожатъ. Еврей напрасно не произнесетъ имени Божія, онъ знаетъ, что заповѣдь Іеговы запрещаетъ ему употреблять имя Бога всуе. Поэтому, когда еврей бываетъ въ необходимости божиться, то онъ, вмѣсто того, чтобы произнести имя Бога, произноситъ другія слова, соотвѣтствующія святому имени Іеговы. Такъ, наприм., говоритъ онъ: «Шемъ, элогимъ, Адонай», т. е. Всевышній, господствующій, и проч.; или же: «Ви-ихъ-бинъ-аидъ» т. е., какъ я есмь іудей. Этимъ ограничивается какъ онъ, такъ и тотъ, кто принуждаетъ его къ клятвѣ. Итакъ, если обыкновенная клятва столь важна для евреевъ, то тѣмъ болѣе для нихъ важна торжественная присяга, которая дается ими въ синагогѣ. Да, эта присяга для евреевъ столь священна и столь страшна, что набожный еврей готовъ все отдать тяжущемуся съ нимъ еврею, чтобы только избѣгнуть присяги; ибо присягающій, хотя въ правдѣ, всегда мучается совѣстію: онъ убѣжденъ, что если онъ и по невѣденію своему клялся во лжи, то эта клятва падетъ нетолько на его самаго, но и на дѣтей его. Вотъ этого то и боится каждый еврей. Если присяга такъ важна для еврея въ отношеніи къ еврею, то тѣмъ не менѣе она необходима и при столкновеніи христіанина съ евреемъ, въ житейскомъ быту. Столь же полезна она и правительству, желающему. напр., побудить еврея къ вѣрности службы, или чему нибудь другому. Извѣстно, что если еврей согрѣшитъ противъ своего собрата, или противъ закона талмуда, то онъ, сознавая сіе тяжкимъ грѣхомъ, не скро-

етъ и самъ этого: онъ не замедлитъ явиться въ моленную съ покаяніемъ и молитвою, и будетъ бить себя въ грудь до толѣ, пока не вычитаетъ молитву, разрѣшающую его отъ грѣха, а сдѣлавъ обиду христіанину, онъ, какъ говорится, не охнетъ,—отъ него трудно будетъ допытаться чего либо, въ случаѣ надобности, и государственному чиновнику. Что же сдѣлаетъ христіанскій судья при разбирательствѣ еврея съ евреемъ, или съ христіаниномъ! Совсѣмъ дѣло другое, когда еврей будетъ имѣть дѣло со своимъ собратомъ, въ своемъ судѣ (бездинъ), то этотъ судъ можетъ виновника, талмудическими увѣщаніями, привести къ раскаянію, такъ, что дѣло обойдется безъ присяги. А христіанскій судья, спрашиваемъ, что можетъ сдѣлать въ этомъ случаѣ? Какими мѣрами приведетъ еврея къ сознанію,—или чѣмъ побудитъ онъ свидѣтелей быть вѣрными въ своихъ показаніяхъ, какъ не присягою? Но и эта мѣра, какъ единственная, для судьи тогда только можетъ быть дѣйствительною, когда еврей будетъ присягать по всѣмъ правиламъ закона талмуда. Извѣстно, что евреи въ высшей степени соблюдаютъ обрядность свою, законъ обрядовый такъ у нихъ силенъ, что они каждое мелочное правило, установленное раввинами, чтутъ на равнѣ съ закономъ Моѵсеевымъ. Слѣдовательно, несоблюденіе одного изъ обрядовъ присяги дѣлаетъ ее въ глазахъ еврея уже не столь дѣйствительною. Въ подтвержденіе сего не лишнимъ считаемъ сказать то, что мы слышали отъ евреевъ, присягавшихъ въ окружномъ судѣ. На вопросъ нашъ: нравится ли имъ новый христіанскій судъ? одинъ изъ присягавшихъ сказалъ: судъ то хорошъ, да присягу то даютъ не по нашему, т. е. не съ соблюденіемъ всѣхъ нашихъ обрядовъ. И помилуйте, что за присяга въ судѣ, то ли дѣло, если бы мы присягали въ синагогѣ, у священнаго нашего кіота, предъ отверстіемъ

дверей его, что изображаетъ отверстіе самаго неба; не напрасно же у насъ встаютъ всѣ, когда отворяютъ двери кіота, во время богослуженія. И толи бы дѣло, если бы раввинъ прочелъ грозную проповѣдь, и зажгли бы черныя свѣчи, какъ это дѣлается у насъ въ синагогѣ. А то ничего этого не было, а пробормоталъ какой то солдатъ, безъ шапки, присяжный листъ и мы стояли всѣ съ открытыми головами, и все тутъ, а по нашему закону, какъ вы знаете, исполнять какой либо обрядъ безъ шапки—грѣхъ *). То же самое слышали мы и отъ казеннаго раввина. Онъ даже заявлялъ о семъ и въ судѣ, но ему отвѣтили, что присяга дается въ судѣ, и можетъ быть даваема въ случаѣ отсутствія раввина и каждымъ евреемъ. Странно, подумалъ я, отчего же это не дѣлается въ общинахъ еврейскихъ, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ Моѵсеевомъ законѣ сказано, что одни служители олтаря Господня могутъ совершать обрядъ присяги: «и да приступятъ жрецы Левита: яко сихъ избра Господь предстояти ему». Послѣ сего съ какой же стати будетъ отправлять присягу не призванное лице и достигнетъ ли она цѣли? Согласитесь, что такая присяга есть находка только для нечестнаго оврея, онъ и за рубль присягнетъ; а каково то тому, которому придется имѣть дѣло съ нечестнымъ евреемъ? Такой навѣрно желалъ бы, чтобъ присяга давалась въ синагогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подумали мы, почему бы не давать присяги въ синагогѣ, тѣмъ болѣе, что это, сколько намъ извѣстно, было и желаніе правительства. Не знаемъ, какъ теперь, при новомъ судопроизводствѣ, а

*) Въ ихъ законѣ сказано: «Лой сегале ройшъ», т. е. да не откроеши главу твою. Примѣромъ тому служитъ для нихъ пророкъ Моѵсей; вѣдь и онъ, говорятъ они, сошедши съ Синайской горы покрывалъ лице свое и главу. Также и первосвященникъ Ааронъ и другіе священнослужители іудейской церкви, развѣ не съ покрытыми головами ходили? то какже намъ не подражать имъ.

на формѣ присяги, составленной по Высочайшему повелѣнію, для евреевъ, прямо сказано, что присяга дается въ синагогѣ, или молитвенной школѣ. Какъ же она дается?

Она дается раввиномъ и двумя евреями, которые составляютъ, по обычаю ихъ вѣры, третейскій судъ (Бесдинъ).

Приводимый къ присягѣ снимаетъ верхнюю одежду и надѣваетъ китель *), становится лицемъ къ кіоту, на сей случай открытому, предъ нимъ стоятъ на столѣ двѣ зажженныя свѣчи и лежитъ пергаментный свертокъ тора **). Раввинъ читаетъ приготовляющимся къ присягѣ увѣщаніе,—вотъ нѣчто изъ содержанія его: «Я объявляю тебѣ, что св. наши законы повелѣваютъ намъ, сынамъ израиля, соблюдать даваемыя нами присяги, поэтому предостерегаю тебя отъ оскорбленія св. имени Божія клятвопреступленіемъ. Вѣдай, что это есть тяжкій грѣхъ. А свидѣтелю онъ говоритъ: если слышалъ что нибудь или знаешь о чемъ либо сдѣланномъ противъ закона и оное скрываешь, то ты есть преступникъ заповѣди. Знай, что за сіе презрѣнъ будешь Богомъ въ будущей жизни. Знай, что весь міръ потрясся, когда Богъ сказалъ: «не пріемли имени Бога твоего всуе». О всѣхъ преступленіяхъ Моусеева закона сказано, что онѣ очистятся, но клятвопреступленіе—никогда. Если сію, даваемую тобою присягу предъ Богомъ и св. Его тора нарушишь, то симъ сдѣлаешься отступникомъ отъ своей вѣры и лишишся названія іудей. И всякое постигающее тебя

---

*) Китель есть длинная бѣлая льняная рубаха, доходящая до самыхъ ногъ. Такъ какъ эта рубаха служитъ одѣяніемъ для умершихъ, то и надѣваютъ ее при присягѣ, чтобы этимъ болѣе побудить присягающаго къ вѣрности присяги.

**) Тора, суть пятикнижіе Моусея, списанное на пергаментѣ, на нѣсколькихъ листахъ, которые сшиваются нитками изъ воловьихъ жилъ, сверху обтягиваются покрываломъ, изъ шелковой матеріи, къ ней придѣлывается литая корона. Двѣ ручьки, за которыя несутъ свертокъ, пришиваются къ пергаменту. Тора вносится въ храмъ въ первый разъ съ большою церемоніею, ее несутъ подъ балдахиномъ, съ 24-мя выкрашенными палками, самъ раввинъ и многіе другіе почетные евреи несутъ тора; во время процессіи поютъ стихи и хвалебныя пѣсни.

за нарушеніе сей присяги, наказаніе отъ начальства будетъ уже наказаніемъ съ небесъ, назначеннымъ и отъ нихъ на тебѣ исполненнымъ за оскорбленіе св. имени Божія. Такъ въ преданіи нашемъ сказано, что наказаніе царя Седекіи за преступленіе данной имъ вавилонскому царю клятвы, было съ небесъ ниспосланнымъ за оскорбленіе св. имени Божія». По окончаніи сего чтенія, свѣчи, стоящія на столѣ предъ кіотомъ, погашаются и раввинъ говоритъ присягавшимъ, по еврейски: какъ гаснутъ свѣчи сіи, такъ погаснетъ твоя душа, когда нарушишь даваемую тобою, предъ нами, клятву». Присягавшій отвѣчаетъ на это: «аминь». Послѣ сего, раввинъ передаетъ свертокъ (тора) въ правую руку присягающему, и онъ самъ читаетъ присяжный листъ на еврейскомъ языкѣ *); а потомъ подписываетъ оный раввинъ, и члены бездинъ подписываются свидѣтелями присяги, въ томъ, что они въ точности исполнили свою обязанность.

Нѣсколько словъ о томъ, какъ думаютъ въ настоящее время евреи о христіанствѣ и каковы ихъ отношенія къ христіанамъ.

Изъ предыдущихъ статей моихъ **), читателю отчасти уже извѣстно, каковы отношенія евреевъ къ христіанамъ. Евреи, вообще

*) Содержаніе еврейской присяги сходно съ присягою христіанскою. Такъ напримѣръ, свидѣтель говоритъ: «я, нижеименованный, обѣщаюсь и клянусь самимъ Богомъ (въ еврейскомъ текстѣ: Адонай — Богъ) съ чистымъ сердцемъ и не по иному скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу приводящихъ меня къ присягѣ, въ томъ, что по дѣлу, по которому я призванъ во свидѣтели, открою сущую правду въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ и проч. Надо замѣтить, что древніе евреи иначе присягали. Такъ, напримѣръ, когда находили тѣло убитаго, на полѣ, и не знали, кто совершилъ это преступленіе, то старѣйшины израиля и судіи измѣряли мѣстность отъ найденнаго тѣла до ближайшаго селенія, и оно обязано было, чрезъ старцевъ и судей, представить юницу, не бывшую подъ ярмомъ, надъ которою и совершался извѣстный обрядъ священниками и левитами. Послѣ этого, всѣ обязаны были подходить къ тѣлу убитаго и умывать руки надъ главою юницы, произнося слова: «руки наши неповинны въ крови сего убитаго и очи наши не видѣли его» (Второзак. 31 гл.).,

**) См. выше ст. о занятіяхъ евреевъ и ихъ торговлѣ.

чуждаются христіанства и именно потому, что они считаютъ оное противнымъ своему закону и своей вѣрѣ, хотя въ сущности законъ ветхій и вѣрованіе истинно древнихъ израильтянъ, каковы были патріархи, состояли главнымъ образомъ въ ожиданіи грядущаго Христа Мессіи, Который и пришолъ въ опредѣленное пророками лѣто. Іудеи, худо вырузамѣвъ пророческія предсказанія о божественномъ величіи Спасителя и Его духовномъ владычествѣ, ожидали Мессію, какъ царя и завоевателя вселенной; но увидѣвъ Христа въ уничиженномъ и умаленномъ состояніи, они не хотѣли, не хотятъ и нынѣшніе евреи признать, что Іисусъ Христосъ есть ихъ ожидаемый Мессія; поэтому отношенія евреевъ, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ, къ христіанамъ, одинаковы. Нынѣшніе евреи вообще говорятъ, что они должны жить такъ, какъ жили ихъ отцы; кого любили предки наши, говорятъ они, того должны любить и мы, а кого чуждались они, того должны чуждаться и мы; а извѣстно, какъ велика была вражда древнихъ евреевъ къ христіанамъ. Мы не будемъ здѣсь касаться жизни Іисуса Христа и обстоятельствъ его смерти; довольно сказать одно, что божественный проповѣдникъ Евангелія и главный основатель христіанства умеръ на крестѣ жертвою ненависти Фарисеевъ и законниковъ, которые не могли терпѣть новаго духа евангельской проповѣди. Не лучше была и участь Апостоловъ. Мы знаемъ, что они, по смерти Іисуса Христа, проповѣдуя Евангеліе, обращали по нѣсколько тысячъ человѣкъ ко Христу и за сіе претерпѣвали многое; они нерѣдко призываемы были старѣйшинами іудейскими на судъ. Въ Іерусалимѣ, апостола Петра и его сотрудниковъ заключили въ темницу, и, потомъ, по проискамъ іудейскихъ священниковъ, подвергли тамъ побоямъ (Дѣян. гл. 4 ст. 3). Чему также подвергался и апостолъ Павелъ за проповѣдываніе имени

Христова. Однажды іудеи, увидѣвъ его во храмѣ, возмутили весь народъ и наложили на него руки, и к гда апостолъ защищалъ святое дѣло Христово и себя и говорилъ, что онъ былъ самымъ ревностнымъ іудеемъ, гналъ до смерти послѣдователей ученія Христова; но когда, на пути въ Дамаскъ, услышалъ онъ небесный гласъ, призывавшій его ко Христу и къ ученію апостольскому, то увѣровалъ въ Христа, какъ въ Мессію и съ того времени онъ, согласно волѣ Божіей, началъ возвѣщать евангельское ученіе (Дѣян. гл. 21, ст. 27). Іудеи, услышавъ это, подняли крикъ, метали одежды и бросали пыль на воздухъ и кричали къ тысяченачальнику истреби отъ земли такого, ибо ему не должно жить (Дѣян. гл. 22, ст. 22 и 23). Ненависть іудеевъ была такъ велика къ христіанству, что простиралась не на однихъ апостоловъ, но и на прочихъ послѣдователей Христовыхъ. Первый мученикъ, запечатлѣвшій своею кровію истину евангельской проповѣди и божественности Іисуса Христа былъ Стефанъ. Призванный въ Синедріонъ, онъ произнесъ рѣчь, исполненную силы истины, но она не спасла его отъ злобы ослѣпленныхъ судей и ярости черни: выведенный за городъ, онъ былъ побитъ камнями, какъ хулитель Бога и Моvсея (Дѣян. гл. 7). И одинъ ли Стефанъ за ревность свою по Христѣ пострадалъ. Церковь Христова сохранила намъ въ своихъ преданіяхъ память многихъ мучениковъ, погибшихъ въ Сиріи и Африкѣ, гдѣ евреи были главными виновниками гоненія. Конечно теперь евреи, живя въ зависимости отъ христіанъ, не могутъ уже преслѣдовать ни христіанства, ни самихъ христіанъ; но тѣмъ не менѣе, отношенія ихъ остаются еще враждебными къ христіанству. Раввины и талмудъ поставили въ область іудейской религіи такую преграду, что ни вѣка, ни времена не могли сокрушить ее и сблизить іудеевъ съ христіанами. Мы ви-

димъ, что евреи еще доселѣ остаются такими, какими они были многіе вѣка тому назадъ и это именно потому, что въ нихъ сильно вкоренены самыя дурныя и превратныя понятія объ Іисусѣ Христѣ и Его послѣдователяхъ. Много басенъ у евреевъ о Іисусѣ Христѣ, но мы умолчимъ о нихъ, скажемъ только, что онѣ ничтожны сами въ себѣ, но гибельны для евреевъ, ибо въ нихъ вѣруетъ каждый изъ нихъ съ убѣжденіемъ и передаетъ ихъ и малолѣтнимъ дѣтямъ своимъ, а поэтому, прежде чѣмъ еврей выростаетъ, становится уже готовымъ врагомъ Христа Спасителя. И вотъ до какой степени простирается эта ненависть въ сердцахъ евреевъ отъ большаго до малаго. Извѣстно, что прежде военныя училища солдатскихъ дѣтей, или, какъ они назывались, баталіоны военныхъ кантонистовъ, наполнялись еврейскими малолѣтками, которыми евреи отправляли рекрутсткую повинность. Въ этихъ училищахъ научили насъ, въ бытность кантонистами, русской грамотѣ и читать давали намъ болѣе отрывки изъ священнаго писанія Новаго Завѣта. Мы читали все, но какъ бывало увидимъ имя—Іисусъ Христосъ,—то каждый изъ насъ выскабливалъ оное перочиннымъ ножичкомъ, такъ что мы перепортили всѣ книжки; однако дѣлали мы это дотолѣ, пока христіанскій законоучитель не объяснилъ, что сынамъ израилевымъ не должно чуждаться Владыки израиля. Одно это уже показываетъ, какъ враждебно смотрятъ іудеи па Христа Спасителя. Но вотъ еще болѣе разительный примѣръ, подтверждающій эту ненависть. Страшно вспомнить, какую богопротивную выходку иногда дозволяетъ себѣ еврей фанатикъ творить въ посмѣяніе Христу. Разъ, какъ теперь помню, въ одинъ еврейскій праздникъ (Симхесъ торе, т. е. радость о св. законѣ) жители нашего мѣстечка, конечно евреи, собрались попраздновать къ одному богатому фанатику-еврею же; когда стало смеркаться, хозяинъ

дома принялся закрывать ставни, опустилъ шторы, съ цѣлію чтобы христіане какимъ нибудь образомъ не замѣтили его выходки, и зажегъ свѣчку. Когда все это сдѣлалъ, онъ снялъ съ себя платье и полунагій вскочилъ на столъ, прислонясь къ углу и желая точнѣе представить изъ себя распятаго Христа, наклонилъ голову, простеръ руки, держа ихъ какъ бы пригвожденными ко кресту, и смотрѣвшіе на это смѣялись, и когда мы, дѣти, начали распрашивать у отцевъ о причинѣ представленія и насмѣшки, то они отвѣчали, что когда то былъ на землѣ Христосъ, прославившійся Мессіею, въ Коего увѣровали христіане и которые чтутъ Его Богомъ и изображаютъ Его на иконахъ въ такомъ видѣ. Разсказывая это, они внушали намъ сильную ненависть ко Христу. Послѣ всего этого удивительно ли, что еврей, какъ мы уже говорили, прежде чѣмъ выростетъ, становится врагомъ Спасителя и святой Его церкви.

Евреи, въ особенности фанатики изъ секты хасидимовъ, сильно презираютъ христіанскую церковь; проходя мимо оной, отворачиваютъ лице и говорятъ: «шакец-тешакцено», что значитъ, да будетъ мѣсто сіе отвержено и попрано, при чемъ нерѣдко плюютъ, приговаривая: «пумахшемой везохрой», т. е. да изгладится память о семъ, однако, когда плюютъ, то оглядываются—нѣтъ ли вблизи христіанина, тогда изъ боязни этого не дѣлаютъ. Вспоминая о семъ, намъ становится грустно то, что они дѣлаютъ такъ преимущественно когда проходятъ мимо православныхъ храмовъ, хотя знаемъ, что они это дѣлаютъ не потому, чтобы они имѣли что нибудь особенное противъ русскихъ, нѣтъ, имъ противны православные храмы потому, что они украшены св. иконами, которыя, какъ мы уже выше замѣтили, евреи считаютъ противными второй заповѣди. Еврея не мало смущаетъ и то, что православные ходятъ по

улицамъ со св. иконами и хоругвіями, глядя на это, они съ презрѣніемъ говорятъ, что это билдеръ, т. е. боги, которымъ покланяются русскіе. А между тѣмъ сами нѣкогда древніе евреи охотно смотрѣли на мѣднаго змія, изображеннаго Моѵсеемъ въ пустынѣ, и, смотря на него получали исцѣленіе тѣ, которые были уязвляемы зміемъ; также съ благоговѣніемъ смотрѣлъ весь израиль и на св. кивотъ и на столпъ огненный, путеводившій его. Да и нынѣшніе евреи, осуждая христіанъ за почитаніе и поклоненіе иконамъ, сами въ высшей степени чествуютъ свою торе, т. е. свертокъ, на которомъ написано пятикнижіе Моѵсея, чествуютъ также и свою мезузѣ *), которая прибита къ косяку двери каждаго дома и къ которой входящій въ домъ прикладывается и лобызаетъ какъ святыню Божію, и послѣ всего этого какъ же осуждать христіанина за почитаніе иконъ; но какъ бы то ни было, а евреи ненавидятъ православную церковь, ненавидятъ православное христіанство. Удивительно еще и то, что они не совсѣмъ то долюбливаютъ русскій языкъ, хотя и говорятъ по-русски, но говорятъ какъ бы по необходимости, ибо они иначе не могутъ и объясниться съ русскимъ человѣкомъ, между собою же они говорятъ на испорченномъ нѣмецкомъ языкѣ. Мы уже выше замѣтили, что евреи переводятъ свои книги на свой жаргонъ, но никакъ не на русскій языкъ; этого мало, иные фанатики вовсе, по субботамъ, не говорятъ порусски, полагая, что симъ оскорбятъ они свой языкъ, который они считаютъ языкомъ священнымъ и выше всѣхъ нарѣчій въ мірѣ. Такъ важно думаютъ евреи нетолько о своемъ нарѣчіи, но и о самихъ себѣ; они воспѣваютъ въ день субботній: «атоэходъ вешимхо эходъ»: Ты единъ, Господи, и израиль

*) Мезузѣ есть небольшой кіотикъ, въ которомъ вкладывается кусокъ пергамента со словами изъ закона Моѵсея.

единъ и нѣсть ему подобнаго въ цѣломъ мірѣ (кн. Сидеръ стр. 75). Но пусть бы себя евреи хвалили, какъ имъ угодно, лишь бы не оскорбляли другихъ вѣрованій; такъ нѣтъ, они, какъ мы выше замѣтили, не терпятъ христіанства, не терпятъ и клянутъ не одно только христіанство и христіанъ, но и всѣхъ народовъ земли и молятся о гибели ихъ, говоря: «шефойхъ гамосхо элъ гагоимъ», т. е. излей ярость Твою Боже на языки иже не вѣдаша Тебя (Смотри пасхальный обрядъ въ книгѣ Седеръ гагодо). Вотъ и еще другаго рода проклятія, кои произносятъ также евреи на всѣхъ людей во время утренняго и вечерняго богослуженія: «хвала Тебѣ отъ насъ, Вседержитель, говорятъ они (олейну-лешабеахъ)», что Ты создалъ насъ не гоими, т. е. не христіанами, и не такими какъ всѣ языки, участь которыхъ ничтожна предъ Тобою: пу, махшемой! т. е. да исчезнутъ всѣ они, и да изгладится, память; при этомъ всѣ клянущіе плюютъ. Дыша такою ненавистію ко всѣмъ языкамъ, можно ли ожидать добраго расположенія отъ еврея къ христіанамъ? нѣтъ! евреи и ихъ не терпятъ, это мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго.

Объ отношеніяхъ еврея къ самому христіанину. По нашему мнѣнію, пока еврей останется евреемъ, онъ не можетъ быть другомъ христіанину, онъ не можетъ чувствовать къ нему ни любви, ни уваженія, уже по однимъ вышеизложеннымъ причинамъ религіознымъ, отталкивающимъ его отъ христіанина; кромѣ этого, еврей, слѣдуя буквально закону Моѵсея, научающаго его любить ближняго и возненавидѣть врага, считаетъ законнымъ дѣломъ ненавидѣть всѣхъ, неисповѣдующихъ іудейства; считать ихъ врагами, особенно къ сему наставляетъ его талмудъ, который учитъ: кол-исруль ахеемъ, т. е. всѣ израильтяне братія (кн. Сидеръ—отдѣленіе перекъ 214 стр.) и только еврей еврея долженъ считать братомъ и ближнимъ,

всѣхъ же прочихъ людей должно считать нохрами, т. е. чуждыми; по силѣ такихъ талмудическихъ увѣщаній, весьма естественно то, что еврей только и любитъ еврея, его только онъ и называетъ «охъ»—братомъ и другомъ, всѣхъ же неисповѣдующихъ іудейства, считаетъ и называетъ нохрами, чуждыми, и нетолько называетъ, но и самымъ дѣломъ показываетъ свое отчужденіе ко всѣмъ. Еврей, какъ уже извѣстно, не поселится съ христіаниномъ въ одной комнатѣ, онъ съ нимъ не будетъ ѣсть изъ одной посуды, не станетъ пить съ нимъ изъ одной чаши, не пойдетъ въ его церковь и не будетъ участвовать въ его торжествахъ и праздникахъ, словомъ, онъ отъ него во всемъ подальше *). Представся какое нибудь выгодное дѣло, онъ обойдетъ христіанина, хотя бы зналъ его, какъ хорошаго человѣка, а возметъ въ товарищество непремѣнно еврея. Видя, напримѣръ, въ несчастіи своего собрата, онъ поспѣшитъ къ нему на помощь, и если самъ не въ состояніи ему помочь, то обратится къ другимъ болѣе состоятельнымъ евреямъ и всѣми силами постарается помочь ему; видя же христіана въ несчастіи, онъ не пожалѣетъ о немъ, а скажетъ извѣстную еврейскую фразу: «лозимъ деръ рихъ неминъ», т. е. пусть его чортъ возметъ, а если и войдетъ въ его положеніе, то непременно изъ-за какихъ либо видовъ: положимъ, хотя дастъ ему денегъ въ нуждѣ, такъ ужъ потребуетъ большіе проценты и не пощадитъ, потому что онъ гой, христіанинъ; а съ евреемъ онъ этого не сдѣлаетъ, ибо талмудъ запрещаетъ это. Смотря на болящаго и даже умирающаго христіанина, еврей нисколько не поскорбитъ о немъ а спокойно скажетъ: лозерь-пегернъ, т. е. пусть издохнетъ, и

*) Только отъ пожитковъ христіанина, отъ его копѣйки еврей не чуждъ и стремится воспользоваться ею; у нихъ и въ пословицу вошло, что гой- христіанинъ — трефъ, скверенъ, а грошъ его кошеръ, чистъ.

если начать вразумлять его, что не хорошо такъ относиться о равномъ себѣ человѣкѣ, не хорошо презирать и чуждаться ближняго, то на это, какъ знаемъ, еврей навѣрно скажетъ, что только исруль, т. е. еврей, мой ближній, а гой христіанинъ, какой мнѣ ближній, и можетъ ли мнѣ быть ближнимъ тотъ, скажетъ онъ, кто не хранитъ законъ Моѵсеевъ не исповѣдуетъ іудейства, не имѣетъ на себѣ завѣта обрѣзанія, и, наконецъ, можетъ ли быть ближнимъ моимъ тотъ, который не происходитъ отъ Авраама, нѣтъ, такой человѣкъ, скажетъ другой еврей, для меня гой-христіанинъ, язычникъ или акимъ—идолопоклонникъ, такъ вообще зовутъ они христіанъ, или еще иначе эйсефъ оруше—нечестивымъ племенемъ Исава, выродками Идумея. Русскихъ же людей и особенно чернорабочихъ и солдатъ называютъ они фоне—гановъ и газлынъ, т. е. воры и разбойники. Поводомъ къ этому служатъ поступки нѣкоторыхъ простолюдиновъ, которые иногда изобличаются въ воровствѣ и грабежѣ, а эти поступки не, навистны для евреевъ, они презираютъ эти пороки. Въ самомъ дѣлѣ, еврей-воръ, а въ особенности убійца, составляетъ рѣдкость въ своей націи, мы, родившись въ іудействѣ и живя тамъ многіе годы никогда не встрѣчали ни вора, ни разбойника еврея, поэтому они, какъ намъ кажется, и пятнаютъ именемъ вора всѣхъ русскихъ простолюдиновъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ то, что они, тѣхъ же рускихъ, но принадлежащихъ къ высшему благородному классу, не называютъ такъ, а напротивъ величаютъ ихъ именемъ срорымъ, т. е. вельможами и властелинами, особенно они уважаютъ градоначальниковъ, Высочайшихъ же особъ они почитаютъ, какъ избранниковъ Божіихъ, и молятся за нихъ. Однихъ только простолюдиновъ русскихъ не терпятъ они, не терпятъ до того, что уподобляютъ ихъ нечистымъ животнымъ; увидя, напримѣръ, крестьянина

янина, входящаго въ домъ, еврей говоритъ еврею, что пришелъ къ нимъ гой хазеръ, т. е. русская свинья. Когда еврей увидитъ красиваго русскаго юношу, то говоритъ: какъ онъ хорошъ, и тутъ же прибавляетъ: «шерецъ шегецъ», т. е. гадина противная, такъ они вообще называютъ христіанскихъ дѣтей; или еще иначе: «мамзерьмъ», т. е. незаконнорожденнымъ, поелику онѣ рождены отъ христіанскихъ родителей, браки коихъ совершаемы не по закону Моѵсея, значитъ, что они «мамзерьмъ». Когда евреи говорятъ между собою о евреѣ и о христіанинѣ, то, не желая уровнять перваго съ послѣднимъ, прибавляютъ непремѣнно слова: «легавдль бентимо—летаро», что значитъ, разница между святостію іудейскою и нечистотою христіанскою. При встрѣчѣ со священникомъ, сопровождающимъ тѣло умершаго, услышавъ пѣніе, говорятъ: «деръ галыхъ препельтъ инъ билдетъ», т. е. священникъ бормочетъ и оретъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать; что будто евреи ненавидятъ православное духовенство, напротивъ, они священниковъ терпятъ, особенно любятъ такихъ, которые говорятъ съ ними о Моѵсеѣ, Ааронѣ, Аврамѣ, тутъ еврей просто торжествуетъ, только не затѣвайте съ нимъ разговора о Христѣ и христіанствѣ, онъ весь тутъ же перемѣнится и вмѣсто дѣльнаго и не глупаго собесѣдника, выходя изъ себя, будетъ говорить то, изъ чего легко можно заключить, не сошелъ ли этотъ человѣкъ съума. Такія рѣчи евреямъ вообще не по вкусу. Если евреи услышатъ отъ священника или вообще отъ христіанина умную рѣчь, касающуюся христіанской религіи, то обыкновенно говорятъ: «ди клипе избаимъ», т. е. злой духъ въ немъ, поэтому онъ и говоритъ такъ умно, но говоритъ это отнюдь не отъ себя; ибо евреи убѣждены, что гои-христіане не имѣютъ столько ума, чтобы могли такъ умно разсуждать, какъ разсуждаютъ они.

Покажите, напримѣръ, и похвалите еврею какую угодно хр. книгу, которая бы даже ему самому нравилась, и спросите его, какого онъ мнѣнія о ней; онъ непремѣнно скажетъ, что книга была бы очень хороша, если бы ее составилъ «а идише -копъ», т. е. еврейская голова, а не гой-христіанинъ, у котораго голова, говорятъ они, форштоптъ, т. е. замкнута на глухо. Еврею кажется христіанинъ такъ ничтоженъ, что онъ ежедневно благодаритъ Бога за то, что Онъ создалъ его не гоемъ, т. е. не христіаниномъ, а евреемъ. Что евреи такъ мечтаютъ о себѣ и о своемъ разумѣ видно изъ ихъ книги Сидеръ гагодо, читаемой ими въ вечеръ пасхи: «мы, говорятъ они, должны изъ рода въ родъ передавать то, что сотворилъ намъ Господь по выходѣ изъ Египта, не смотря на то, что мы всѣ хахомымъ, т. е. мудрые и премудрые, мы всѣ иневойнемъ—свѣдущіе во всемъ и въ особенности въ законѣ Божіемъ, которымъ украсилъ насъ Господь, какъ вѣнцомъ; а все таки мы должны непрестанно передавать и грядущимъ по насъ племенамъ о Его чудесахъ. Мы не винимъ евреевъ, что они такъ себя восхваляютъ, намъ кажется только съ ихъ стороны не хорошо то, что они, смотря на себя такъ высоко, смотрятъ съ презрѣніемъ и думаютъ весьма дурно о всѣхъ прочихъ людяхъ. Да, много есть оскорбительнаго въ мнѣніяхъ евреевъ о христіанствѣ, и нетолько въ мнѣніяхъ, но и въ дѣлахъ ихъ есть не мало зла. Мы уже выше въ статьѣ о торговлѣ евреевъ, между прочимъ замѣтили, каковы ихъ отношенія жизни къ христіанамъ, какъ они очень часто ихъ надуваютъ, какъ почти ни за что обираютъ ихъ хлѣбъ, ихъ гроши, словомъ, пользуются всѣмъ отъ христіанъ, чѣмъ только могутъ, да иначе чѣмъ бы могли многіе изъ нихъ и существовать. Въ самомъ дѣлѣ, евреи, за исключеніемъ купцовъ и ремесленниковъ, ведутъ самую бездѣльную жизнь, не зани-

маясь ни земледѣліемъ ни скотоводствомъ, ну словомъ ни чѣмъ, а вѣдь живутъ; не значитъ ли это, что такіе люди живутъ на чужой счетъ, живутъ, какъ говоритъ г. Брафманъ, паразитами, тунеядствомъ (Виленск. вѣстн. № 149, 1866 г.); и живя такъ, евреи не поставляютъ себѣ это въ вину, и вотъ почему: они считаютъ христіанъ и всѣхъ людей ни кѣмъ болѣе, какъ живучею массою, которая, по ихъ убѣжденію, создана Богомъ для того только, чтобы служить израилю. По силѣ такихъ убѣжденій, совѣсть евревъ, повторяемъ, остается совершенно спокойною и тогда, когда за нихъ работаютъ другіе, а они пользуются плодами ихъ труда. Право, намъ не легко передать все то, что творится іудеями въ ущербъ христіанъ; не легко потому, что насъ могутъ заподозрить въ неблагонамѣренности; какъ такъ, скажетъ иной читатель, человѣкъ, будучи самъ іудеемъ, рѣшился, подобно хаму, открыть наготу своихъ единоплеменниковъ, воскормившихъ его, все это такъ, но вѣдь для насъ теперь не чуждъ и христіанинъ, онъ намъ весьма близкій по вѣрѣ и евангельскому ученію, но во всякомъ случаѣ мы удерживаемъ свой языкъ, а ограничиваемся указаніемъ на то, что другіе пишутъ про нихъ. Изъ всего того, что говорится во многихъ газетахъ и журналахъ не съ похвалою о евреяхъ, достаточно указать на то, что говорилъ о нихъ г. Смолякъ, корреспондентъ «Виленскаго вѣстника» (№ 152, 1866 г.), который, какъ видно, хорошо знаетъ бытъ евреевъ, ибо онъ говоритъ о нихъ вѣрно и безпристрастно, а чтобы читатель могъ лучше видѣть, что творили и что до днесь творятъ евреи въ юго-западномъ краѣ, дочего они довели, по милости польскихъ властей, здѣшнихъ крестьянъ. Онъ начинаетъ съ слѣдующаго. «Сѣверо-западный край Россіи, говоритъ онъ, населенный въ древности самымъ промышленнымъ и предпріимчивымъ изъ рус-

скихъ славянскихъ племенъ, старѣйшими братіями жителями Новгорода и Москвы, до 14 столѣтія находился, въ отношеніи къ промышленности, въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и составлялъ красу русской земли, но послѣдовавшій въ 14 столѣтіи бракъ великаго князя Литовскаго Ягайлы Ольгердовича съ польскою королевою Ядвигою, а потомъ тлетворное соединеніе края съ Польшею въ конецъ разорило и загубило здѣшній край и наводнило его поляками и жидами, изъ которыхъ первые завладѣли всѣми здѣшними землями и ихъ коренными жителями Русскими и Литовцами и обратили ихъ въ холоповъ или ополячили, а другіе захватили всѣ промыслы и капиталы и оставили за коренными жителями, настоящими хозяевами здѣшней земли, только одно земледѣліе, да и то лишь на пользу польскихъ или ополяченныхъ пановъ и на корысть жидамъ, которые нещадно эксплуатируютъ всѣ труды несчастныхъ землевладѣльцевъ и вотъ до какой степени: бывало, несчастные бѣлорусскій и литовскій мужики, выѣзжая на рынокъ, съ своими сельскими произведеніями, не смѣли продавать ихъ сами, а лежа подъ возомъ обязаны были ждать, пока факторъ еврей, перекупая, не продастъ ихъ товаръ съ громаднымъ барышемъ себѣ, съ явною обидою хозяину, лежащему подъ возомъ. Впрочемъ, въ настоящее время, продолжаетъ авторъ, насъ занимаетъ не столько прежняя плачевная исторія здѣшняго края, сколько современное его состояніе, которое наконецъ дошло до того, что здѣсь стало душно и пришлецамъ евреямъ и старобытнымъ хозяевамъ Русскимъ и Литвинамъ.

Евреи сами сознаются, что они тормозятъ рускую жизнь здѣшняго края, что они не болѣе какъ паразиты (ст. Л. Леванды, Вил. вѣстн. №№ 20, 26 и 27), т. е. чужеядныя растенія, люди, живущіе чужимъ трудомъ. А таковыхъ парази-

товъ-людей, живущихъ чужимъ трудомъ, какъ говорятъ, около двухъ милліоновъ, на общее народонаселеніе края въ пять милліоновъ, или иначе по чужеядцу на двѣ съ половиною жертвы. Но развѣ евреи ужъ ничѣмъ не занимаются, скажетъ навѣрно защитникъ іудейства, вѣдь вся торговля и всѣ промыслы въ рукахъ ихъ? Но возможна ли торговля, продолжаетъ корреспондентъ Вил. вѣстника, и сбытъ ремесленныхъ произведеній, когда на одного торговца или ремесленника только два съ половиною покупателя, да и тѣ кормятся не вѣянымъ хлѣбомъ. Евреи въ западномъ краѣ, за небольшимъ сравнительно исключеніемъ капиталистовъ, составляютъ чистый пролетаріатъ края, живущій обманомъ, контробандой, факторствомъ, ростовщичествомъ и другими ремеслами того же разряда. Кажется, достаточно только разъ проѣхаться по западному краю, говоритъ авторъ, чтобы убѣдиться въ томъ; и за всѣмъ тѣмъ, евреи еще хвалятся, что они единственные промышленники въ здѣшнемъ краѣ, что безъ нихъ торговля и промышленность края исчезнутъ, какъ дымъ. А коренные жители говорятъ, что евреи, покровительствуемые враждебно расположенными къ туземному населенію поляками, загубили прежнюю торговлю и промыслы здѣшняго края; что евреи и поляки дѣйствительно привели здѣшнихъ коренныхъ жителей русскихъ и литвиновъ къ то плачевное состояніе, въ которомъ они теперь находятся, подтверждается, по увѣренію автора, несомнѣнными свидѣтельствами историческихъ и оффиціальныхъ памятниковъ, изъ которыхъ мы видимъ, что здѣшніе коренные жители вели упорную и продолжительную борьбу съ евреями за свою торговлю и промыслы и евреи вышли изъ этой борьбы побѣдителями и эксплуатировали трудъ туземцевъ не своими промышленными талантами, а по-

мощію польскаго покровительства. Здѣшній еврей тогда только и можетъ хорошо торговать, когда онъ имѣетъ монополію, онъ только монополіи и добивается, такъ ужъ его пріучила исторія; а лишь является конкуренція, мало-мальски сильная, торговые таланты здѣшняго еврея—пасъ; это мы хорошо знаемъ по торговымъ сдѣлкамъ здѣшнихъ евреевъ съ московскими купцами, а вѣдь они родные братья загнанныхъ здѣшнихъ бѣлорусскихъ крестьянъ. Освободите только здѣшняго крестьянина, продолжаетъ авторъ, отъ еврейской монополіи, и онъ займется торговлею и другими промыслами не хуже москвичей и владимірцевъ; въ ихъ деревняхъ появятся и ткацкіе станки, и кузницы, и швальни, и другіе заводы и разовьется мелкая промышленность, только не еврейская контрабандная, а русская, прямая и открытая, какъ въ Ивановѣ, Павловѣ, Кимерѣ и другихъ великорусскихъ промышленныхъ селеніяхъ; Нѣманъ и Двина покроются водоходными судами съ русскимъ а не еврейскимъ грузомъ, тогда лишь освободится здѣшній край отъ еврейской эксплуатаціи и монополіи. Пусть и евреи, говоритъ авторъ, въ сѣверо-западномъ краѣ, пользуются всѣми правами русскихъ подданныхъ безъ ограниченія; но съ однимъ условіемъ, чтобы они отказались отъ эксплуатаціи здѣшняго края и отъ монополіи въ промыслахъ, чтобы не считали себя чѣмъ то высшимъ, какою то шляхтою предъ коренными жителями». Довольно съ насъ и этого; хотя и вся статья г. Смоляка вполнѣ заслуживаетъ быть прочитанною, въ видахъ пользы ближняго, въ уши православныхъ христіанъ и въ особенности израильтянамъ. Быть можетъ, кто нибудь изъ нихъ взялъ бы что нибудь изъ этого въ назиданіе себѣ но мы ограничимся вышесказаннымъ и повторимъ только послѣдніе слова автора, т. е. чтобы

евреи не считали себя чѣмъ то высшимъ; да! и мы этого отъ души желаемъ, желаемъ, чтобы евреи перестали мечтать о томъ, что они сѣмя Авраама, что поэтому они должны презирать, проклинать и ненавидѣть всѣхъ, какъ это мы уже видѣли; да однѣ ли такія хулы исходятъ изъ устъ израиля на все сотворшее—право языкъ не можетъ высказать всего этого. Да мы и не желаемъ болѣе раздражать симъ ни христіанъ, ни іудеевъ, которые и за все сказанное не возблагодарятъ насъ.

Евреи, какъ намъ не безъизвѣстно, уже и безъ того ненавидятъ тѣхъ изъ своихъ собратовъ, которые оставили іудейство *), и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые не хорошо относятся о нихъ и пишутъ про нихъ, они стараются опровергать все, что передается не въ пользу іудейства. Поэтому мы предупреждаемъ читателя, что все то, что мы говорили о нихъ, есть сущая правда, и Богъ видитъ, что мы говорили сіе не съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы возстановить христіанъ противъ іудеевъ, нѣтъ, это мы говорили для того, чтобы симъ послужить самому израилю; по нашему мнѣнію, мы сдѣлали для своихъ единоплеменниковъ едва ли не болѣе, чѣмъ тѣ, которые говорятъ и пишутъ о нихъ съ похвалою,—якобы современные евреи удивительно стали сближаться съ русскимъ народомъ, всѣ говорящіе такъ обманываютъ и себя и другихъ и этимъ они въ сущности ничего добраго не дѣлаютъ для израиля. Намъ кажется гораздо лучше истребить кроющееся зло въ людяхъ къ людямъ, чѣмъ утаивать о немъ или прикрывать оное лѣстію, поэтому мы за

*) Они крещеныхъ евреевъ называютъ мешуметъ, или иначе апикорисъ, что значитъ, измѣнникъ вѣры и истребитель іудейскихъ истинъ

нужное сочли разоблачить тѣ ненавистные взгляды, которы скрываются въ сердцахъ іудеевъ къ людямъ, среди которыхъ они живутъ. Теперь, когда евреямъ придется жить посреди русскихъ и стать лицемъ къ лицу и выслушать подъ часъ отъ инаго, нѣчто изъ своихъ выходокъ,—они постыдятся и навѣрно смягчатъ свои взгляды, свои отношенія къ христіанамъ, которые, какъ мы знаемъ, не вспомнятъ зла и не изліютъ гнѣвъ свой на невинно клянущихъ ихъ, а безъ сомнѣнія поруководствуются въ этомъ отношеніи заповѣдію Христовою, научающею христіанина молиться и за враговъ а въ особенности за тѣхъ, которые истинно невѣдаютъ, что творятъ.

II.

АВТОБІОГРАФІЯ ХРИСТІАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ.

Благосклонный читатель!

Ознакомивъ васъ съ общественною жизнію евреевъ, не лишнимъ считаю познакомить и съ моею жизнію, такъ какъ я принадлежалъ къ строгой іудейской сектѣ Хасидимовъ, слѣдовательно, разсказъ о моей жизни можетъ вполнѣ подтвердить все то, что говорено выше объ общественной жизни евреевъ. Кромѣ того, прилагаемая автобіографія можетъ быть не безъинтересна для читателей, въ особенности для лицъ духовныхъ, въ томъ отношеніи, какъ я, будучи строгій іудей, рѣшился принять св. крещеніе; какими назидательными наставленіями пользовался я въ этомъ случаѣ отъ православныхъ пастырей, и какъ наконецъ я самъ, еще съ помощію Божіею, привелъ многихъ изъ собратовъ моихъ ко Іисусу Христу. Все это, по моему мнѣнію, можетъ служить и нѣкоторымъ пособіемъ въ св. дѣлѣ обращенія евреевъ ко Христу Спасителю.

—

АВТОБІОГРАФІЯ
ХРИСТІАНИНА ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ.

Дважды уже я имѣлъ счастіе заявить передъ свѣтомъ свое имя и свои скудные труды во Христѣ Іисусѣ, и оба раза удостоился обратить на себя благосклонное вниманіе читающей публики, такъ что многіе пожелали подробнѣе узнать: кто я таковъ и откуда родомъ. Долго я не рѣшался писать свою автобіографію, понимая ничтожность моего происхожденія и званія. Люди какъ то болѣе интересуются автобіографіями лицъ знаменитыхъ, или по своему происхожденію, или по своей жизни и подвигамъ: а я.... я же что такое? Не больше, какъ новокрещенный іудей, человѣкъ страдающій многіе годы параличемъ и провождающій дни жизни своей въ самомъ жалкомъ положеніи. Могъ ли я послѣ этого даже думать о томъ, чтобъ представиться публикѣ съ своимъ именемъ? Если бы не настоятельныя требованія нѣкоторыхъ уважаемыхъ мною лицъ, я и теперь не рѣшился бы: но они хотятъ, и я исполняю ихъ волю.

Родился я въ 1820 году отъ бѣдныхъ родителей, въ маленькомъ мѣстечкѣ Незаринецъ Подольской губерніи. Мѣстечко это, хотя есть наименьшее селеніе въ общинахъ еврейскихъ, но отличается и славится между іудеями тѣмъ, что въ немъ обитаетъ множество ученыхъ фарисеевъ. Вотъ изъ это-

го то фарисейскаго гнѣзда, изъ дому ревностнаго фарисея Юдки Шахнаса произошелъ и я—Вульфъ Нахласъ, названный, во святомъ крещеніи, Александромъ. Самое рожденіе мое, какъ передалъ мнѣ отецъ, осталось памятнымъ для него на всю жизнь. Мать моя сильно мучилась родами и едва не поплатилась жизнію. Въ мѣстечкѣ нашемъ не вдругъ можно было найти ученую повивальную бабку; почему отецъ вынужденъ былъ обратиться къ цирульнику, славившемуся своимъ искуствомъ въ акушерскомъ дѣлѣ,—и просить его принять на себя должность бабки. Цирульникъ не вдругъ согласился, ссылаясь на нездоровье и дурную погоду.—Воля ваша, отвѣчалъ онъ отцу, а я пѣшкомъ не пойду.—Бѣдный родитель изъявилъ согласіе нести его на своихъ плечахъ и несъ до толѣ, пока не выбился совершенно изъ силъ и не упалъ съ ношею своею среди грязи, которой въ мѣстечкѣ Незаринецъ таки довольно. Выпачканные оба грязью, явились они къ родильницѣ, но мать моя, послѣ долгихъ мученій, еще до прихода ихъ, разрѣшилась отъ бремени. Отецъ, забывъ свое горе, торжественно поздравилъ мать съ новорожденнымъ и сказалъ ей при этомъ: «ты, вѣдь, дорогая моя, носишь имя праматери нашей Ревекки и, подобно ей, также страдала въ беременности; поэтому вѣрь, что и ты возрадуешься о плодѣ своемъ; тебя за долгое терпѣніе наградилъ Богъ сыномъ, который, быть можетъ, будетъ подобенъ праотцу нашему Исааку.» Этимъ именемъ и хотѣлъ отецъ назвать меня; но мать упросила дать мнѣ имя родственника ея—Вульфа, что значитъ, по еврейскому, библейскому переводу: Зевъ, то есть, память праведныхъ во благихъ. Въ осьмой день совершили надо мною обрядъ обрѣзанія.—Но не буду слишкомъ распространяться о томъ, что передано мнѣ родителемъ мо-

имъ словесно; скажу лучше, что я самъ припоминаю.

Когда я достигъ шестилѣтняго возраста, родитель сдѣлалъ мнѣ вопросъ, который я и теперь отчетливо помню: любишь ли ты меня, сынъ мой?

— Ты самъ знаешь, батюшка, что я люблю тебя, отвѣчалъ я.

— А чѣмъ же ты это докажешь?

— А вотъ чѣмъ,—я обнялъ отца и крѣпко поцаловалъ его.

— Теперь вѣрю, что ты любишь. Но ты еще болѣе убѣдишь меня въ любви своей, когда начнешь читать книжечку.

— Какую книжечку? спросилъ я.

— А вотъ я пойду утромъ въ школу молиться Богу и выпрошу тебѣ у Бога красную книжечку.

— Пожалуста, пожалуста, тата, принеси мнѣ книжечку; я буду стараться читать такъ, какъ ты читаешь.

Отецъ съ утра отправился въ синагогу, и чрезъ нѣсколько времени явился съ книгою.

— Вотъ тебѣ, мой дорогой сынокъ, новенькая книжка; ее тебѣ Богъ даритъ.

Я взялъ ее и началъ съ нетерпѣніемъ перелистывать, не спуская съ нее глазъ; а отецъ посадилъ меня на скамейку близь себя и сталъ показывать мнѣ буквы, которыя я тотчасъ же и затверживалъ. Между тѣмъ отецъ незамѣтнымъ обрязомъ сбросилъ съ полки грошъ. Меня это крайне удивило Отецъ, замѣтивъ это, сказалъ: «Это тебѣ ангелъ Божій сбросилъ съ неба, чтобы ты охотно училъ азбуку». Слова эти такъ привязали меня къ книжечкѣ, что нельзя было оторвать меня отъ нея; я кричалъ изо всей силы: алевъ, алевъ, то есть, а, а, и все поглядывалъ на полочку, не сброситъ ли мнѣ

Богъ еще грошика. Отецъ, замѣтивъ это, сказалъ: «когда выучишь всю азбуку, тогда Богъ сброситъ тебѣ еще грошикъ». Послѣ этого, я еще усерднее принялся за свою азбуку; въ короткое время совершенно ознакомился съ нею, и могъ порядочно читать. Тогда отецъ спросилъ меня, не желаю ли я ходить въ школу?—увѣряя при этомъ, что тамъ ждутъ меня еще бо́льшіе подарки отъ учителя. Я охотно согласился на желаніе отца, и былъ отданъ подъ руководство ревностнаго учителя, раввина Гамаліила. Не хвастовски скажу, что я учился примѣрно, и въ короткое время пріобрѣлъ любовь не только отъ учениковъ-товарищей, но и отъ самаго учителя; я всегда старался помогать и тѣмъ ученикамъ, которые тупо понимали грамоту, за что сынки богатыхъ отцевъ дѣлили со мною лакомый кусокъ, котораго я, какъ сынъ бѣднаго отца, не имѣлъ.

Скажу кстати, отчего родитель мой былъ бѣденъ. Онъ вовсе не родился въ бѣдности. Отецъ его, почетный раввинъ города Ямполя, былъ человѣкъ умный и богатый, и оставилъ много добра моему родителю; но, по милости нечестныхъ людей, отецъ мой всего этого лишился. Зло гдѣ не живетъ! Нѣкто изъ торговцевъ нашего мѣстечка, провѣдавъ, что у отца моего имѣется капиталъ, посовѣтовалъ ему завести торговлю: «чѣмъ де лежать у васъ деньгамъ, такъ лучше пустите ихъ въ оборотъ. Вы себѣ, по обычаю своему, засѣдайте за книгами Св. Писанія, а я закуплю сало и повезу въ Броды. Оборотъ можно сдѣлать хорошій; торговля саломъ— вещь важная». Родитель мой, нисколько не знакомый съ торговлею и не испытавъ совѣсти совѣтчика, совершенно ввѣрился ему и отдалъ всѣ деньги. Торговецъ пустилъ ихъ въ оборотъ, и дѣйствительно, хорошо заторговалъ, но не

въ отцовскую пользу, а въ свою собственную. Онъ постоянно показывалъ убытки, по разнымъ причинамъ, и въ короткое время оставилъ отца моего не при чемъ. Отецъ не много тужилъ о томъ; онъ отложилъ все земное попеченіе и еще прилежнѣе засѣлъ въ синагогѣ за талмудъ. Всѣ хозяйственныя заботы онъ возложилъ на жену сказавъ ей: «ты заботься о земномъ, а я попекусь о небесномъ; потружусь для общаго спасенія». Мать охотно приняла на себя всѣ хозяйственныя обязанности. Она купила нѣсколько ведеръ вина, стала его продавать малороссамъ, и этимъ кормила все семейство. Родитель мой, свободный отъ хлопотъ по хозяйству, еще ревностнѣе сталъ заботиться о моемъ воспитаніи. Въ зимніе вечера и предъ разсвѣтомъ онъ, обыкновенно, отправлялъ меня въ школу учиться. Это признаться, не всегда мнѣ нравилось. Кому то пріятно вставать и идти на холодъ! А главное, я сильно боялся проходить мимо синагоги, стоявшей на пути въ школу. Причина такой боязни заключается въ слѣдующемъ: у евреевъ есть повѣрье, будто бы ночью мертвые собираются на молитву въ синагогу,—молятся тамъ и кричатъ. Боясь, чтобы какой нибудь мертвецъ не ухватилъ меня, я всегда шибко бѣжалъ мимо синагоги, и радехонекъ былъ, когда благополучно добѣгалъ до училища; очень часто я пугалъ и самаго учителя моего стукомъ въ дверь. Онъ впрочемъ не сердился на меня. Со мною онъ всегда какъ то охотнѣе занимался, чѣмъ съ другими учениками; потому ли, что я прилежно слушалъ его наставленія, или потому, что отецъ высоко цѣнилъ его труды, отдавая ему, кромѣ условленнаго жалованья, иногда послѣднюю свою копѣйку. Мать моя, нерѣдко въ слезахъ, выговаривала отцу, что онъ отнимаетъ у ней послѣдній грошъ для

учителя, и чрезъ то лишаетъ другихъ своихъ дѣтей куска хлѣба.—«Нѣтъ, говаривалъ отецъ, я-то и предоставляю сыну хлѣбъ; жертвую послѣднюю копѣйку учителю собственно для того, чтобы онъ охотнѣе питалъ его хлѣбомъ небеснымъ, то есть, божественнымъ ученіемъ. Я не хочу, чтобы дѣти наши были неучами—Исавами *). Я буду неусыпно стараться сдѣлать ихъ учеными людьми». И, надобно сказать правду, отецъ мой умѣлъ возбудить въ каждомъ изъ насъ любовь къ наукѣ. Частыя бесѣды съ нами о Богѣ и о св. писаніи невольно заставляли каждаго изъ насъ поучаться постоянно въ законѣ Божіемъ и благоговѣть ко всему священному; даже во время стола онъ дѣлалъ намъ всегда назиданія. Садясь за столъ, онъ обыкновенно говаривалъ: «дѣти, не забывайте слова мудраго нашего раввина, который учитъ всегда помнить Бога, даже во время ястія и питія, ибо безъ этого мы ѣдимъ все, какъ мертвичину». Ночью отецъ своимъ примѣромъ поучалъ насъ бдительности; лишь заснемъ бывало, вдругъ послышится трогательное пѣніе его, и имя Сіона, выходящее изъ его устъ, трогало до слезъ и его и насъ. Я никогда не могъ оставаться въ эти минуты покойнымъ, но, обыкновенно, подходилъ къ отцу; онъ ласкалъ меня и говорилъ: «добро творишь, сынъ мой, что подражаешь отцу, бодрствуй всегда! Да не отяготитъ сонъ очесъ твоихъ, помышляй о Сіонѣ....» Кромѣ всего этого, отецъ способенъ былъ привязывать насъ и другими способами къ религіи. Въ прекрасные лѣтніе вечера, выводилъ онъ насъ на улицу, и, любуясь на красоту природы, имѣлъ обыкновеніе приговаривать: «дѣти, видите это голубое небо, усѣянное множествомъ

*) Именемъ Исава евреи гнушаются, почему, упоминая о неученыхъ, уподобляютъ ихъ Исаву.

звѣздъ, видите, какъ все это хорошо!... Кто же все это создалъ?—Богъ израилевъ; Его дивная рука сотворила сіе намъ въ освѣщеніе!... Это небо есть престолъ Божій и наше будущее жилище, если будемъ ходить по заповѣдямъ Божіимъ. Помните слова отца вашего,—не уклоняйтесь отъ вѣры отцевъ, тогда встрѣтятъ васъ благая въ здѣшнемъ и въ будущемъ мірѣ».

Упоминая объ этомъ, я долженъ однакожъ сказать, что при подобныхъ наставленіяхъ, отецъ часто давалъ широкій разгулъ раввинскому толкованію. Указывая, напримѣръ, на луну, онъ говаривалъ: «а знаете ли, дѣти, почему она свѣтитъ менѣе солнца? Ей бы, по увѣренію нашихъ раввиновъ, должно было свѣтить одинаково съ солнцемъ, ибо сказано: *сотвори Богъ два свѣтила*,—но на дѣлѣ мы видимъ разницу. Причина тому слѣдующая: луна возгордилась и сказала Богу: Господи! не подобаетъ двумъ царямъ носить одну корону, то есть, мы не должны съ солнцемъ имѣть одинаковый свѣтъ.—Богъ уразумѣлъ, чего хочетъ луна, и за гордость уменьшилъ свѣтъ ея. Но поелику луна раскаялась, то Богъ сжалился надъ нею и наградилъ ее звѣздами.—Нелѣпость этого толкованія теперь ясна мнѣ; но винить отца моего въ этомъ, конечно, не слѣдуетъ. Онъ вѣрилъ тому, что ему натолковали, и передавалъ намъ съ цѣлію заставить и насъ благоговѣть предъ величіемъ Божіимъ и чуждаться гордости. Часто онъ оканчивалъ рѣчь свою слезами. По истинѣ скажу,—примѣрный еврей былъ отецъ мой по своей религіи! Но чтобы вы, читатели, не подумали, что это одна похвала сына, то въ оправданіе я скажу еще слова два объ отцѣ,—тогда вы сами поймете, какъ онъ ревновалъ по законѣ своемъ. Извѣстно, что евреи, по древнему закону, обязаны хра-

нить день субботный. Случилось въ этотъ день взойти въ нашъ домъ богатому малоросіянину, Тиловею, человѣку, почти всѣми евреями уважаемому, только не за умъ, а за щедрость. Куда бы ни взошелъ Тиловей выпить винца, то ужъ оставитъ рубликъ,—вотъ почему къ нему и бросилась мать моя, какъ говорится, со всѣхъ ногъ, чтобы угостить винцомъ и получить рубликъ. Отецъ, какъ истинный хранитель субботы, воспрепятствовалъ ей въ томъ, и учтиво просилъ гостя пожаловать въ другое время, извиняясь тѣмъ, что евреямъ не должно торговать въ субботу. Полупьяный гость заоралъ: «карбованецъ дамъ (рубль серебромъ), мало,—такъ два, только водки на столъ!»— Не нужно и трехъ, отвѣчалъ отецъ мой. Я ни за что не соглашусь нарушить за деньги законъ свой. Завтра милости просимъ!—Съ досады Тиловей хлопнулъ дверью, и былъ таковъ. Мать съ ропотомъ обратилась къ отцу. «Ты съ набожностію своею, говорила она, лишаешь меня богатыхъ покупателей; между тѣмъ самъ знаешь, какъ я въ настоящее время бѣдствую.

— «Не тужи, возлюбленная моя, сказалъ отецъ, уповай на Господа и вѣрь, что Онъ тебѣ завтра пошлетъ такого же Тиловея, который наградитъ тебя больше, чѣмъ рублемъ; можетъ быть, Богъ испытываетъ нашу вѣрность къ Нему.»— И что же? Тиловей на другой день явился къ намъ на исходъ шабаша и потребовалъ водки, говоря: «ну, что? теперь можно торговать?»—Отецъ поклонился ему въ знакъ согласія и принялъ его радушно. Гость принялся за графинъ водки, а отецъ подалъ ему и другой съ вишневкою. Тиловей то и дѣло наливалъ рюмочки, да похваливалъ отца: «ай да Юдка Шахновичъ, дорогой ты еврей, все у тебя есть, и простое винцо, и вишневка, вотъ тебѣ за хорошее угощеніе

два рублика, и прощай!»— «Что, жена моя, сказалъ отецъ, не говорилъ ли я тебѣ, что силенъ Богъ наградить насъ и послѣ шабаша? Великъ Богъ израилевъ! блаженны уповающіе на Него! Не напрасно сказалъ царь Давидъ: *юнѣйшій быхъ, и состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставленна, ниже сѣмене его просяща хлѣбы*».

Въ другой разъ отецъ мой еще болѣе показалъ себя твердымъ чтителемъ субботы. Богу угодно было лишить его жены въ день субботній; все наше семейство и знакомыя оплакивали ее. Отецъ же мужался и просилъ всѣхъ не плакать и не унывать въ день радости, то есть, въ субботу. Онъ провелъ и эту субботу, какъ и другія, въ духовныхъ пѣснопѣніяхъ, невзирая на то, что видѣлъ предъ собою покойницу—любимую жену свою. За то, послѣ субботы, плакалъ о ней столько, сколько могъ плакать нѣжный мужъ о доброй женѣ своей.

Все это говорилъ я для того, читатель, чтобы ознакомить васъ съ отцемъ моимъ. Судя по немъ, вы можете легко понять, чего можно было ожидать и отъ меня.

Постоянно руководимый ученымъ и набожнымъ отцемъ, который того только и желалъ, чтобы сдѣлать меня книжникомъ, я дѣйствительно и сдѣлался таковымъ. Въ это время Господь сподобилъ меня познать, хотя нѣсколько, и Евангельское ученіе. Вотъ какъ это случилось: въ 1828 г. въ нашемъ мѣстечкѣ появились какіе-то набожные поляки съ огромною фурою еврейскихъ книгъ. Я почти первый встрѣтилъ ихъ, и, увидѣвъ, что у нихъ книги, съ жадностію разсматривалъ ихъ товаръ, почитая заѣзжихъ гостей купцами. Оказалось, что это вовсе не купцы, а миссіонеры, которые снабжали евреевъ св. книгами даромъ, лишь бы ознакомить ихъ

съ евангельскимъ ученіемъ. Одинъ изъ нихъ, всматриваясь въ меня, и, какбы предугадывая мое искреннее усердіе къ Божественному писанію, спросилъ: что,—тебѣ нравятся эти книги?

— Да! я люблю книги.

— Хорошее дѣло, сказалъ онъ; а читать умѣешь?

— Какъ же, отвѣчалъ я. Читать умѣю я хорошо.

Онъ подалъ мнѣ Новый Завѣтъ, на еврейскомъ языкѣ, и сказалъ: вотъ драгоцѣнная книга; почитайка ее.

— Да, я самъ вижу, что она красивая книга.

Этого мало, что красивая;—она важна еще тѣмъ, что въ ней говорится о вашемъ Мушіахъ, то есть, о Спасителѣ израиля и всего рода человѣческаго... Есть ли у отца твоего такая книга?

Нѣтъ, не видалъ.

— Если она тебѣ нравится, такъ можешь взять ее.

— Радъ бы взять, да денегъ нѣтъ.

— Мы денегъ не требуемъ; возьми ее себѣ такъ. Дай Богъ, чтобы она тебѣ послужила во спасеніе!..

— Аминь, сказалъ я, и пустился бѣжать къ отцу, чтобы порадовать его своимъ подаркомъ.—Посмотри-ка, батюшка, —какую хорошую книгу подарили мнѣ добрые люди.

Нѣтъ, сыночекъ, сказалъ отецъ, эта книга намъ не годится.

— Почему же такъ?

— Потому, что она проповѣдуетъ Христа, котораго предки наши распяли; а кого отцы наши не любили, того и мы любить не должны!..

— Я этого не понимаю. А книга всетаки мнѣ нравится.

— Да, ты не понимаэшь, потому что ты глупое дитя.

— Да чѣмъ же я глупъ? что хвалю эту св. книгу? А не ты ли самъ внушилъ мнѣ охоту къ книгамъ? Отчего же эту книгу не велишь любить?

— Ну, Богъ съ тобою! ты еще молодъ; пожалуй, играй себѣ ею, когда она тебѣ нравится.

Но я не игралъ, а всегда охотно прочитывалъ ее и не знаю самъ почему, высоко цѣнилъ ее и хранилъ, какъ неоцѣненное сокровище. Отцу, какъ я замѣтилъ, это не совсѣмъ нравилось. Чтобъ не раздражать его, я тайкомъ читалъ Новый Завѣтъ, и такимъ образомъ заранѣе сподобился узнать нѣчто объ Іисусѣ Христѣ, въ Котораго впослѣдствіи увѣровалъ.

На третій день христіанской пасхи, я, влекомый какимъ то сочувствіемъ къ ликованію народа, собравшагося, по обыкновенію, въ находящуюся въ нашемъ мѣстечкѣ церковь, выпросился у отца посмотрѣть на торжествующихъ, и, получивъ на то позволеніе, отправился къ церкви. На пути я встрѣчалъ множество христіанъ, привѣтствующихъ другъ друга цѣлованіемъ и непонятными для меня словами. Любопытство заставило меня спросить одного изъ проходящихъ: за чѣмъ вы нынѣ всѣ цалуетесь?

— Затѣмъ, отвѣтилъ проходящій, что Христосъ воскресъ!

— Христосъ воскресъ! повторялъ я про себя... Какъ же это Онъ изъ мертвыхъ воскресъ?— Съ этой думой я сталъ подходить ближе къ церкви,—и вдругъ увидѣлъ предъ собою мѣдный складной образокъ, съ изображеніемъ воскресшаго Іисуса,—того Самаго Божественнаго Лица, о которомъ несколько минутъ слышалъ я отъ проходящаго христ...

Радостно поднялъ я свою святую находку, и... гулянье, пустился бѣжать домой; войдя в...

сказалъ отцу: «погляди-ка, батюшка, какую золотую штуку я нашелъ! Какой красивый мальчикъ на немъ изображенъ!»— Отецъ, посмотрѣвъ на образокъ, крикнулъ на меня: «брось! Это не золотая штука, а мѣдное изображеніе рускаго Бога. Смотри, не соблазнись о Немъ. Боюсь за тебя, сынъ мой,— ты уже второй разъ удивляешь меня, то подарками, то находками. Это чуть ли не значитъ, что ты вмѣсто истиннаго израильтянина сдѣлаешься когда нибудь послѣдователемъ Христовымъ». При этихъ словахъ, онъ глубоко вздохнулъ, и еще разъ запретилъ держать при себѣ чтимую мною находку. А такъ какъ мнѣ было грустно отрѣчься отъ найденнаго образа, въ чемъ я и сознался отцу, то онъ посовѣтовалъ мнѣ подарить его знакомому христіанину.—Хорошо, отвѣчалъ я, а между тѣмъ подумалъ, за что же и для чего я отдамъ такую драгоцѣнную находку? Нѣтъ! ни за что не разстанусь съ образочкомъ моимъ!»—Я рѣшился спрятать его въ знакомомъ мѣстѣ, для того, чтобы чаще смотрѣть на него: вырылъ на дворѣ ямку, омылъ, обвилъ холстомъ образокъ свой и положилъ его туда. Отецъ думалъ, что я его отдалъ, или позабылъ о немъ, а я хранилъ его какъ зѣницу ока: часто вынималъ его изъ ямки и любовался имъ, потомъ опять зарывалъ. Короче сказать: обѣ находки, то есть, св. Евангеліе и образъ Спасителя составляли самые пріятные для меня предметы. Но оставляю покуда рѣчь о томъ, какъ я постоянно и умомъ и сердцемъ обращался ко Христу, а продолжаю исторію моего воспитанія. Вмѣстѣ съ возрастомъ моимъ, возрастали во мнѣ и познанія, такъ, что на тринадцатомъ году я уже кончилъ курсъ средняго училища, гдѣ проходилъ свящ. исторію, библію по толкованію раввиновъ, Раша и Таргумъ, изучалъ Талмудъ, Мишне, Гемара, Медрашъ и проч.

Вскорѣ, по окончаніи курса ученія, я переведенъ былъ или, лучше сказать, навсегда посвященъ былъ отцемъ въ Синагогу,—или, такъ называемое, «Ешиво», съ важнымъ титломъ «Ешиво Бохаръ» («Ешиво», какъ уже извѣстно читателю, есть высшее училище для бѣднаго еврейскаго юношества), гдѣ и засѣдалъ я уже не съ учениками, а съ людьми взрослыми и даже со старцами. Конечно, въ началѣ поступилъ я въ это общество въ званіи келейника и долженъ былъ нести всякое послушаніе для старцевъ. Но эту должность я недолго занималъ. Главный раввинъ подъ вліяніемъ котораго живетъ фарисейская ученость, усмотрѣвъ во мнѣ прилежаніе и быстрые успѣхи въ изученіи талмуда, изъявилъ желаніе заниматься со мною. Тутъ-то я обратилъ на себя вниманіе многихъ фарисеевъ. Раввинъ сколько можно набивалъ меня мудростію талмудическою, да и я, съ своей стороны, съ жаждою ловилъ всякое его поучительное слово. Познанія мои въ талмудѣ съ каждымъ днемъ увеличивались, такъ, что я иногда публично подавалъ голосъ въ преніяхъ ученымъ фарисеямъ и несмотря на гордыя ихъ замѣчанія, «ты, де-скать, еще молодъ вступаться въ наши важные споры», убѣждалъ кроткими словами соглашаться съ моимъ рѣшеніемъ,—и мнящіе быть мудрецами, очень часто преклоняли главу предъ тѣмъ, кого они прежде считали за ничто; жаркіе талмудисты привѣтствовали меня крикомъ и рукоплесканіями (обычною фарисейскою похвалою) «шейнеръ бохоръ»—говорили они, то есть прекрасный юноша.

Въ скоромъ времени заслужилъ я вниманіе не однихъ фарисеевъ, но и другихъ жителей нашего города (разумѣется, евреевъ), изъявившихъ желаніе послушать меня. Въ одинъ субботній день собрались любители слова Божія въ домъ

моего отца, который, по обыкновенію, всегда самъ читалъ передъ публикою, а теперь обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующею рѣчью: «мужи израильскіе, любители слова Божія! доселѣ вы каждую субботу слушали охотно мои поученія,—теперь изъ устъ моего сына Вульфа Нахласа услышите много хорошаго». Произнеся сіи слова, онъ, какъ теперь помню, махнулъ рукою, чтобы я подошелъ къ нему, и подалъ мнѣ книгу—Медрашъ. Я всталъ съ своего мѣста и сталъ читать талмудъ; вниманіе слушателей въ особенности усилилось въ то время, когда я дошелъ до повѣствованія талмуда Медрашъ о смерти великаго пророка Моисея, о разговорѣ его души съ Богомъ; о томъ, какъ она отговаривалась умирать, умоляя многократно Создателя своего оставить ее въ непорочномъ тѣлѣ пророка Божія; о томъ, какъ Моисей сходилъ въ оврагъ молиться Богу, какъ молитва его потрясла врата небесныя, заключенныя Самимъ Богомъ; наконецъ о томъ, какъ Господь поцаловался съ душею Моисеевою въ минуту разставанія съ тѣломъ, какъ онъ возвалъ ее къ Себѣ: выйди, дочь Моя, выйди изъ тѣла Моисея! Я посажу тебя рядомъ съ Собою и проч. ипроч.» Я такъ удивилъ слушателей своимъ талмудическимъ повѣствованіемъ, что они разцаловали меня; а отецъ погладилъ по головкѣ и радостно сказалъ: «утѣшилъ ты меня, сынокъ, вотъ тебѣ за то шабашковый гостинецъ!» и подалъ мнѣ яблоко, орѣхи и горохъ *).

— Представьте себѣ, израильтяне, продолжалъ отецъ, этотъ любезный сынокъ всегда утѣшалъ меня; только раза

*) Горохъ отварной тоже входитъ въ шабашковый десертъ, въ особенности у бѣдняковъ.

два, или три сильно огорчилъ. Разъ какъ то онъ, по глупости, принесъ въ домъ мой христіанскій образокъ и цаловалъ его. Съ большимъ трудомъ я могъ убѣдить его бросить этотъ образокъ.

— Да, подумалъ я, какъ бы тебѣ не бросилъ; я и теперь храню его, какъ зѣницу ока

— А въ другой разъ, продолжалъ отецъ, этотъ молодецъ еще сдѣлалъ глупость,—оскорбилъ мачиху; но теперь не для чего конфузить его. Онъ, видите, какъ отличился чтеніемъ Медраша.

Кстати, читатели, не желая ничего скрывать, я самъ разскажу вамъ, чѣмъ именно прогнѣвалъ я свою мачиху. Отецъ мой, послѣ кончины своей первой жены, отправился въ другой городъ жениться, и, женившись, пріѣхалъ ночью домой съ молодою женою. Я счелъ не лишнимъ привѣтствовать ее добрымъ словомъ. Долго думалъ я, какъ бы сдѣлать это лучше и выдумалъ вотъ что: подошедши, я сказалъ ей въ полголоса: «да благословитъ Богъ израилевъ вашъ бракъ долгоденствіемъ и миромъ, какъ благословлялъ праматерей нашихъ Сару, Ревеку и Рахиль; но благословеніе это да будетъ на васъ тогда, когда вы будете беречь насъ сиротъ такъ, какъ берегла насъ мать родная. Въ противномъ же случаѣ, да сократитъ Іегова-Господь дни вашей жизни, и избавитъ насъ, сиротъ, отъ мученій, кои, быть можетъ, ждутъ насъ отъ вашей милости». Мачихѣ не понравилось это привѣтствіе, и она заплакала. Отецъ, за хлопотами, не слышалъ словъ моихъ, а увидавъ мачиху въ слезахъ, спросилъ о причинѣ ихъ. Указывая на меня, она промолвила: «вотъ сынокъ твой заставилъ меня плакать; славно онъ привѣтствовалъ меня! ..

Не сознавая ничего дурнаго въ моемъ привѣтствіи, я повторилъ его по приказанію отца. Отецъ, покачавъ головой, порядкомъ пожурилъ меня и заставилъ извиниться передъ мачихою за такую выходку.

Упомяну уже и о послѣдней моей шалости или погрѣшности, которую также сдѣлалъ по дѣтской легкомысленности. Разъ отецъ мой, за усердіе къ наукѣ, обѣщалъ свезти меня къ дядѣ, но долго не находилъ случая выполнить свое обѣщаніе. Въ одинъ воскресный день представилась удобная къ тому оказія. Проѣзжій крестьянинъ вызвался быть моимъ попутчикомъ. Не спросясь отца, въ той надеждѣ, что ужъ давно имѣю отъ него на то обѣщаніе, я самовольно рѣшился отправиться и, быть можетъ, благополучно доѣхалъ бы, если бъ мнѣ не вздумалось изъ любопытства поглядѣть на домъ богатаго помѣщика Потоцкаго, о которомъ я много слышалъ. Поровнявшись съ дворцомъ, я просилъ подводчика остановиться, а самъ отправился къ дому Войдя въ дворъ, я, къ счастію или несчастію, увидѣлъ и самаго Потоцкаго, сидѣвшаго въ бесѣдкѣ за завтракомъ. Подошедши къ нему, я снялъ шапку и поклонился. Потоцкій важно спросилъ: «откуда ты, жидокъ, и зачѣмъ пожаловалъ сюда.

— Я, панъ, изъ мѣстечка Незарипецъ, сынъ ученаго и честнаго еврея Юдка Шахновича, а зашелъ сюда посмотрѣть только на вашъ богатый домъ, славящійся между евреями.

— Изволь любуйся на все. Не хочешь ли закусить?— Тутъ какъ разъ подали поросенка. Потоцкій вздумалъ меня имъ угостить; но я, какъ только увидѣлъ поросятину, закричалъ: «ай, хазэръ! (свинина) и плюнулъ. Помѣщикъ, желая постращать меня, крикнулъ: «дайте-ка мнѣ нагайку; я ему дамъ

плевать на мои кушанья».—Вотъ, подумалъ я, попалъ въ гости къ дядѣ, и весь затрясся, увидѣвъ нагайку.

— Что, – будешь ли ѣсть свиное мясо? Будешь, такъ прощу.

— Нѣтъ! что хотите, дѣлайте со мною, папе, а я свинаго мяса никогда не употреблялъ и употреблять не буду. Законъ Моисеевъ запрещаетъ намъ это.

— Молодецъ, что дорожишь своимъ закономъ! Чѣмъ же тебя угостить?

— Ни чѣмъ, ни чѣмъ! мнѣ пора домой ѣхать?

— Куда ѣхать.

— Къ дядѣ,—меня ждетъ попутчикъ мой.

Тутъ мнѣ дали знать, что онъ давно уже уѣхалъ; я призадумался, не зная что дѣлать. Потоцкій, замѣтивъ это сказалъ: «не печалься, я прикажу отвезти тебя, куда слѣдуетъ». И въ самомъ дѣлѣ, онъ велѣлъ тотчасъ же заложить лошадь и отвезти меня, но уже не къ дядѣ, а домой въ Незаринецъ. Крестьянинъ, доставившій меня, все разсказалъ отцу моему. Отецъ довольно пожурилъ меня, дивясь однакожъ моей смѣлой бесѣдѣ съ такимъ паномъ, какъ Потоцкій и моей твердости въ вѣрѣ.

Но извините, читатель, я уклонился отъ моего разсказа. Выше сказано о моемъ знаніи талмуда. Но это еще не казалось мнѣ достаточнымъ. Изучая талмудъ, я хотѣлъ идти по стопамъ талмудистовъ и соблюдать все, ими указанное. Фарисейская обрядность становилась для меня закономъ. Я постился дважды въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, ходилъ каждое утро предъ моленіемъ въ Микви, то есть, купальню, омывать все тѣло, даже въ зимнее время и не взирая ни на какія морозы. Потомъ отправлялся въ синагогу, гдѣ,

послѣ долговременной молитвы, проводилъ часы за книгами пророческими, или талмудомъ. Отецъ, заставая меня за св. книгами, радовался какъ нельзя болѣе. Благую часть, говорилъ онъ, избралъ ты, сынокъ, сидѣть въ домѣ Божіемъ за св. книгами; ничего выше этого быть не можетъ.

Наступилъ тринадцатый годъ,—годъ священный для моего юношества. Отецъ отправился со мною въ синагогу, и законнымъ іудейскимъ порядкомъ возложено было на меня «богомоліе»—(повязки) съ словами закона. Съ этого времени, я сдѣлался еще болѣе уважаемъ и замѣтенъ для многихъ. Меня избрали въ уставщики или, точнѣе сказать, въ запѣвалы, во время общественнаго богослуженія. Ужъ одно это званіе казалось для меня важнымъ: но Провидѣнію угодно было въ этомъ же году избрать меня въ другое служеніе, въ службу царскую. Не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ говорится. Давнымъ давно угрожала семейству нашему, состоящему изъ четырехъ душъ, солдатчина: но насъ, какъ ученое семейство, защищало общество и замѣняло всегда кѣмъ нибудь другимъ. У евреевъ былъ порядокъ такой, чтобы ученыхъ не отдавать въ службу, а замѣнять ихъ неучами или сиротами. Порядокъ этотъ однакожъ былъ противенъ видамъ правительства, и потому строго было приказано отдавать въ службу очередныхъ. Повелѣніе это коснулось почти насъ первыхъ. Отецъ, узнавъ объ этомъ, не хотѣлъ укрывать меня, какъ это дѣлывали другіе евреи. Не знаю, какъ теперь; а бывало очередной еврей лишь услышитъ, что онъ состоитъ на очереди, спрячется такъ, что его и не отыщешь. За то ужъ какъ поймаютъ,—то, не погнѣвайся,—закуютъ въ желѣзы и потащутъ, какъ невольника, въ сборную. Въ городѣ всѣ переполошатся, всѣ кричатъ: гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ, то есть караулъ. Мучительное положеніе для рекрута!.. Вотъ

эта то участь и насъ ожидала. Вѣсть о солдатчинѣ, какъ громомъ, поразила отца и всѣхъ насъ, а болѣе меня. Старшій братъ былъ уже женатъ, а другіе братья очень молоды: слѣдовательно, мнѣ предстояла эта—тогда ужасная для меня доля. Желая избѣгнуть ее, я просилъ отца, пустить меня погостить въ деревню къ родственникамъ; угадалъ ли отецъ мою мысль или нѣтъ, не знаю, но онъ отпустилъ меня. По милости добраго крестьянина, я на другой день прибылъ къ дядѣ и объяснилъ ему причину моего пріѣзда. Дядя принялъ меня ласково: но не долго мнѣ удалось погостить у него. Отцу моему объявлено было кагаломъ, т. е. обществомъ, представить немедленно сына въ рекруты. Безъ всякаго уклоненія, онъ отправился за мною. Увидѣвши его въ слезахъ, я догадался, за чѣмъ онъ пріѣхалъ, и горько началъ плакать. Отецъ утѣшалъ меня сколько могъ. «Не сокрушайся, любезный сынъ мой! Вѣдай, что насъ берутъ въ службу по повелѣнію цареву; а сердцѣ царево въ руцѣ Божіей. Скажи, любезный сынъ мой, можемъ ли мы противиться волѣ Божіей?» Слова эти успокоили меня на нѣкоторое время. Отецъ посадилъ меня въ телѣгу и повезъ въ городъ. Тамъ представилась мнѣ грустная картина. Одни кричали—гвалтъ, другіе плакали, старухи стонали и приговаривали: «ай! вей, вей, лучше бы ты умеръ, чѣмъ идти въ службу». Но все это еще не такъ меня убивало, какъ насмѣшки одного крестьянина, бывшаго тутъ же: »что жидокъ, говорилъ онъ, и васъ теперь берутъ подъ красную шапку? Трахъ трарарахъ не запоете больше». О, какъ горько было мнѣ слышать слова эти! Читатель, вѣроятно, спроситъ, что такое значатъ слова «трахъ трарарахъ, подъ красную шапку». Это родъ насмѣшки, которую выдумали сами евреи. Извѣстно, что евреевъ прежде не брали въ военную службу. По-

этому они чрезъ чуръ гордились, и, бывало, лишь заспорятъ о чемъ нибудь съ малороссіяниномъ, сейчасъ скажутъ ему: «смотри, пріятель, подъ красную шапку живо попадешь; подъ барабаннымъ боемъ трахъ-трарарахъ погонятъ тебя молодца». Сносили крестьяне насмѣшки эти до поры до времени; за то ужъ, какъ евреевъ стали брать въ военную службу, то и крестьяне въ свою очередь стали подсмѣиваться надъ ними тѣми же словами «трахъ-трарарахъ, подъ красную шапку». Но все это еще были только цвѣтики, а ягодки оставались впереди. Меня привели въ сборную. Кагальники, долго ждавшіе меня, съ жадностію подхватили меня, какъ волки овцу, и, какъ преступника заковали въ желѣза. Зарыдалъ отецъ мой горько, и смѣшалъ слезы свои съ моими. Онъ просилъ начальника избавить меня отъ оковъ.—«Не могу; у насъ ужъ такой порядокъ, отвѣчалъ тотъ; вотъ только могу для вашей милости облегчить его». При этомъ онъ освободилъ правую мою ногу, а лѣвую приковалъ къ ногѣ другаго рекрута. Облегчилъ,—подумалъ я. Мнѣ пришлось быть скованнымъ съ такимъ рекрутомъ-шалуномъ, что я отъ него покоя не имѣлъ. Хочешь не хочешь, а долженъ былъ вездѣ таскаться съ нимъ. Всѣ рекруты ѣли, пили и веселились,—а я постоянно скорбѣлъ и плакалъ о предстоящей мнѣ участи.

Кагальники утѣшали меня, увѣряя, что я солдатомъ не буду.. «Мы-де похлопочемъ». И, дѣйствительно, похлопотали,—только въ свою же пользу. Они чрезъ день отправились, куда слѣдуетъ; уладили всѣ дѣла, и повезли насъ въ пріемъ. Поставили насъ тамъ поочередно. Вызвали перваго,—и скоро послышалось подирающее по кожѣ слово: «лобъ!»—ужасъ объялъ всѣхъ насъ; а бѣдный отецъ перваго рекрута до того былъ пораженъ что, началъ мычать какимъ то необыкновеннымъ голосомъ, и слетѣлъ бѣдняга съ лѣстницы

верхняго этажа присутственнаго мѣста, такъ что его замертво подняли. За тѣмъ кликнули другаго, третьяго и скоро меня.... Забилось мое сердце; лихорадочная дрожь пробѣжала по мнѣ. Пріемщикъ замѣтилъ это и спросилъ: «что съ тобою, мальчикъ?

Мнѣ что-то очень страшно, очень холодно.

— Не пугайся! мы тебя въ солдаты не отдадимъ, а домой пустимъ.

— Домой пустите?...

— Да!

Слова эти быстро согрѣли меня; слезы перестали литься изъ глазъ моихъ; я уже воображалъ себя дома...

Но, увы! то самое лицо, которое обольстило меня обѣщаніемъ пустить домой, провело рукой по своему лбу. Знакъ былъ поданъ,—цирульникъ живо обрилъ мнѣ лобъ и пейсики. Снова началъ я плакать и скорбѣть. Горе шло за горемъ; насъ бритолобыхъ, въ числѣ двадцати человѣкъ, отправили въ казармы или, такъ называемую крѣпость. Подойдя къ крѣпости, мы спустились внизъ по нѣсколькимъ ступенькамъ, словно какъ въ какую нибудь пропасть, мы увидѣли двери своего печальнаго жилища. Здѣсь мы встрѣчены были пятью-стами малолѣтнихъ еврейскихъ рекрутовъ, кои прокричали намъ, конечно, по глупости: «лобъ! лобъ!» Непонятно было для насъ это шумное привѣтствіе; мы стояли, какъ вкопаные. и не знали, что дѣлается съ нами. Суровый капралъ, встрѣтившій насъ, сталъ разгонять толпу рекрутовъ, вертѣвшихся вокругъ насъ; затѣмъ занялся распросами: «все ли сполна дали вамъ кагальники‘ какъ то: богомоліе съ цицалами, бѣлье и пр. пр.» Каждый изъ насъ кивалъ головою и шепталъ по своему «ія», то есть да. «Теперь садитесь», сказалъ капралъ (то есть, на чемъ стоите, потому что въ

казармахъ не было ни стульевъ, ни скамеекъ); а самъ ушелъ въ свою каморку. Наступилъ вечеръ; зажгли въ этой громадной казармѣ нѣсколько ночниковъ, и горластый солдатъ прокричалъ: «къ ужину; жиды!» Съ жадностію бросились голодные рекруты къ принесеннымъ ушатамъ; начали ловить, чѣмъ попало, бульбу, то есть картофель. Послѣ такого ужина, солдаты принесли немного соломы для подстилки; ее расхватали тѣ, кто былъ побойчее, а мы, бѣдняги, собрались всѣ 20 человѣкъ, и улеглись вмѣстѣ, безъ всякой постилки. Такъ печально провели мы эти сутки; такъ же точно и слѣдующіе дни... Мало по малу однакожъ свыклись мы съ своимъ горемъ; къ тому же и самая казарменная жизнь улучшилась. Гарнизонный командиръ сталъ почаще посѣщать наши казармы и, замѣтивъ однажды, что многіе рекруты не употребляютъ пищи, спросилъ капрала: отчего нѣкоторые не ѣдятъ кашицу?—Да говорятъ, ваше высокоблагородіе, что трефная, вишь, то есть, скверная отвѣчалъ капралъ.

Командиръ думалъ, что она скверная по вкусу, но она была скверная по закону еврейскому, потому что кашица сварена съ мясомъ, которое рѣзалъ не еврейскій мясникъ. Не понявъ такимъ образомъ капрала и попробовавши кашицу, онъ сказалъ: «а и въ самомъ дѣлѣ, скверная; нужно непременно въ кашицу прибавить свинаго сала,—лучше будетъ».

— Ваше высокоблагородіе, крикнули мы всѣ въ одинъ голосъ. Нейнъ! нейнъ! (нѣтъ, нѣтъ) ужъ пожалуста, не улучшайте свинымъ саломъ кашицу; намъ тогда ужъ вовсе нельзя будетъ ее въ ротъ брать. Командиръ понялъ тогда, въ чемъ дѣло, и приказалъ немедленно пріискать еврейскую харчевню или еврейскихъ женщинъ, которыя взялись бы насъ кормить.

Все это было исполнено. Жидовки кормили насъ хорошо,

давали борщъ съ говядиной и кашу съ юшкой *) а по субботамъ угощали цимисомъ и гуголемъ **) но не долго пользовались мы этими лакомыми кушаньями. Командиръ получилъ предписаніе отправить насъ по разнымъ баталіонамъ военныхъ кантонистовъ; живо скомплектоватъ онъ нѣсколько партій и отправилъ насъ куда слѣдовало.

Мнѣ пришлось идти въ Казань. И изъ числа 20 человѣкъ, отданныхъ со мною въ одинъ день, не болѣе пяти пошли со мною въ одной партіи. Предъ отправленіемъ нашимъ, собралось множество нашихъ гражданъ, и самъ раввинъ, который напутствовалъ насъ слѣдующимъ словомъ: «дѣти израильскіе! по волѣ небеснаго и земнаго царя, оставляете вы нынѣ родину свою и родныхъ, и идете на Русь! Храните вы тамъ, посреди языковъ, законы отцевъ своихъ, сколько возможно; а главное, сохраните вѣру израильскую. Тогда Господь пребудетъ съ вами на всегда; Онъ будетъ покровительствовать вамъ, какъ нѣкогда праотцамъ нашимъ, Авրааму, Исааку и Іакову. Повинуйтесь начальникамъ, слушайтесь ихъ во всемъ, какъ своихъ родителей и учителей, ибо они замѣняютъ нынѣ вамъ все и вся. Если будутъ предлагать вамъ даже трефное мясо, то не отвергайте и его. Господь видитъ, что теперь не ваша воля, а безъ пищи человѣкъ жить не можетъ. Вотъ въ чемъ только сопротивляйтесь: если вамъ прикажутъ креститься, — это не дѣлайте. Помните, дѣти, слова вашего раввина. Молю Господа, да поможетъ онъ вамъ въ этомъ!» Мы подтвердили слова раввина громкимъ — аминь.

Насъ повезли партіонные офицеры, но какъ? Положимъ,

*) Юшко есть жидкость, въ родѣ бульона, коимъ поливаютъ кашу вмѣсто масла.

**) Цимисъ — соусъ, — а гуголь въ видѣ короваи, или, проще сказать, лапшенникъ.

что намъ и подводы полагались, но вѣдь каждый партіонный имѣлъ свои виды... Кто безъ грѣха? Случалось часто, что, вмѣсто 12 подводъ, давалось только 8. Плачетъ иной бѣдняга а идетъ; а если отстанетъ, то конвой подгонитъ. Благодаренье Богу, я этого не терпѣлъ. Партіонный всю дорогу везъ меня за то, что я ему пѣлъ еврейскія пѣсни,—да, я думаю, по неволѣ запоешь, чтобы нейти пѣшкомъ сотни верстъ. При всемъ этомъ, походъ изпурилъ и меня порядочно. Въ концѣ сентября, мы вступили въ казанскіе баталіоны. Здѣсь были уже не такія казармы, какіе въ Подольской губерніи; вездѣ видна была чистота и опрятность. «Вотъ, подумали мы, здѣсь то поблаженствуемъ». Но ошиблись въ расчетѣ. Командиръ означеннаго заведенія принялъ насъ весьма строго, и, послѣ длинной рацеи, разбилъ насъ по ротамъ. Я съ нѣкоторыми товарищами назначенъ былъ въ шестую роту. Ротный нашъ командиръ, штабсъ-капитанъ Ч., выбившійся изъ нижнихъ чиновъ, былъ человѣкъ строгій; его страсть была живо приготовить рекрута къ фронту; онъ и обратился къ намъ съ слѣдующею рѣчью: «прошу покорно, ребята, заняться, какъ можно скорѣе, стойкою, потомъ фронтомъ. Фронтъ есть душа солдата; фронтовой солдатъ можетъ быть унтеръ-офицеромъ. Вотъ я и самъ могу служить вамъ примѣромъ: я былъ солдатомъ, потомъ унтеръ-офицеромъ, а теперь, эхъ-ма, я—капитанъ Ч... займетесь хорошо фронтомъ, пошлю васъ въ классъ. Впрочемъ я классы не такъ то жалую; по моему мнѣнію, всѣ грамотѣи эти, писаря, фельдшера, кондукторы просто—дровосѣки; а вотъ быть хорошимъ фронтовикомъ, знать стойку и маршировку—дѣло другаго рода. Такъ прошу заняться этимъ; за успѣхи будутъ вамъ похвалы и басоны,—а за лѣнь—розги и розги!» Господинъ ротный навелъ на насъ такой страхъ, что мы не мог-

ли опомниться.—«Да вотъ вамъ еще мое послѣднее приказаніе, прибавилъ онъ, заняться, какъ можно лучше, хозяйствомъ». А хозяйство это состояло вотъ въ чемъ: умѣть полы и подоконники натирать, кровати убирать и проч. и проч. Вы, можетъ быть, читатель, подумаете: что тутъ за мудрость вытереть полъ? Нѣтъ, и это была нѣкогда мудрость своего рода. Всѣ кантонисты обязаны были рано утромъ выстраиваться на средину, и на колѣняхъ ползать по полу и натирать его; при чемъ никто не смѣлъ отставать отъ ранжирщика, или забѣгать впередъ. Все это дѣлалось по командѣ ефрейтора. Надобно было еще каждому позаботиться о томъ, чѣмъ бы вытереть свою доску; иной недоѣстъ жирнаго кусочка, буде попадется въ столовой, а сбережетъ его для натиранія пола. Много заботъ и хлопотъ стоила каждому кантонисту уборка, а всѣ ревностно заботились о ней, никому не хотѣлось навлечь на себя неудовольствіе ротнаго, который самъ чуть-свѣтъ являлся присутствовать при ротной уборкѣ.

Продолжаю исторію фронта. Я выше уже сказалъ, что ротный неусыпно слѣдилъ за успѣхами фронтоваго ученія. Сказать по правдѣ, мнѣ не совсемъ давалась фрунтовистика; лишь только сдѣлаю бывало шагъ, ротный бросится на меня, какъ левъ, и закричитъ: «бедры назадъ, колѣни не гнуть, подбородокъ выше»,—ну словомъ, поставитъ меня, какъ запряженную лошадь. Это бы все еще сносно было; но бедры мои были не понутру ротному. Поколачивалъ часто онъ по нимъ и приговаривалъ: «ужъ мнѣ твои бедры!» Боже, подумалъ я, да куда жъ мнѣ дѣвать бедры свои? Не срубить же ихъ! Разъ какъ то на баталіонномъ ученіи ротный сильно хватилъ по моимъ бедрамъ; а однажды въ досадѣ обратился къ фельдфебелю на мой счетъ съ такою рѣчью: «хоть

бы ты поприлежнѣе занялся съ этимъ молодцомъ». И точно, фельдфебель занялся мною очень прилежно.

Разъ какъ то я запоздалъ на ученье. Раздосадованный фельдфебель вбѣжалъ въ комнату за мною, и, увидя меня молящагося, такъ меня ударилъ, что у меня въ глазахъ потемнѣло. «Ахъ ты, окаянный жидъ, примолвилъ онъ, маршировать не умѣешь, а молиться по жидовски—куда какой мастеръ! Пошелъ живо въ ранжиръ на свое мѣсто!»

Пустился я къ ротѣ со всѣхъ ногъ, такъ что позабылъ снять съ головы богомоліе.—«Ты куда бѣжишь, крикнулъ ротный, съ жидовскими шишками?»

— На ученье, ваше благородіе!

— Пошелъ назадъ, окаянный, чтобы мои глаза тебя больше не видали. Въ классъ, въ классъ пошелъ; будь ты дровосѣкомъ!

Покорнѣйше благодаримъ, подумалъ я,—давно бы такъ!» И радъ я былъ, что прогнали въ классъ; мнѣ давно хотѣлось заняться грамотою. Явившись къ инспектору, я объявилъ ему, что присланъ учиться.—«Хорошее дѣло отвѣчалъ инспекторъ. А знаешь что нибудь?

— По еврейски все знаю.

— Да не по еврейски, братецъ, а знаешь ли русскую грамоту?

— Нѣтъ, по русски не знаю!

— Ну, такъ учить будемъ.

И учили, безъ крика и побоевъ. Благодаря Бога, русская грамота мнѣ далась скорѣе, чѣмъ фрунтовистика. Я скоро обратилъ на себя вниманіе даже самаго инспектора и законоучителя. Разъ, какъ теперь помню, законоучитель, преподавая кантонистамъ св. исторію, спросилъ: «а кто изъ васъ, дѣти,

лучше раскажетъ исторію Іосифа?» Я всталъ съ своего мѣста и разсказалъ. Священникъ похвалилъ меня предъ всѣми, и каждый классъ бесѣдовалъ со мною болѣе всѣхъ; онъ часто любилъ закидывать словечко о христіанской вѣрѣ и о святомъ крещеніи.

—«Какъ хорошо и спасительно было бы для тебя, братецъ, сказалъ онъ однажды, если бы ты сдѣлался христіаниномъ!

— Нѣтъ, батюшка, ужъ воля ваша, сказалъ я, а вѣру свою не хочу оставлять. Если бы вы знали, какъ насъ умолялъ раввинъ, какъ слезно просили насъ отцы и матери содержать свою вѣру! Какъ же послѣ того я крещусь?

— Другъ мой! скажи, кого скорѣе надобно слушать, Бога или раввина съ родителями? Ты хорошо знаешь, кто былъ Авраамъ; онъ былъ сынъ Ѳарры—идолопоклонника, однако, когда его Господь призвалъ къ вѣрѣ, то онъ все оставилъ и пошелъ во слѣдъ Бога истиннаго! За то содѣлался онъ отцемъ множества языковъ, такъ что о сѣмени Его, т. е. о Христѣ Спасителѣ, благословятся вся племена земная.

— Что вы говорите, батюшка? Вѣдь отъ Авраама родился Исаакъ, а не Христосъ?

— Правда. Но Іисусъ Христосъ родился также отъ Авраама: Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Іакова, Іаковъ роди Іуду, и такъ далѣе, до Христа Іисуса. Жаль, что я не имѣю при себѣ еврейскаго Евангелія, я бы тебѣ все это доказалъ.

Тутъ то я призадумался, припомнивъ, что это самое читано мною и въ Евангеліи, подаренномъ мнѣ еще въ дѣтствѣ миссіонерами. Съ этой думой пошелъ я отъ священника, но онъ меня остановилъ и сказалъ: «вотъ ужъ ты никакъ и разсердился на то, что я посовѣтовалъ тебѣ креститься;

знать еще время твое не наступило; но вѣрно то, что ты будешь когда нибудь хорошимъ христіаниномъ». Тѣмъ и кончился у насъ разговоръ.

Съ этого времени не рѣдко удавалось мнѣ слышать объ имени Іисуса.

Разъ какъ то о Пасхѣ, казанскій архимандритъ Климентъ, обходя съ командиромъ полковникомъ В—ымъ заведеніе кантонистовъ, христосовался съ ними. Между прочимъ архимандритъ подошелъ и ко мнѣ съ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе!». Командиръ кивалъ мнѣ головой, дескать—отвѣчай, что «воистину воскресъ». А я стоялъ какъ онѣмѣлый, и не зналъ, что дѣлать; если, думалъ я, не отвѣтить то самому послѣ живому не быть.

— Да! сказалъ я, говорятъ, что воскресъ.

— Что это значитъ? спросилъ архимандритъ у командира.

— Извините, ваше высокопреподобіе, это не крещеный еврей.

— А!... ты еврей? Такъ какъ же ты думаешь по сущей правдѣ?

— Я думаю, что Христосъ не воскресъ.

— Конечно, если ты, или, лучше сказать, весь родъ вашъ не вѣрите тому, что Христосъ родился, жилъ и умеръ для нашего спасенія, то не удивительно, что вы не вѣрите и тому, что Христосъ воскресъ! Но надобно вѣрить сему, ибо весь вашъ же законъ и пророки ясно свидѣтельствуютъ, что Христосъ былъ въ мірѣ, явился именно къ израилю, но израиль, какъ говоритъ св. пророкъ Исаія отъ лица Божія, не позналъ Его: *Израиль же Мене не позна, и людіе мои не разумѣша.* Зато и израиль отверженъ Богомъ. Да, дру-

жокъ мой, много нужно объ этомъ говорить, чтобы тебя убѣдить во Христѣ. Господь, хотящій спасенія всѣмъ человѣкамъ, да просвѣтитъ израиля и тебя свѣтомъ Евангельскимъ, коимъ озаренъ міръ христіанскій». Сказавъ это онъ отошелъ отъ меня.

Слова архимандрита произвели на меня сильное впечатлѣніе; онѣ постоянно отзывались въ сердцѣ моемъ и располагали въ пользу христіанства. Между тѣмъ и іудейство, какъ бы предчувствуя свой конецъ, крѣпилось въ душѣ моей. Этому не мало также способствовалъ одинъ инвалидный солдатъ изъ евреевъ именемъ Азбергъ. Этотъ закоренѣлый еврей старался всячески удержать всѣхъ казанскихъ кантонистовъ въ жидовствѣ. Онъ ходилъ по ротамъ и уговаривалъ всѣхъ—не слушать христіанскихъ наставниковъ и, для лучшаго успѣха въ своемъ дѣлѣ, говорилъ, что Богъ ему открылъ въ ночномъ видѣніи,—какъ жгутъ наши души за маловѣріе и за употребленіе трефнаго мяса. Эти слова Азберга такъ дѣйствовали на всѣхъ насъ, что мы при немъ же дали обѣтъ поститься и болѣе не употреблять мяса, что и исполняли долго, пока начальство не приняло противъ этого своихъ мѣръ. Однажды бригадный командиръ, во время обѣда замѣтилъ, что мало было кантонистовъ у стола, и спросилъ у дежурнаго офицера: «почему такъ у васъ мало народа за столомъ?»

— Потому отвѣтилъ дежурный, что кантонисты изъ евреевъ постятся.

— Что у нихъ за постъ?

— Смѣю доложить вашему превосходительству, что нѣкто инвалидъ Азбергъ установилъ строгій постъ.

— Раздосадованный бригадный крикнулъ: «долголи еще

этому негодяю развращать кантонистовъ! Онъ заморитъ всѣхъ постомъ; притащите мнѣ его сюда!» Азбергъ былъ немедленно представленъ предъ бригаднаго.

— Скажи мнѣ, негодяй, съ чего ты взялъ наложить на мальчиковъ постъ?

— Не я, ваше превосходительство, наложилъ на нихъ этотъ постъ; а они сами пожелали поститься боясь грозы Божіей.

— Что за гроза?

Азбергъ, нимало ни сконфузившись, разсказалъ бригадному о мнимомъ сновидѣніи своемъ.

— Вотъ я тебѣ дамъ грозу! Розги сюда! крикнулъ бригадный. Я не терплю лжи, одно изъ двухъ избирай: или обманъ свой обнаружь, или...

Испугался бѣдный Азбергъ; онъ зналъ что съ бригаднымъ шутить нечего и потому сознался передъ всѣми во всѣмъ.

— Ну, за сознаніе прощаю тебя на этотъ разъ,—сказалъ бригадный, а все таки спроважу тебя молодца изъ этого баталіона. Да и все это гнѣздо жидовское (такъ онъ назвалъ казанское заведеніе, гдѣ было до тысячи еврейскихъ кантонистовъ), разобью по всей моей бригадѣ.

И дѣйствительно разбилъ. Это было такъ. Бригадный командиръ, осмотрѣвъ инспекторскимъ смотромъ казанскіе баталіоны, приказалъ пѣть: *Боже, царя храни*. Русскіе кантонисты исполнили приказаніе начальника, а мы молчали. Бригадный, замѣтивъ это, жестоко разсердился и спросилъ нѣкоторыхъ изъ насъ: вы отъ чего не поете?

— Мы—евреи!

— Развѣ евреи не должны возносить хвалы Богу за царя? Я васъ, неблагодарныхъ!

Въ это время подошелъ къ намъ завѣдывающій баталіономъ, ближайшій нашъ начальникъ подполковникъ В—въ, и сталъ насъ урезонивать, чтобъ мы пѣли: Боже, царя храни: «Дѣти, зачѣмъ противитесь начальству? Я угадываю, вы не поете потому, что думаете, будто «Боже, царя храни» есть молитва Іисусова. Поверьте мнѣ, что это ни что иное, какъ гимнъ, воспѣваемый нами, сынами Россіи, въ честь царя; а въ доказательство можете даже и въ шапкахъ пропѣть». При этомъ онъ скомандовалъ: накройсь! Тогда мы всѣ охотно послушались добраго своего начальника и пропѣли единодушно нашъ народный гимнъ. Бригадный немного успокоился,— но все таки угрожалъ разсортировать насъ по всей бригадѣ. И дѣйствительно, на другой же день исполнилъ онъ свое намѣреніе. Явившись по утру рано въ заведеніе, онъ приказалъ выстроить оба батальона и назначилъ насъ кого куда. Меня, въ числѣ 80 человѣкъ, назначили въ г. Вольскъ. Назначеніе это поразило насъ, какъ громомъ, ибо мы много слышали неутѣшительнаго о Вольскѣ. Намъ разсказывали, что тамъ окрестилось множество евреевъ.

Не буду распространяться о печальномъ путешествіи нашемъ изъ Казани въ Вольскъ. Скажу только, что одно воспоминаніе объ этомъ городѣ невольно наводило на насъ какой то страхъ. Но вотъ наконецъ достигли мы мѣста своего назначенія, увидѣли и Вольскъ; забились сердца наши; печально окинули мы мѣсто, которое считали гибелью многихъ своихъ собратовъ. Всѣ товарищи мои опустили головы; не легко было мнѣ въ такомъ положеніи видѣть ихъ; однако, собравшись съ духомъ, я сказалъ: «не ужасайтесь, братія! Господь укрѣпитъ насъ и дастъ намъ силу противиться врагамъ нашимъ!» Товарищи единодушно сказали: мы на тебя, Вульфъ,

надѣемся; говори ты со всѣми тѣми, кои вздумаютъ съ нами разсуждать о вѣрѣ.—«Не бойтесь, повторилъ я, не выдамъ; Господь дастъ мнѣ, что возглаголать Вы знаете, что я смогу поговорить съ каждымъ; я и съ архимандритами говаривалъ въ Казани». Вся наша партія успокоилась на время. По прибытіи, командиръ и священникъ, радушно встрѣтивъ насъ, говорили намъ много утѣшительнаго. Однако мы поняли, что ихъ сладкія слова клонились къ тому, что мы должны будемъ креститься. Затѣмъ командиръ разбилъ насъ по ротамъ, и просилъ священника и офицеровъ не оставлять насъ безъ вниманія, при семъ онъ также сказалъ и двумъ новообращеннымъ: «займитесь-ка и вы своими собратіями, поговорите о предметахъ вѣры съ ними».

Въ г. Вольскѣ было это занятіе у всѣхъ обычнымъ дѣломъ и вѣнчалось всегда успѣхомъ. Кстати замѣчу, почему въ этомъ городѣ такъ много евреевъ крестилось. Читатель навѣрно не вмѣнитъ мнѣ въ вину, что я сдѣлаю нѣкоторое отступленіе отъ моей біографіи и разскажу объ этомъ; разсказъ этотъ заслуживаетъ христіанскаго вниманія.

Во главѣ святаго дѣла обращенія евреевъ въ христіанство, въ 1846, 1847 и 1848 годахъ, достойно поставить преосвященнаго Іакова, бывшаго тогда епископомъ саратовскимъ. Хотя и въ Казани архіепископъ Владиміръ съ ввѣренными ему пастырями, а въ Симбирскѣ пресвященный Ѳеодотій съ духовенствомъ съ великою ревностію трудились надъ обращеніемъ евреевъ въ христіанство: но труды покойнаго преосвященнаго Іакова особенно кажутся намъ важными потому, что онъ первый пробудилъ сердца юныхъ чадъ израиля къ принятію Евангелія; дѣла преосвященнаго Іакова намъ болѣе извѣстны потому, что я ихъ самъ видѣлъ и потому

могу о нихъ вѣрнѣе свидѣтельствовать.—Какъ же онъ дѣйствовалъ? Какъ онъ положилъ начало святому дѣлу обращенія молодыхъ евреевъ въ христіанство?—Преосвященный Іаковъ, узнавъ, что въ уѣздный городъ Вольскъ, саратовской епархіи, въ отдѣленіе кантонистовъ прибыло множество молодыхъ евреевъ, и вѣрно предполагая, что на юныя сердца чадъ израилевыхъ скорѣе можетъ подѣйствовать его архипастырское увѣщаніе, чѣмъ на закоренѣлыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ старыхъ евреевъ, онъ письменно отнесся къ нашему командиру, доброму православному начальнику, И. Софронову, что желаетъ посѣтить его школу кантонистовъ. Г. Софроновъ изъявилъ на это согласіе свое, и, узнавъ день прибытія преосвященнаго, приготовилъ оба баталіона кантонистовъ къ встрѣчѣ его и передалъ намъ черезъ одного ученаго нашего собрата—*Лейба Бородина* (названнаго во св. крещеніи *Н. Кузнецкимъ*), что къ намъ скоро прибудетъ христіанскій архипастырь,—пастырь пастырей, подобный еврейскому древнему первосвященнику.— И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ прибылъ къ намъ преосвященный Іаковъ; почти весь городъ собрался къ встрѣчѣ архипастыря; это придало торжественный видъ его въѣзду. Преосвященный прямо отправился въ заведеніе кантонистовъ и, подойдя къ баталіону, выстроенному въ каре, осѣнилъ всѣхъ крестнымъ знаменіемъ и сказалъ командиру: «покажите-ка мнѣ юныхъ воиновъ—евреевъ!»—Начальникъ подвелъ архипастыря къ намъ,—и онъ поздоровался съ нами по еврейски: «шулемъ алехемъ», т. е., миръ вамъ! сказалъ онъ;—удивленные такимъ привѣтствіемъ, мы отвѣтили ему: «алехомъ шулемъ», т. е., и вамъ да будетъ міръ!—Одно это привѣтствіе преосвященнаго расположило насъ къ нему и даже нѣкоторые изъ насъ заговорили по

своему, что онъ вѣрно еврей, или изъ евреевъ.

Послѣ взаимнаго нашего привѣтствія, Кузнецкій, по внушенію командира, обратился къ преосвященному съ рѣчью, нарочно для сего случая приготовленною на еврейскомъ языкѣ; владыка остался этимъ очень доволенъ и завелъ съ Кузнецкимъ весьма поучительный религіозный разговоръ; затѣмъ преосвященный подошелъ и къ другому еврейчику, по имени Абала Оснасъ; этотъ Абала, бывъ всегда угрюмымъ на видъ и упорнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, отвѣтилъ довольно грубо на какой-то вопросъ преосвященнаго, желавшаго доказать, что христіане чтутъ того единаго Бога, котораго исповѣдывали истинные израильтяне. Изъ разговора преосвященнаго съ Абалою не трудно было заключить, что Абала отвергалъ троичность Божества, которую доказывалъ преосвященный; владыка говорилъ: «развѣ у васъ въ ветхомъ завѣтѣ не упоминается о Святой Троицѣ?—Напримѣръ, слово «Шемъ»—что значитъ, какъ не имя—Богъ Отецъ?—А слово «Шхине» не значитъ ли присутствіе Божіе, сіяніе славы и образъ ѵпостаси Его, какъ говоритъ св. Апостолъ Павелъ, бывшій вашъ единовѣрецъ?—Наконецъ, слова «Руахъ Гакодашъ» не означаютъ ли Духа Святаго, который говорилъ въ пророкахъ?»—Эти священныя слова, произнесенныя христіанскимъ архипастыремъ, какъ бы электричество пробѣжали по нашимъ сердцамъ и мы въ смущеніи смотрѣли другъ на друга; даже Абала, смѣнивъ свой суровый взглядъ, хотѣлъ что то сказать преосвященному, но владыка, замѣтивъ это, предупредилъ его слѣдующими словами: «что что, израиль?—Ты не согласенъ съ моими словами?—Какъ не согласиться съ вами;—вѣдь то, что вы говорили, есть и въ нашихъ книгахъ; мы вѣруемъ въ «Руахъ Гакодашъ», т. е. въ Духа Свя-

таго; вѣруемъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, не отвергаемъ и того, что «Шхине» пребывало въ устахъ пророковъ». — Прекрасно; такъ въ чемъ же ты не соглашаешься?»—«А въ томъ, сказалъ Абала, что вы признаете Христа за Сына Божія и говорите, что Онъ съ неба пришелъ спасти васъ».— «Развѣ вы не ожидаете Мессію, какъ Спасителя сыновъ израиля, развѣ св. писаніе ветхаго завѣта и сами раввины не проповѣдуютъ о Немъ?—Кого нарицаетъ Господь, устами псалмопѣвца Давида, Сыномъ Своимъ, какъ не Христа? *Сынъ Мой еси ты,* говоритъ Господь, *Азъ днесь родихъ Тя* (Псал. 2, 7). И далѣе,—кого нарицаетъ Господь Господомъ, какъ не Его же?—*Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ.*—А раввины ваши не учатъ ли, что для видимаго явленія въ міръ, Мессія приметъ плоть человѣческую? Въ вашемъ молитвенникѣ Сидеръ, на страницѣ 130, читаете слѣдующую молитву: «Екумъ пурконъ миншемае», т. е. возстанетъ Избавитель съ небесъ;—«хино вехисдо», т. е. Онъ будетъ милосердъ;—«верахмо», т. е. многомилостивъ для всѣхъ;—«иваресъ-гифо», т. е. приметъ на Себя чистѣйшую плоть человѣческую и поживетъ на землѣ;—«ингоремалъе», т. е. вознесется на высоту и проч.—Не изображается ли въ приведенныхъ словахъ жизнь Спасителя нашего, Его воплощеніе, Его благодѣянія для человѣчества, оказанныя имъ во время земной жизни, и наконецъ Его вознесеніе?—Подобное о Христѣ находимъ еще и въ книгѣ талмудической Зойгаръ *). Раввины, имѣя въ виду земную жизнь Спасителя, именуютъ Его не только сыномъ Давида, но называютъ Его примирителемъ, пастыремъ, иску-

*) Загаръ на книгу бытія и Таргумъ Инкеласъ на книгу Второзаконія.

пителемъ и Ангеломъ лица Божія и Ангеломъ завѣта».

Много и еще назидательнаго говорилъ съ нами архипастырь; но, утомившись отъ дороги и будучи не въ силахъ съ нами говорить, онъ выразилъ свое сожалѣніе объ этомъ и, прощаясь, сказалъ, что на другой день, передъ отъѣздомъ, постарается еще видѣться съ нами. Командиръ и мы кланялись архипастырю.

Поутру, какъ и въ первый день пріѣзда архіерея, насъ собрали на баталіонный дворъ, куда прибылъ и преосвященный; онъ началъ назидательную бесѣду съ нами и глазами все отыскивалъ Абалу, котораго командиръ, какъ невѣжу, запряталъ въ заднюю шеренгу. Не находя его, архипастырь спросилъ: «а гдѣ же у васъ Абала—ревнитель вѣры?»—Абала былъ вызванъ командиромъ на середину; обласкавъ его, архіерей обратился къ командиру съ такою рѣчью: «вы не глядите на то, что Абала такъ ревнуетъ о своей вѣрѣ;—это хорошій признакъ; это значитъ, что если онъ, узнавши тщету и лживость своего вѣрованія, обратится ко Христу, то будетъ прекраснымъ и ревностнымъ христіаниномъ;—и я уповаю, что Господь, хотящій спасенія человѣку, откроетъ ему и всѣмъ имъ свѣтъ евангельскій; они со временемъ сподобятся узнать чаемаго ими Мессію—«Ешуа Гамушіахъ».—Охъ сказалъ Абала, какъ бы мы рады были, если бы узрѣли Мушіаха своего! Если бы вы знали, какъ мы объ этомъ молимся! Каждый изъ насъ при богослуженіи говоритъ: «ани маменъ беэмину шлеймо бевіасъ Гамушіахъ,» т. е. мы вѣруемъ, что Мессія придетъ; Онъ хотя и замедлитъ, а явится непременно» (Сидеръ, 45 стр.).

— «Да, другъ мой, сказалъ архипастырь, и мы вѣруемъ и знаемъ, что Онъ придетъ, но то будетъ уже второе прише-

ствіе Его,—пришествіе суда, и тогда уже поздно будетъ обращаться къ Нему съ вѣрою тѣмъ, которые отвергли Его въ первое пришествіе».—«Какъ, развѣ Мессія дважды придетъ?» спросилъ Абала.—«Да, Его пришествіе, по слову св. Писанія, должно быть двоякое. *Грядетъ*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *грядетъ судити земли: судити вселенный* (Псал. 95, 13). Тоже и у васъ сказано: «кибо, кибо лишпотъ урецъ!» (Сидеръ, 98 стр.). Слово «грядетъ», употребленное пророкомъ дважды, и выражаетъ два пришествія Христова; въ первомъ случаѣ, говоритъ Онъ, что Христосъ грядетъ, т. е. нисходитъ на землю, какъ дождь на руно, и какъ капля, каплющая на землю; а о второмъ пришествіи, которое имѣетъ быть пришествіемъ суда, говоритъ тотъ же пророкъ, что Христосъ грядетъ судить вселенную, что огонь *предъ Нимъ предъидетъ и попалитъ окрестъ враги Его* (Псал. 6, 3). Такъ точно и случилось. Христосъ пришелъ на землю не въ славѣ величія, родился не въ богатыхъ покояхъ, а въ ясляхъ; и родился въ томъ самомъ маломъ городѣ—Виѳлеемѣ, на который указалъ пророкъ Михей» (Гл. 5, ст. 2).

— «А мы—такъ полагаемъ, сказалъ Абала, что Христосъ для нашего спасенія и блаженства явится только всего разъ, и явится не въ уничиженномъ видѣ, а въ славѣ и величіи, явится какъ царь и побѣдитель вселенной, который избавитъ насъ отъ рабства, соберетъ весь разсѣянный израиль и введетъ его въ Іерусалимъ, гдѣ мы будемъ торжествовать вѣчно; Мессія сдѣлаетъ для насъ пиръ, зарѣжетъ пасущагося отъ искони вѣка, быка« Шоръ габоръ, которымъ станетъ угощать насъ; и на этомъ пиру будутъ служить намъ всѣ вельможи земные, какъ своимъ владыкамъ, какъ служимъ мы для нихъ теперь».

— «Вотъ въ томъ то и бѣда, сказалъ архипастырь, что вы слишкомъ буквально понимаете св. Писаніе; вы блага Христовы представляете земными благами; оттого и два пришествія Христовы,—первое въ уничиженіи, а второе въ славѣ,—сдѣлались для васъ непонятными. Правда, пророки изображали Христа царемъ славы (Захар. гл. 9), но они же изображали его и въ видѣ уничиженія, умаленномъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, доведеннымъ даже до смерти (Ис. 53). Израиль же, упустивъ послѣднее, т. е. не желая видѣть Мессію умаленнымъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, обратилъ свои взоры на тѣ мѣста св. Писанія, которыя изображали Христа владыкою—земнымъ, побѣдителемъ народовъ: поэтому естественно было предкамъ вашимъ впасть въ заблужденіе,—и вашъ родъ блуждаетъ до днесь. Но какъ скоро израиль придетъ въ разумъ истины, то онъ оставитъ пути заблужденія и обратится къ Мессіи своему и увѣруетъ въ Того, Котораго нѣкогда онъ не узналъ, и Котораго самъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ».

—«Такъ по вашему выходитъ, что Мессія давно пришелъ? но чѣмъ же это подтверждается? спросилъ Абала.

—«Книги ваши ветхаго завѣта свидѣтельствуютъ, что ожидаемый вами Мессія давно пришелъ; въ книгѣ Бытія говорится прямо и утвердительно, что онъ придетъ прежде, нежели *отымется скипетръ отъ Іуды*. т. е. до паденія царства іудейскаго;—вотъ подлинныя слова чтимаго вами ветхозавѣтнаго патріарха Іакова, произнесенныя имъ предъ кончиною своею, при благословеніи дѣтей своихъ: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды* (лой юсиръ шеветъ міегидо), сказалъ Іаковъ сыну своему Іудѣ, *и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему: и Той чаяніе языковъ*, или какъ сказано въ еврей-

скомъ текстѣ: «велой икасъ амимъ»,—къ нему соберутся языки. Согласно съ этимъ пророчествомъ, Господь нашъ І. Христосъ и явился немного прежде совершеннаго разрушенія римлянами царства іудейскаго. Отвергать это пророчество Іакова вамъ нельзя; потому, что вы видите точное исполненіе его.—Скажите: гдѣ теперь колѣно Іудино, которое бы могло царствовать надъ вами?—Вотъ вы разсѣяны по всѣму лицу земли; со времени пришествія Христова, у васъ не стало ни царя, ни князя (шеветъ), ни всего того, что имѣли вы до пришествія Христова!»

—«Признаюсь сказалъ Абала, вы удивляете меня своими доводами; но тѣмъ не менѣе, я долженъ сказать вамъ, что приведенное вами пророчество Іакова понимается у насъ иначе. Вопервыхъ, слово «шеветъ» означаетъ на нашемъ языкѣ иногда и «розга»; можетъ быть, здѣсь и нужно подъ словомъ «шеветъ разумѣть розгу;—т. е. Господь не перестанетъ насъ наказывать лозою или жезломъ, какъ сказано у Давида, до тѣхъ поръ, пока мы не исправимся. А вовторыхъ, нѣкоторые раввины наши, объясняя пророчество Іакова, говорятъ: «не оскудѣетъ князь отъ Іуды до толѣ, пока колѣно Іудино не придетъ въ г. Силомъ (Нав. 18, 1).

—«Это толкованіе, мой другъ, несправедливо; ибо извѣстно, что въ городъ Силомъ пришло не одно колѣно Іудино, а весь сонмъ израильскій; между тѣмъ, въ указанномъ мѣстѣ книги Бытія, Іаковъ предсказалъ судьбу одного колѣна Іуды, отъ котораго не отымется скипетръ, князь, законоположникъ, вождь, къ которому соберутся народы; и дѣйствительно, ко Христу собрались почти всѣ языки;—гдѣ теперь не исповѣдуется имя Христово?—Ужели послѣ всего сказаннаго не понятно вамъ, что ожидаемый вами Мессія уже пришелъ?»

— Не знаю, право, кому вѣрить, сказалъ Абала; не знаю съ чѣмъ согласиться: съ ученіемъ ли раввиновъ нашихъ, или съ вашими словами, въ которыхъ слышится не мало поучительнаго?»

—«Господь со временемъ откроетъ тебѣ истину, и я уповаю, сказалъ архипастырь, что ты со временемъ будешь хорошимъ христіаниномъ *). Вѣдь и Апостолъ Павелъ,—присовокупилъ владыка, обращаясь къ нашему командиру,—и Апостолъ Павелъ, когда былъ іудеемъ—ревновалъ о вѣрѣ своей и даже гналъ христіанъ, а когда призванъ былъ Господомъ нашимъ І. Христомъ къ вѣрѣ Его, то сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ и даже Апостоломъ языковъ; также можетъ сдѣлаться ревностнымъ христіаниномъ и каждый изъ евреевъ, если мы будемъ заботиться о ихъ спасеніи». Послѣ этихъ словъ, архіерей началъ прощаться. «Прощай, Абала, сказалъ онъ, прощайте и всѣ вы, дѣти израиля!—Я разстаюсь съ вами только тѣломъ, а душею пребуду съ вами; я буду молить Господа моего Іисуса Христа (при семъ онъ возвелъ руки къ небу, что насъ особенно тронуло), да явитъ онъ спасеніе разсѣянному въ мірѣ израилю!»—Затѣмъ онъ обратился къ духовенству города Вольска съ слѣдующими словами: «Пастыри Христовой Церкви! На насъ особенно лежитъ священная обязанность заботиться о сихъ малолѣтнихъ евреяхъ; настойте благовременно и безвременно своимъ проповѣданіемъ, и откройте имъ путь Христовъ». Съ такою же просьбою онъ обратился къ командиру и ко всѣмъ тутъ собравшимся гражданамъ: «Православные христіане! Старайтесь и вы всѣми силами содѣйствовать святому дѣлу

*) Слова архипастыря сбылись: дѣйствительно, Абала сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ.

обращенія евреевъ ко Христу; Господь и Церковь святая не забудутъ васъ за это; знайте, что *обративый грѣшника отъ ложнаго пути его, покроетъ множество грѣховъ и спасетъ душу отъ смерти»* (Iак. 5, 20). Сказавъ это, онъ осѣнилъ всѣхъ крестнымъ знаменіемъ, кланялся нѣсколько разъ на всѣ стороны и особенно командиру, прося его заботиться о насъ, и уѣхалъ.

Слова архипастыря скоро принесли христіанскіе плоды. Самый старшій и самый ученѣйшій изъ насъ, вскорѣ послѣ бесѣды преосвященнаго, изъявилъ желаніе принять св. крещеніе. Затѣмъ прибывшій съ преосвященнымъ въ г. Вольскъ протоіерей Гавріилъ Ивановичъ Чернышевскій успѣлъ еще 2-хъ изъ насъ обратить ко Іисусу Христу. Послѣ этого не трудно уже было мѣстному духовенству, протоіерею П. Бибикову, о. А. Тюльпанову и В. Кузнецкому, при такомъ всеобщемъ стараніи повести дѣло обращенія евреевъ въ христіанство успѣшно; впрочемъ только въ первомъ баталіонѣ былъ такой успѣхъ; а во второмъ, гдѣ находились мы и Абала, успѣха не было; и именно потому, что мы всячески старались препятствовать распространенію христіанскихъ истинъ пастырями; мы ихъ ученіе перетолковывали по своему и тѣмъ, конечно, поддерживали въ собратахъ своихъ іудейское вѣрованіе. Священникамъ не легко было говорить съ нами,—мы находили разныя возраженія. Но если имъ трудно было бороться съ нами, то Господь, своею божественною силою, легко побѣдилъ насъ; и теперь еще дивимся, какъ чудно совершились Его дѣла надъ нами; даже и мы съ Абалой, не смотря на то, что всегда ожесточались противъ христіанства, почувствовали нѣкоторое потрясеніе, произшедшее вслѣдствіе двухъ писемъ переданныхъ намъ г-мъ

бригаднымъ командиромъ, пріѣхавшимъ въ Вольскъ производить инспекторскій смотръ; онъ, послѣ церемоніальнаго марша, попросилъ гг. офицеровъ на середину, а намъ скомандовалъ: «справа, слѣва заходи». При этомъ онъ сказалъ офицерамъ: «благодарю васъ, господа, что и вы, также какъ и здѣшнее духовенство, не остаетесь равнодушными къ святому дѣлу обращенія евреевъ въ христіанство. Это дѣло—богоугодное, этого желаетъ Господь нашъ І. Христосъ, этого желаетъ и Царь нашъ православный, и всѣ мы русскіе должны этого желать». Затѣмъ онъ обратился къ намъ и сказалъ: «выходите ко мнѣ тѣ, которые приняли христіанство; весело и бодро вышли новообращенные на середину; бригадный командиръ разцѣловалъ ихъ и сказалъ: «вы теперь братья наши,—мы радуемся, глядя на васъ; въ моей бригадѣ, слава Богу, пожелали креститься многіе изъ васъ; и въ Казани крестилось много, и въ Симбирскѣ тоже; и я привезъ вамъ отъ нихъ два письма.—Кто изъ васъ Абала Оснасъ?—«Я», сказалъ Абала.—«Вотъ тебѣ письмо отъ товарища твоего—Шустера, названнаго въ святомъ крещеніи Ѳеодотіемъ; крестнымъ отцемъ его былъ епископъ симбирскій Ѳеодотій. А Вульфъ Нахласъ кто изъ васъ?»—Я откликнулся; это было мое имя. —«Вотъ и тебѣ письмо отъ товарища твоего Мовша Гуральника, названнаго въ святомъ крещеніи Владиміромъ; крестнымъ отцемъ его былъ архіепископъ Владиміръ. Читайте въ слухъ письма и, если можете, переводите на русскій языкъ». Абала-Оснасъ началъ читать,—и вотъ содержаніе полученнаго имъ письма.

«Любезный мой товарищъ, Абала! Извѣщаю тебя, что у насъ много новаго; наши классы сдѣлались настоящими еврейскими училищами; намъ священники читаютъ священныя

книги и по еврейски и по русски: сличаютъ свои книги съ нашими,—и удивляешься, что въ ихъ книгахъ находится все то же, что и въ нашихъ,—именно, что Христосъ есть нашъ Мессія; особенно это хорошо и умно доказываетъ преосвященный Өеодотій; кто побываетъ у него нѣсколько разъ, тотъ уже непремѣнно пожелаетъ креститься; и онъ всѣхъ поочередно къ себѣ призываетъ. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, ведутъ насъ къ нему по нѣсколько человѣкъ; у него мы и обѣдаемъ; а потомъ усаживаетъ онъ насъ за длинный столъ и учитъ,—что твой раввинъ! Право, я отъ него такія душеспасительныя рѣчи слышалъ, какихъ и дома не слыхивалъ; онъ доказывалъ, что нашъ законъ и наше вѣрованіе служило лишь приготовленіемъ обѣтованному Мессіи, Который своимъ пришестіемъ, упразднивъ все ветхозавѣтное, далъ намъ, согласно предсказанію пророка Іереміи, законъ новый—святое Евангеліе—«Брисъ Хадошо». Слыша все это, я не могъ далѣе упорствовать и, желая спасти душу свою, принялъ святое крещеніе. Я думаю, что если бы и ты теперь побылъ у насъ, также точно сдѣлался бы христіаниномъ: а какъ бы я желалъ этого?—Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что и ты сдѣлаешься христіаниномъ: я вижу, что этого требуетъ отъ насъ самъ Господь; каждый день у насъ въ Симбирскѣ крестятся по нѣскольку евреевъ; тоже и въ Казани и въ Перми, да и у васъ, какъ слышно, многіе крестятся:—не отставай и ты мой другъ, отъ добрыхъ людей. Прощай; пиши, какъ ты поживаешь.

Твой товарищъ—Ааронъ Шустеръ, нынѣ Өеодотій.

Симбирскъ. 1845 г.

«Вотъ какъ пишетъ твой товарищъ,—настоящій христіанинъ!»

*

«Читай-ко теперь ты свое письмо, Вульфъ!»

Вотъ содержаніе этого письма, адресованнаго комнѣ:

Любезный мой другъ, Вульфъ!

Не смущайся духомъ, что я изъ іудея - Мовша Гуральника сдѣлался христіаниномъ—Владиміромъ; не гнѣвайся наменя за то, что я оставилъ іудейство; ты знаешь, что я всегда хранилъ нашъ законъ, наши обряды и ученіе раввиновъ; но Богъ призвалъ меня въ церковь Христову чрезъ достойнѣйшаго архипастыря Владиміра, который доказалъ мнѣ и всѣмъ намъ, нашими же священными книгами, что ожидаемый нами Мессія давно пришелъ и что мы находимся въ великомъ заблужденіи и неиначе можемъ спастись, какъ только чрезъ вѣру во Христа. Я не въ силахъ описать тебѣ все то, что онъ намъ толковалъ и чему поучали насъ непрестанно его помощники—архимандритъ Климентъ и многіе другіе казанскіе священники, заботившіеся о нашемъ спасеніи. Говорятъ, что и у васъ въ Вольскѣ крестятся многіе; а какъ бы я радъ былъ, если бы и ты крестился. Бригадный тогда навѣрно соединилъ бы насъ вмѣстѣ и мы жили бы какъ братья; и я не теряю надежды на это. Прощай, братъ Вульфъ, остаюсь твой товарищъ Владиміръ.

Казань. 1845 г.

Изъ приведенныхъ писемъ видно, какъ велика была дѣятельность въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство, архипастырей и пастырей нашихъ. Ихъ дѣятельность была столь велика, что въ теченіе двухъ лѣтъ въ Казани и Симбирскѣ обращено было до двухъ тысячъ кантонистовъ-евреевъ: словомъ,—всѣ отъ малаго до великаго познали тамъ Христа.

По прочтеніи писемъ мною и Абалою, бригадный сказалъ:

«видите, какъ товарищи ваши умно пишутъ;—а вы слушаетесь ли своихъ учителей и наставниковъ?

— Слушаемъ, ваше пре—во!

— Плохо, знать, а то бы и вы были нашими братьями—православными христіанами.

— Въ которомъ ты классѣ?—спросилъ бригадный Абалу.

— Въ нижнемъ отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, плохо подвигаешься въ русской грамотѣ.

— А ты, Вульфъ, въ которомъ?

— Въ верхнемъ, ваше пре—ство!

— Молодецъ! сказалъ бригадный; а въ которой ты ротѣ?

— Въ 5-й, отвѣтилъ я.

— Какъ онъ себя ведетъ?—спросилъ бригадный у ротнаго командира, у стараго капитана Эльшина.

— Хорошо, отвѣчалъ капитанъ.

— Внушаете ли ему христіанскія истины?

— Какъ же, сказалъ капитанъ; я съ нимъ толковалъ нѣсколько разъ; онъ мнѣ далъ слово, что если прочтетъ всю Библію и узнаетъ изъ нея самъ превосходство христіанства надъ іудействомъ, то непременно окрестится.

— Помилуйте, сказалъ бригадный, будетъ ли въ томъ толкъ, если онъ и цѣлый вѣкъ самъ станетъ читать Библію съ еврейскимъ пониманіемъ?—Знаете ли, что раввины ихъ извращаютъ слово Божіе?—Отъ того они его и не могутъ понимать; вѣдь онъ съ еврейской Библіей не сегодня сталъ знакомиться; дѣло не въ чтеніи, а главное,—въ пониманіи; имъ нужно растолковать правильно св. Писаніе; и если мы этого не можемъ сдѣлать (а ротный командиръ, дѣйствительно не способенъ былъ къ миссіонерскому дѣлу,—онъ былъ только хорошій фрунтовикъ), такъ нужно обращаться къ свя-

щенникамъ: они съумѣютъ объяснить имъ и Библію и все, что нужно для спасенія ихъ». Бригадный вѣрно понялъ нашу уловку; мы, грѣшные, дѣйствительно, капитана, какъ говорится, за носъ водили; бывало, какъ увидитъ меня, — и спроситъ: «ну что, братъ Вульфъ, новаго? — скоро ли будешь христіаниномъ?» — «А вотъ, ваше бла—діе, какъ Библію дочитаю»; и тѣмъ отдѣлывались; но отъ бригаднаго нельзя было отдѣлаться. Онъ, покончивъ разговоръ съ нами, спросилъ полковника: «Иванъ Никитичъ, вы поведете завтра, по случаю воскресенья, русскихъ мальчиковъ въ церковь; — пристройте и еврейчиковъ съ лѣваго фланга; — пусть и они, хотя издали, посмотрятъ, какъ совершается православное богослуженіе». — «Вотъ тебѣ разъ, подумалъ я, попался я съ своей Библіей, изъ-за меня и другимъ придется быть завтра въ церкви». А евреи, нужно сказать, чуждаются и не любятъ христіанскихъ храмовъ.

Мы были приведены ротными командирами къ церкви; но никто изъ насъ не рѣшался взойти въ нее. Командиръ настаивалъ, а мы отказывались, говоря, что законъ запрещаетъ намъ это дѣлать. Въ это время вышелъ къ намъ и пастырь церкви и сказалъ: «дѣти! чего вы боитесь взойти въ русскую церковь! вамъ, вѣрно, натолковали евреи, что въ христіанскихъ храмахъ находятся идолы, оттого-то вы и удаляетесь отъ церкви.

— Да, батюшка, сказалъ я, вы угадали.

— Избави насъ Богъ, чтобъ мы покланялись идоламъ! Прошу васъ, дѣти, идите за мною, говорилъ священникъ. Я вамъ покажу, какими священными изображеніями наполненъ православный храмъ; вы тамъ увидите не идольскія изображенія, а изображенія древнихъ израильскихъ царей и пророковъ».

Слова эти заинтересовали насъ. Мы переглядывались другъ съ другомъ, потомъ нѣкоторые обратились ко мнѣ и спросили по своему: «залмингейнъ» то есть идти ли?—Отъ чего же не пойти, сказалъ я,—и первый пошелъ за священникомъ; а за мною пошли и всѣ прочіе. «Посмотрите-ка, израильтяне, сказалъ священникъ, не вашъ ли этотъ законодатель Моисей? Святыя скрижали въ рукахъ его. Вотъ и первый первосвященникъ Ааронъ, съ прозябшимъ жезломъ. Вотъ и всѣ ваши патріархи и пророки: Авраамъ, Исаакъ, Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ и проч. Неужели эти священнѣйшія изображенія можно назвать идолами? не грѣшно ли это!»—Мы всѣ извинились въ невѣдѣніи своемъ, ссылаясь на то, что намъ дома такъ евреи толковали. «То-то, дѣти, сказалъ священникъ, не всякому слуху вѣрить можно». Мы повеселѣе, стали разговаривать со священникомъ и охотнѣе разсматривали христіанскія иконы. Затѣмъ начался обрядъ таинства святаго крещенія надъ нѣкоторыми изъ собратій нашихъ.

И тутъ мы ничего худаго не видали. Послѣ крещенія, командиръ и священникъ поздравили новообращенныхъ со святымъ крещеніемъ и пожелали имъ душеспасенія, а насъ просили слѣдовать примѣру своихъ земляковъ. Священникъ довольно долго бесѣдовалъ съ нами о вѣрѣ, а въ заключеніе просилъ всѣхъ избрать изъ среды себя законника, съ которымъ бы могъ постоянно разсуждать о свящ. Писаніи и чрезъ него сообщать все намъ. Всѣ указали на меня, и я тутъ же взятъ былъ священникомъ въ его домъ.

Много нужно говорить, чтобы подробно передать все то, чему наставлялъ меня о. Петръ. Скажу только то, что онъ дѣйствовалъ въ дѣлѣ моего спасенія какъ истинный, человѣколюбивый пастырь. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ

для моего духовнаго назиданія; всегда миролюбиво выслушивалъ мои возраженія и съ обычною кротостію отвѣчалъ на нихъ. Слово Божіе было у него единственнымъ орудіемъ къ побѣдѣ моего невѣрія. Отецъ протоіерей любилъ болѣе читать мнѣ пророчества Исаіи и сличалъ приводимыя имъ мѣста объ Іисусѣ Христѣ съ еврейскимъ подлинникомъ. Это имѣло на меня большое вліяніе,—да и надобно отдать справедливость этому доброму наставнику, что онъ былъ чрезвычайно находчивъ въ дѣлѣ увѣщеванія. Если онъ видѣлъ, что я начиналъ гордиться происхожденіемъ отъ израиля,—то обыкновенно открывалъ такія обличительныя мѣста изъ свящ. писанія, изрѣченныя Духомъ Божіимъ объ израилѣ, что я краснѣлъ и вздыхалъ, не зная, что отвѣчать на такія слова. Тогда наставникъ мой, чтобы не дать мнѣ пасть духомъ перемѣнялъ тонъ обличительный и говорилъ такъ: «не унывай, другъ мой,—израиль будетъ всегда израилемъ; онъ избранъ къ спасенію и спасется. Вашъ же Савлъ (въ послѣдствіи св. Павелъ) говоритъ: *остатокъ израиля спасется*, и непремѣнно спасется святымъ крещеніемъ!... Вотъ еслибъ и ты рѣшился принять и принялъ бы святое крещеніе, то будешь спасенъ; ибо сказано: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ*. Такъ занимался сомною о. Петръ, и я каждый день передавалъ собратіямъ своимъ все, что слышалъ отъ моего наставника. Не было того дня, когда бы цѣлый кружокъ земляковъ моихъ не поджидалъ меня около квартиры и не желалъ услышать отъ меня чего либо новаго, касательно моего пренія со священникомъ. Земляки чаяли видѣть во мнѣ противоборника христіанству; почему ежедневно, отпуская меня на новую бесѣду, желали мнѣ счастливаго успѣха, то есть, чтобы я побѣдоноснѣе состязался со священникомъ.

— Докажи же ты, Вульфъ, русскому священнику, что наша вѣра есть одна святая, говорили они.

Но, увы, іудейство мое падало предъ христіанствомъ. Я каждый разъ былъ побѣждаемъ своимъ ученымъ наставникомъ. Однажды отецъ Петръ, отпуская меня вечеромъ домой, сказалъ: «помолись, Вульфъ, Богу; а я помолюсь за тебя Христу своему, *хотящему всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити*, чтобъ Онъ открылъ тебѣ свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Пора уже тебѣ, прибавилъ священникъ, образумиться и слѣдовать моему совѣту». Слова эти сильно прозвучали въ сердцѣ моемъ; ибо я убѣдился, что священникъ истинно заботится о моемъ спасеніи. Я едва тутъ же не изъявилъ желанія креститься; но меня все еще что-то удерживало. Я размышлялъ о томъ, какимъ образомъ измѣню я вѣрѣ своей,—той, въ которой родился и которую чтилъ многіе годы; далѣе о томъ, какими глазами я взгляну на моихъ товарищей, которые видѣли во мнѣ опору іудейскаго вѣрованія. Съ такими то мыслями я вышелъ изъ дома священника. Однако, слѣдуя его совѣту, я предался уединенной молитвѣ, слезно прося Бога, чтобы Онъ меня наставилъ на истинный путь. Утромъ я тоже молился и наложилъ на себя постъ. Господь услышалъ молитву мою. Въ минуты вечерняго моего моленія, пришелъ за мною отъ о. Петра причетникъ и просилъ поспѣшить къ нему. Я немедленно прибылъ къ священнику, который встрѣтилъ меня радушнѣе обыкновеннаго и спросилъ: «ну, что, Вульфъ, помолился ли ты Господу о своемъ спасеніи?

— Какъ же не молиться объ этомъ; мнѣ дорого спасеніе... Право, я давно уже томлюсь, и не знаю на что рѣшиться!

Въ это время къ намъ взошелъ мой ротный командиръ съ двумя новообращенными, именовавшимися миссіонерами, и нѣсколькими моими товарищами, прибывшими изъ Казани и желавшими со мною посовѣтоваться о вѣрѣ.

— Вотъ что, Вульфъ, сказали мнѣ земляки: эти два новообращенные законники доказываютъ нашими же книгами, что должно креститься. Скажи ты, есть ли это въ нашихъ книгахъ? Мы увѣрены, что ты тоже свѣдущь въ законѣ нашемъ и не солжешь.

— Прочти имъ, пожалуста, по своему, сказалъ мнѣ о. Петръ, это пророческое мѣсто. Онъ указалъ на 36-ю главу Іезекіиля. Я прочелъ, прочелъ и другое пророчество Исаіи. «Довольно!» сказали въ одинъ голосъ земляки мои; намъ не нужно еще иного свидѣтельства на то, что слѣдуетъ креститься. Мы сего же дня желаемъ быть христіанами.—Что, Вольфъ, сказалъ священникъ, инымъ открываешь путь ко спасенію, а самъ себѣ спасенія не желаешь? На тебѣ, какъ и на цѣломъ родѣ израильскомъ, сбывается то, что предрекъ пророкъ Давидъ. *да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти, и хребетъ ихъ выну сляцы.* Пора, давно пора узрѣть свѣтъ Христовъ! Я не находилъ словъ возражать противъ этого, и мысленно спрашивалъ самаго себя: почему отвергаю истину, давно мнѣ предлагаемую христіанскими пастырями? Внутренній голосъ говорилъ мнѣ: познай Христа! Мнѣ казалось, что это былъ голосъ неба,—и едва ли я ошибался. Оставаться въ невѣріи небыло уже моихъ силъ; я съ жаромъ проговорилъ моему наставнику: «батюшка! Я отъ души желаю креститься!»—Добрый пастырь весьма обрадовался и сказалъ: «благодареніе Господу, увѣнчавшему долговременный нашъ трудъ благимъ успѣхомъ! Теперь я надѣюсь, что ты сдѣ-

лаешься такимъ же ревностнымъ христіаниномъ, какъ былъ и іудеемъ, и будешь мнѣ содѣйствовать въ дѣлѣ обращенія собратовъ своихъ ко Христу.

Быстро разнеслась между земляками моими вѣсть, что я пожелалъ креститься. Многіе изъ нихъ, какъ новокрещенные, такъ и некрещеные прибѣжали ко мнѣ,—первые съ радостнымъ поздравленіемъ, а другіе съ обличеніемъ. Каждый изъ некрещенныхъ требовалъ отъ меня отвѣта въ томъ, что побудило меня измѣнить ихъ вѣрѣ. Что ты сдѣлалъ, Вульфъ? кричали нѣкоторые. Много обѣщалъ ты намъ;—ты всегда утѣшалъ насъ въ томъ, что будешь непоколебимъ въ нашей вѣрѣ, а теперь все забыто и нарушено тобою!» Я выслушалъ каждаго обличителя, и потомъ спокойно сказалъ: «братія мои! вы требуете отъ меня отвѣта въ оставленіи іудейства. Да позволено же мнѣ будетъ сказать вамъ, что я не могъ болѣе противиться гласу Божію, давно звавшему меня чрезъ сего пастыря къ спасенію. Вы сами избрали меня, и избрали для того, чтобы я правдиво слѣдилъ за истиной,—за тѣмъ, чья вѣра есть правая,—и я слѣдилъ, я уразумѣлъ, что вѣра христіанская есть вѣра правая и святая. Потому-то я и рѣшился ее принять. Отъ души желалъ бы, чтобы и вы, послѣдовали моему примѣру. Вы давно знаете меня, знаете что я не любилъ и не люблю лгать. Вѣрьте же мнѣ, что я по чистосердечному убѣжденію хочу быть христіаниномъ, чего и вамъ желаю». Между слушателями въ это время господствовало глубокое молчаніе. Рѣчь моя произвела почти на всѣхъ благотворно-убѣдительное дѣйствіе. Господь такъ осчастливилъ мое первое слово, что изъ слышавшихъ оное разомъ 20 человѣкъ пожелали креститься; а въ день моего крещенія пожелали еще 10 человѣкъ, которыхъ я уже ус-

нѣлъ напутствовать совѣтомъ. По принятіи св. крещенія, я началъ часто ходить въ церковь, слушать внимательно слово Божіе и поставилъ себѣ за правило ежедневно прочитывать нѣсколько главъ изъ Евангелія и другихъ поучительныхъ книгъ. Въ короткое время, я, по милости Божіей, довольно ознакомился съ христіанскимъ ученіемъ и старался по возможности передавать оное собратіямъ своимъ, которые, слушая меня, охотно обращались съ вѣрою къ Іисусу Христу; такъ что въ непродолжительномъ времени вся партія наша, состоящая изъ 80 человѣкъ, при общемъ стараніи о. Петра, двухъ новообращенныхъ и моемъ, приняла святое крещеніе. Каждое, содѣйствующее этому, лице получило достойную награду, а двухъ новообращенныхъ, какъ болѣе обратившихъ на себя вниманіе, по Высочайшему повелѣнію, приказано было переименовать изъ военнаго званія въ духовное и, отправить сначала въ Казанскую семинарію, потомъ въ академію, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса, сдѣлать ихъ священниками и миссіонерами *). По отправленіи упомянутыхъ лицъ въ Казанскую семинарію, о. Петръ призвалъ меня и еще другихъ извѣстныхъ ему новокрещенныхъ лицъ и объявилъ намъ, что «жатвы предстоитъ много, а дѣлателей мало. Къ намъ назначено, говорилъ онъ, до 500 человѣкъ рекрутовъ изъ евреевъ. Будемъ общими силами стараться для блага ближняго, для блага братій вашихъ, заблудшихъ сыновъ израиля. Имѣйте въ виду, дѣти, заповѣдь апостола Іакова, *яко обративый грѣшника отъ*

*) Одинъ изъ нихъ—Кузнецкій теперь находится священникомъ въ Полтавѣ, а другой въ Одессѣ.

заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ.

Побесѣдовавъ довольно съ нами, о. Петръ благословилъ насъ и отпустилъ. Такимъ образомъ, изъ четырехъ новообращенныхъ составилась въ г. Вольскѣ какъ бы миссія. Одно было у насъ на умѣ: пецись объ обращеніи израиля ко Христу. Мы постоянно пребывали въ единодушіи, читали вмѣстѣ слово Божіе и усердно молились Іисусу Христу, чтобы онъ руководилъ насъ немощныхъ въ важномъ, предстоящемъ дѣлѣ.

Наступилъ день, въ который надлежало прійти партіи. Мы отслужили молебенъ Спасителю и, призвавъ его въ помощь, пошли встрѣчать своихъ единоплеменниковъ, между которыми нашли много земляковъ. Скоро мы подружились, читали землякамъ въ ротахъ и командахъ слово Божіе на еврейскомъ языкѣ, а это имѣло большое вліяніе на слушателей. Дѣло обращенія невѣрующихъ ко Христу пошло такъ быстро и счастливо, что нельзя было не удивляться помощи Божіей, чудно явившейся для израиля въ маломъ г. Вольскѣ! Всѣ такъ единодушно трудились для спасенія ближняго, что и граждане и жены ихъ не мало способствовали успѣху въ святомъ дѣлѣ. Въ короткое время Господь благословилъ нашъ общій трудъ. Всѣ 500 человѣкъ изъявили желаніе быть христіанами.

Не лишнимъ считаю передать, какъ торжественно совершился обрядъ таинства св. крещенія надъ многочисленными моими собратіями въ Вольскѣ. Назначенный день для сего священнаго дѣла, былъ день майскій, день самый благопріятный. Казалось, что и самое небо привѣтствовало израильтянъ, грядущихъ отъ тмы, къ свѣту. По утру, въ 8 часовъ,

потянулись длинные ряды юныхъ воиновъ, желавшихъ приступить къ святому крещенію, и были сопровождаемы баталіонной музыкой до самаго параднаго мѣста, гдѣ уже ожидало ихъ православное духовенство, многіе граждане и воспріемники съ воспріемницами.

Торжественно двинулась вся процессія съ хоругвіями къ Волгѣ. Впереди шло духовенство и военные чины; а за ними кантонисты, готовящіеся принять св. крещеніе; на Волгѣ былъ устроенъ Іорданъ.

Священники стали на приготовленныя имъ мѣста; за ними стали воспріемники и воспріемницы съ крестниками. Начался обрядъ таинства св. крещенія. Нельзя изобразить той величественной картины, какая представилась зрителямъ въ эти священныя минуты!... Вся церемонія снята была съ натуры художникомъ Шуевымъ и представлена была высшимъ военнымъ начальствомъ въ Бозѣ почившему Государю Императору Николаю Павловичу, вмѣстѣ съ представленіемъ о всѣхъ сотрудникахъ въ обращеніи евреевъ въ христіанство. Каждый изъ участвовавшихъ въ богоугодномъ дѣлѣ былъ Высочайше награжденъ, въ томъ числѣ и я. Отрадно мнѣ всегда повторять слова всемилостивѣйшаго приказа:

«Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. военнаго министра, за содѣйствіе въ обращеніи евреевъ ко Христу, всемилостивѣйше произвелъ кантониста Александра Алексѣева въ унтеръ-офицеры, 1848 году января 22 дня. И за таковое же успѣшное содѣйствіе къ обращенію кантонистовъ изъ евреевъ Высочайше награжденъ денежно въ 1851 г. О таковой Высочайшей милости объявлено по баталіону военныхъ кантонистовъ».

Вслѣдъ за симъ послѣдовало распоряженіе военнаго мини-

стра, чтобы командиръ саратовскихъ батальоновъ полковникъ С—овъ назначилъ изъ Вольска въ 1-й учебный полкъ кантониста изъ евреевъ, болѣе опытнаго въ обращеніи своихъ соотечественниковъ въ христіанство. О. Петръ благословилъ меня на это святое дѣло и, согласно назначенію командира, я отправился въ учебный полкъ.

Мнѣ пришлось идти чрезъ г. Саратовъ, куда и прибылъ я въ Воскресенье. Такъ какъ еще было довольно рано, то я и отправился въ Соборъ, чтобъ отстоять обѣдню и увидѣть незабвеннаго архипастыря, преосвященнаго Іакова, отъ котораго бы могъ принять благословеніе на предстоящій мнѣ путь и миссіонерское дѣло. Но каково было мое удивленіе, когда я вмѣсто его, увидѣлъ вновь прибывшаго въ саратовскую епархію преосвященнаго Аѳанасія (нынѣ епископа Астраханскаго). Сначала это меня смутило, но услышавъ его архипастырское богослуженіе, котораго я, какъ новообращенный Іудей, не имѣлъ еще счастія доселѣ слышать,—я духомъ успокоился. Каждое священно-дѣйствіе архипастыря, его возгласы, раздававшіеся довольно внятно по церкви, восхищали мою душу. Вотъ гдѣ, подумалъ я, славится нынѣ имя Святѣйшаго изъ Святыхъ, въ православномъ храмѣ. Архіерейское богослуженіе такъ подѣйствовало на мою душу и такъ расположило меня къ преосвященному, что я искренно пожелалъ быть у него, и таки прямо, по выходѣ изъ церкви, отправился въ архіерейскій домъ; но будучи никто болѣе, какъ кантонистъ, одѣтый въ солдатскій мундиръ, я не могъ обратить на себя вниманія и келейника, который не рѣшался доложить обо мнѣ преосвященному и только письмоводитель архіерейскій, снисходя къ моей просьбѣ, доложилъ обо мнѣ владыкѣ. Преосвященный тотчасъ принялъ меня, и довольно ласково; узнавъ,

что я недавно сдѣлался христіаниномъ и теперь, по распоряженію военнаго начальства, отправляюсь въ учебный полкъ, въ качествѣ мессіонера, онъ благословлялъ меня непрестанно и говорилъ: радъ, мой другъ, видѣть такого человѣка, который и самъ сдѣлался православнымъ христіаниномъ и другихъ собратовъ своихъ желаетъ привести къ Іисусу Христу. Богъ, хотящій спасенія человѣковъ, да поможетъ тебѣ въ этомъ.

Поговоривши со мною, архипастырь спросилъ меня: «ты навѣрно, другъ мой, знаешь хорошо еврейскій библейскій языкъ».

— Знаю, владыка, отвѣтилъ я.

Архипастырь удалился въ другую комнату и вынеся оттуда еврейскую библію, сказалъ: «прочтика» это мѣсто, указывая на 1-ю главу Исаіи. Я началъ читать довольно скоро, какъ обыкновенно читаютъ нынѣшніе евреи. Владыка меня остановилъ и сказалъ: «не совсѣмъ то правильно произносишь. Древніе евреи вотъ какъ читали... И началъ нараспѣвъ читать довольно протяжно: «Шими—гашомаимъ!! Веазини эрецъ!—ки—пи—Іегова,—ди беръ!.. то есть: слушай небо и внуши землѣ, яко Господь возглагола (Исаія, 1 гл. ст. 2). Я не въ состояніи выразить тотъ душевный восторгъ, который испытывалъ тогда, услышавъ, что христіанскій архипастырь такъ хорошо читаетъ по еврейски. Признаться, и стыдненько было мнѣ, что онъ поправлялъ меня, природнаго еврея, въ чтеніи. Но то высокое знаніе, которымъ обладалъ преосвященный Афанасій, дало ему полное право на то. Послѣ долговременной бесѣды со мною, владыко, сдѣлавъ мнѣ наставленіе, какъ приводить моихъ собратовъ къ вѣрѣ Христовой, благословлялъ меня многократно, и по-

желавъ мнѣ благополучнаго пути, ушелъ. Скоро прибылъ я въ полкъ.

Полковые солдаты изъ евреевъ, узнавши о цѣли моего прибытія, донельзя озлобились на меня; они вслѣдъ кричали мнѣ: «не затѣмъ ли вы пожаловали къ намъ въ полкъ, чтобы и насъ, какъ кантонистовъ, обратить въ христіанство? Напрасно; здѣсь вы ничего не успѣете. Здѣсь некогда думать о вѣрѣ; всѣ заняты фрунтовымъ ученіемъ и пунктиками, а вы ничего этого не знаете. Вамъ бы лучше отправиться куда нибудь въ другое мѣсто; а здѣсь бригадный, пожалуй, сорветъ съ васъ галунки». Признаться, я, какъ человѣкъ, началъ скорбѣть, и въ скорбяхъ искалъ утѣшенія въ одномъ Богѣ. Я отправился въ храмъ и просилъ полковаго священника отслужить молебенъ Христу Спасителю. Священникъ, исполнившій мое желаніе, спросилъ меня: «о чемъ ты грустишь? Ты вѣрно новичекъ?»

— Да, батюшка, я недавно прибылъ сюда въ полкъ для обращенія евреевъ въ христіанство.

— А! такъ это вы-то новообращенный миссіонеръ изъ евреевъ? Пріятно видѣть васъ. Полковой нашъ командиръ давно говорилъ мнѣ о васъ, что вы гдѣ-то обратили множество собратовъ своихъ ко Христу, и что для сей же цѣли васъ и сюда назначили. Но не думаю, чтобы вы могли здѣсь много успѣть. Здѣсь вѣдь не кантонисты, а закоренѣлые солдаты».

— Что дѣлать, батюшка, уповаю на милосердіе Божіе; вѣрю, что Христосъ, призвавый меня ко спасенію, поможетъ мнѣ и здѣсь сдѣлать что нибудь для церкви Христовой!

— Помоги вамъ Господи! сказалъ священникъ. Прошу покорно жаловать ко мнѣ. Будемъ трудиться вмѣстѣ для спасенія заблудшаго израиля.

— Благодарю васъ, батюшка. Откровенно скажу вамъ, что я давно желалъ быть у васъ, но меня нѣкоторые евреи отговорили. Они говорили, что вы, какъ священникъ военный, держите себя недоступнымъ для солдатъ.

— Неправда! мои двери отворены для всѣхъ и каждаго. Вѣроятно, евреи не совѣтовали вамъ со мною знакомиться съ тою цѣлію, чтобы мы вмѣстѣ не могли успѣшно дѣйствовать въ обращеніи ихъ въ христіанство.... Прошу покорно сейчасъ же ко мнѣ.

Мы отправились, и, по приходѣ въ домъ, священникъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ: «скажите пожалуста, какъ вы, будучи самъ недавно евреемъ, такъ много успѣли обратить своихъ собратій въ христіанство? Желалъ бы я знать, хорошо ли вы еще сами то ознакомлены съ догматами христіанскаго вѣроученія? Въ силахъ ли вы правильно истолкавывать ветхозавѣтныя пророчества, касающіяся Іисуса Христа? Объясните мнѣ, напримѣръ, пророчество Даніила, содержащееся въ девятой главѣ его книги.

Я объяснилъ это пророчество такъ, какъ объясняютъ его учители христіанской церкви.

Священникъ, повидимому, остался доволенъ.

— Мнѣ хотѣлось бы, продолжалъ онъ, послушать, какъ вы на дѣлѣ бесѣдуете съ евреями, и о чемъ вы болѣе толкуете съ ними?

— Батюшка! трудно передать все то, что я имъ въ то время внушаю. Я, какъ человѣкъ малоученый, не излагаю бесѣды свои въ формѣ и не готовлюсь много къ собесѣдованію съ ними. Я вѣрю отъ души обѣтованію Спасителя, данному апостоламъ, а въ лицѣ ихъ всѣмъ проповѣдывающимъ слово Божіе, что *дастся глаголъ*.

— Правда ваша; вижу что вы соотвѣтствуете своему назначенію; однако все-таки прошу поговорить съ однимъ упорнымъ солдатикомъ нашего полка. Я же кстати послалъ за нимъ.

Вскорѣ предсталъ предъ нами призванный еврей.

— Поговорите-ка, г. миссіонеръ, съ нимъ,—обратился ко мнѣ священникъ.

— Я долго толковалъ съ своимъ единоплеменникомъ. Священникъ, послушавъ нашего собесѣдованія, прервалъ рѣчь нашу и спросилъ еврея: послѣдуешь ли ты совѣту своего земляка? Вѣдь онъ былъ такой же израиль, какъ и ты; кстати, я прочту тебѣ рѣчь вашего раввина Самуила... И началъ читать книгу подъ заглавіемъ «Золотое сочиненіе». Долго слушалъ его еврей. Наконецъ, утомленный священникъ спросилъ еврея: «а что, братецъ, понялъ ли ты, о чемъ тутъ говорится?»

— Понялъ, батюшка.

— Скажи же, хочешь ли подражать въ вѣрѣ своему раввину Самуилу и думаешь ли быть христіаниномъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, батюшка! Самуилъ раввинъ мнѣ не указъ. И зачѣмъ оставлять мнѣ вѣру свою и всѣ убѣжденія свои ради Самуила?

— Да не ради Самуила, сказалъ священникъ, а ради своего спасенія! Извольте-ка потолковать съ подобными людьми, а ихъ у насъ не мало! Мнѣ кажется что если бы и пророкъ всталъ изъ мертвыхъ и проповѣдывалъ Христа, то они и того бы не послушали.

— Какъ такъ, сказалъ видимо обиженный еврей: пророковъ-то мы слушали, и готовы всегда ихъ слушать. Кто болѣе насъ, израильтянъ, чтилъ пророка Моѵсея и другихъ пророковъ, какъ-то: Исаію, Іеремію, Іезекіиля и Даніила? а вѣдь они были всѣ евреи, и мы ихъ писаніе свято чтимъ.

*

Да, устами то вы ихъ чтите, но сердцемъ далеко отстоите отъ нихъ. На васъ сбывается то, что говоритъ объ израилѣ одинъ изъ этихъ пророковъ: *приближаются мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами своими почитаютъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене* (Ис. 29, 13). О, если бы вы слушали пророковъ! сказалъ священникъ, и вникнули бы хорошенько во все то, что говорится въ ихъ книгахъ о Іисусѣ Христѣ, тогда бы вы давнымъ-давно увѣровали въ Него.

— Батюшка, возразилъ еврей, со мною нечего толковать; есть въ нашемъ полку болѣе меня свѣдующіе въ еврейскомъ законѣ. Кстати же намъ велѣно всѣмъ завтра собраться въ манежъ, чтобы послушать ихъ проповѣди (при этомъ онъ указалъ на меня). Затѣмъ онъ поклонился и ушелъ; тѣмъ и кончилась наша бесѣда.

Простился и я со священникомъ, и пошелъ вслѣдъ за солдатомъ. Не смотря на то, что онъ показывалъ изъ себя человѣка не ученаго и грубаго, онъ мнѣ понравился. Я замѣтилъ, что онъ вовсе не такъ малосвѣдущъ въ еврейскомъ законѣ, какъ выставлялъ себя передъ священникомъ. Много есть евреевъ, которые, желая отдѣлаться отъ дальнѣйшихъ сужденій съ христіанами о вѣрѣ, представляютъ изъ себя незнайку: таковъ и былъ нашъ собесѣдникъ. Догнавши его, я завелъ съ нимъ рѣчь, но уже не о религіи, чтобъ не наскучить ему этимъ, а спросилъ его, какой онъ губерніи. Онъ, отвѣтивъ, спросилъ и меня: а вы откуда?—Изъ Каменецъ-Подольска, отвѣтилъ я.—Изъ Подольска! такъ у васъ есть въ нашемъ полку землякъ, и очень хорошій и ученый по нашему человѣкъ; его зовутъ Абрамъ Богданъ. Разговоръ пошелъ совсѣмъ другой. Солдатъ сталъ гораздо откровеннѣе. Признаться вамъ, говорилъ онъ, я не совсѣмъ-то плохо

ученъ по своему; но не хотѣлось мнѣ говорить со священникомъ, и вотъ почему: онъ на дняхъ окрестилъ какого-то вольнаго еврейчика, ходившаго по полку съ разною мелочью; онъ его пріютилъ къ себѣ и уговорилъ креститься. Мы, узнавъ объ этомъ, дали знать матери его, вдовѣ, которая не замедлила пріѣхать къ намъ въ полкъ. Она была нѣсколько разъ у священника и просила его не крестить ея сына, но онъ не внялъ ея мольбѣ, а согласился скорѣе исполнить просьбу мальчика, которому, не знаю почему-то, хотѣлось сдѣлаться христіаниномъ, и таки окрестилъ его. Вотъ съ того-то времени я особенно возненавидѣлъ священника.

— Согласитесь, сказалъ я моему собесѣднику, вѣдь онъ это сдѣлалъ по долгу пастырскому и ради спасенія ближняго.

— Оставьте, пожалуста, эту рѣчь; вы все-таки нашъ соотечественникъ, и должны сострадать объ этой несчастной старухѣ.

— Боже мой, подумалъ я, если обращеніе одного навлекло такую ненависть на священника, то чтоже меня ожидаетъ? Да! мнѣ и пришлось испытать многое, какъ читатель увидитъ это далѣе. Но вотъ замѣчательно, что этотъ самый еврей, который такъ враждовалъ на священника за приведеніе одного еврея въ христіанство, не замѣтно для самаго себя, служилъ христіанскому дѣлу. Онъ первый указалъ мнѣ, какъ и съ кѣмъ вести бесѣду о вѣрѣ, которую я, по милости Божіей, и повелъ съ успѣхомъ для церкви христіанской. Ужъ если вы имѣете желаніе поговорить о священномъ писаніи и относительно религіи, то рекомендую вамъ вашего земляка Абрама Богданова.

— Сдѣлайте милость, сказалъ я, сведите меня къ Богданову

вѣдь это мой искренній другъ; мы съ нимъ изъ одного мѣстечка и въ одинъ день поступили на службу, и онъ, какъ старшій лѣтами, замѣнялъ мнѣ въ отдѣленіи кантонистовъ отца и наставника вѣры.

— Извольте, хоть далеко, а поведу васъ къ нему. Шли мы довольно долго.— А скоро ли, спросилъ я, дойдемъ мы до Богдана?

— Вотъ пройдемъ Аракчеевскій кадетскій корпусъ, а тамъ и начнутся казармы 3-го баталіона, въ которыхъ онъ и живетъ. Скоро прибыли мы въ то капральство, гдѣ увидѣлъ я Богдана. Я его тотчасъ узналъ,—а онъ глядѣлъ на меня пристально, и что то худо узнавалъ,—и неудивительно: онъ оставилъ меня мальчишкой въ Казани. Поздоровавшись, я объявилъ Богдану, что я—младшій его товарищъ, бывшій Вульфъ, и что я очень радъ тому, что Господь привелъ еще разъ увидѣть стараго друга и прежняго спутника жизни моей и вѣры.

— И я очень радъ, говорилъ Богданъ, видѣть тебя любезный Вульфъ. Но не скрою скорби моей и сожалѣнія, которыми полна душа моя съ того времени, какъ я узналъ, что ты отпалъ отъ вѣры, въ которой родились мы, и которая внушена намъ съ юныхъ лѣтъ.

— Знаю,—тебѣ прискорбно видѣть меня христіаниномъ.

— Разумѣется, прискорбно! Я наслышанъ, что прочіе товарищи наши, съ которыми ты неоднократно защищалъ вѣру нашу противъ христіанскихъ законоучителей, посѣщавшихъ наши классы два раза въ недѣлю, для приведенія насъ въ христіанство, и теперь еще находятся въ своемъ законѣ.

— Скажи, пожалуйста, сколько изъ числа 80 человѣкъ, отправленныхъ съ тобою въ саратовскіе баталіоны, приняло христіанство?

— Вся партія наша, безъ исключенія, приняла св. крещеніе.

— Богъ съ ними! Всѣ они, по моему мнѣнію, несчастны, потому-что лишились имени Израиля. Впрочемъ, ихъ мнѣ не такъ жаль; а о тебѣ очень сожалѣю, вопервыхъ потому, что я поручился хранить тебя, какъ зеницу ока, въ религіи нашей; вовторыхъ, въ цѣломъ семействѣ вашемъ нѣтъ отступника отъ закона и вѣры іудейской. Не сердись на меня.

— За что сердиться? Одно спрошу: за что каждый изъ васъ не терпитъ новокрещеннаго еврея?

— Какъ за что? Если бы вы не крестились, можетъ быть давно бы пришелъ Мессія. А за вашъ грѣхъ и мы страдаемъ. Ты знаешь, что грѣхъ одного вредитъ цѣлому народу.

— Каждый человѣкъ дастъ за себя отчетъ Богу въ день суда.

— Что ни говори, а все тебя жаль! Разскажи, Вульфъ, давно-ли ты крестился?

— Вотъ уже восьмой годъ, какъ свѣтъ небесный озарилъ меня, какъ благодать Божественная коснулась меня, обновивъ меня въ св. крещеніи. Имя мое теперь не Вульфъ Нахласъ а Александръ Алексѣевъ; восьмой годъ, какъ я оставилъ невѣріе бѣдствующихъ братьевъ моихъ, и по любви къ нимъ стараюсь всѣми силами души моей, при Божіей помощи, призывать ихъ изъ тмы въ чудный свѣтъ Христовъ. Любя моихъ братьевъ и желая имъ спасенія, я, съ согласія начальства, прибылъ въ вашъ полкъ, для увѣщеванія васъ, единоплеменниковъ моихъ, чтобы обратились вы къ вѣрѣ во Іисуса Христа, истиннаго Мессію, ожидаемаго родомъ нашимъ.

— О, Боже мой, что я слышу! ты, другъ мой, поразилъ меня этими словами. Кто, будучи къ тебѣ такъ близокъ, какъ

я, не сталъ бы теперь со мною оплакивать твою участь? А родители прольютъ рѣки слезъ, какъ узнаютъ о твоемъ отступничествѣ. Ты помнишь, какъ они умоляли насъ при разлукѣ, чтобы мы пребыли вѣрными вѣрѣ отцевъ нашихъ. Какъ теперь я помню, какъ ты клялся отцу своему сохранить нашу вѣру, а сдержалъ ли ты эту клятву?

— Правда, я нарушилъ свое обѣщаніе. Но, скажи, кто болѣе, родители или Богъ? Что лучше сдѣлать, исполнить ли неразумную дѣтскую клятву, данную мною родителямъ, или покориться провидѣнію Божію, воззвавшему меня, какъ нѣкогда Авраама, изъ заблужденія къ вѣрѣ святой?—Долго я колебался въ своихъ размышленіяхъ, боясь нарушить клятву, данную отцу въ соблюденіи іудейства, я, по разлукѣ съ тобою, еще 7 лѣтъ оставался въ своемъ законѣ. Но приходя въ совершенный возрастъ, я началъ читать съ особеннымъ вниманіемъ нашу же библію, и она-то открыла мнѣ, что нѣсть инаго пути ко спасенію для израиля, какъ увѣровать во Христа, поэтому-то я и принялъ св. крещеніе.—Долго продолжалось наше бесѣдованіе. Слова мои нашли сочувствіе у Богдана и у другаго еврея.

— Ты усталъ, любезный Вульфъ, сказалъ Богданъ, отдохни, завтра поговоримъ еще объ этомъ; кстати же всѣмъ намъ, евреямъ, велѣно завтра собраться въ манежъ, гдѣ вы, какъ сказано въ полковомъ приказѣ, будете намъ, въ присутствіи гг. офицеровъ, читать св. наши книги. Этимъ и закончилась наша первая бесѣда.

По утру, дѣйствительно, всѣ солдаты изъ евреевъ собраны были въ манежъ. Туда приглашенъ былъ полковой священникъ о. Г. О—ій и я. Много добраго говорилъ христіанскій наставникъ собравшимся, но лишь только зашла рѣчь

о святомъ крещеніи, всѣ въ одинъ голосъ сказали: что ни гогорите, батюшка, креститься не станемъ. Намъ не для чего оставлять свою вѣру, – мы первый народъ у Бога. Нашъ законъ древній, законъ Моисеевъ нисколько не хуже вашего новаго, христіанскаго закона.

Израильтяне! возразилъ священникъ, знайте, что законъ Моисеевъ, какъ законъ вѣтхій, есть ни что ное, какъ сѣнь закона,—прообразъ новозавѣтной благодати, при свѣтѣ которой видимъ нынѣ ясное исполненіе на Іисусѣ Христѣ предсказаній пророковъ; повѣрьте мнѣ, что вся древняя, какъ сѣнь подзаконная, мимо идоша....

Слышавшіе слова священника обратились ко мнѣ съ такою рѣчью: «скажите вы, о чемъ это толкуетъ священникъ? Дѣло идетъ о вѣрѣ, а онъ все хлопочетъ о сѣнѣ.

Я объяснилъ слушателямъ слова священника по своему. Они немного утихли. Въ это время я ударилъ рукою по столу, сохраняя пріемъ обыкновеніе еврейскихъ проповѣдниковъ, которые, предъ начатіемъ всякой проповѣди, такъ предваряютъ слушателей, чтобы они были внимательны къ поученію, и началъ громко читать первую главу пророчества Исаіи, зная, что ничѣмъ болѣе нельзя подѣйствовать на сердце гордящагося происхожденіемъ и закономъ израиля, какъ этимъ пророчествомъ. И я не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Едва прочелъ я первый и второй стихъ означеннаго пророчества, какъ между слушателями раздались вздохи. Замѣтно было, что сердце каждаго было открыто къ принятію словъ любимаго пророка. Только старшій изъ собранія гордо сказалъ: «знайте, сколько бы мы не согрѣшили предъ Богомъ, Онъ насъ никогда не оставитъ: мы все-таки

Его возлюбленный народъ, какъ Онъ Самъ о насъ говоритъ: *израиль Мой возлюбленный*!

— Да, братцы мои, сказалъ я, мы были нѣкогда избранники Божіи, языкъ святъ; а нынѣ вотъ какъ величаетъ израиля пророкъ Исаія: *увы, языкъ грѣшный, людіе исполнени грѣховъ, сѣмя лукавое, сынове беззаконніи, остависте Господа и разгнѣвасте святаго Израилева*. По прочтеніи сего пророчества и другихъ обличительныхъ мѣстъ изъ пророчества Исаіи, многіе изъ собранія, состоявшаго изъ двухсотъ человѣкъ, жалостно спрашивали меня: «что же намъ дѣлать, чтобы спасти себя отъ гнѣва Божія?»

— *Измыйтеся и чисти будете.*

— Неужели эти слова, закричалъ снова старшій изъ евреевъ, относятся къ вашему крещенію?

— Не сомнѣнно такъ, отвѣчалъ я. Въ этомъ увѣряютъ васъ книги ветхаго завѣта. Вода крещенія, по словамъ Исаіи и Іезекіиля, можетъ возродить израиль ко спасенію: *И воскроплю на вы воду чисту, и очиститеся отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ, и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ*. То же почти самое говорится и въ новомъ завѣтѣ: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ*.

Долго продолжалось бесѣдованіе мое съ братіями единоплеменниками, и эта бесѣда сдѣлала то, что многіе изъ нихъ перестали меня презирать. А то, бывало явишься въ какую нибудь роту или команду, первый, увидавшій меня, кричалъ вслѣдъ: «вотъ измѣнникъ вѣры! вотъ вороченный жидъ!» и вообще повсюду встрѣчали меня язвительными насмѣшками, но я все терпѣливо переносилъ до времени, пока означенная счастливая для меня бесѣда умягчила сердца ожесточенныхъ враговъ моихъ. Они сдѣлались вдругъ моими близкими со-

бесѣдниками, стали сами заискивать моей дружбы, стали посѣщать меня. Впрочемъ, этому я былъ много обязанъ и Богдану, который въ свою очередь не мало располагалъ ко мнѣ евреевъ-соотчичей. Бывало, въ какую бы я роту не пришелъ и куда бы не сталъ собирать евреевъ потолковать съ ними о вѣрѣ, Богданъ первый являлся ко мнѣ и своимъ вліяніемъ на некрещеныхъ былъ мнѣ полезенъ, поэтому я одно только просилъ у Бога, чтобъ онъ помогъ мнѣ обратить Богдана и другаго еврея въ христіанство, такъ какъ они были болѣе другихъ учены и казались мнѣ близкими къ сознанію вѣры Христовой. Однажды, какъ теперь помню, вечеромъ, въ 12 часовъ, прибѣжалъ ко мнѣ занимавшій должность уставщика, тотъ самый, который больше всѣхъ враждовалъ на священника. Онъ требовалъ, чтобы я вышелъ къ нему на улицу. Полковой священникъ, у котораго я имѣлъ постоянное жилище и съ которымъ единодушно дѣйствовалъ въ обращеніи евреевъ ко Христу, удерживалъ меня не идти съ евреемъ, опасаясь, чтобъ не причинили мнѣ зла. «Я наслышанъ, говорилъ онъ, что евреи всѣ возстаютъ противъ васъ». Но меня ни что не удержало, хотя я и зналъ, какъ нѣкоторые ожесточены противъ меня. Съ полнымъ упованіемъ на Господа Іисуса Христа, я вышелъ на улицу съ евреемъ. Тогда былъ ровно часъ по полуночи. Два еврея поджидавшіе меня, стояли съ фонарями. Ужасъ объялъ меня; я вспомнилъ, какъ отцы сихъ людей являлись также съ фонарями за Христомъ. Однако, собравшись съ духомъ, я смѣло спросилъ поджидавшихъ меня: «чего вы хотите отъ меня, братія мои?» —Мы одного хотимъ—порѣшить съ вами, отвѣчали они.—У страха, какъ говорится, глаза велики: мнѣ послышалось, будто они сказали, что желаютъ меня порѣшить,—а рѣшеніе у евреевъ пропо-

вѣдникамъ было почти всегда одно—смерть. «Други мои, сказалъ я сквозь слезы, дѣлайте со мною, что хотите. Я не лучше Исаіи и всѣхъ другихъ, которые, любви ради къ израилю, отъ израиля же получили въ награду смерть. Но одно навсегда повторяю вамъ: горе вамъ, незнающимъ Христа!

— Заклинаемъ васъ Богомъ живымъ, прокричали всѣ въ одинъ голосъ, чтобъ вы намъ говорили сущую правду: Сынъ ли Божій Іисусъ Христосъ? Мессія ли онъ нашъ?

Братія мои! въ этомъ увѣряетъ васъ самъ Богъ и всѣ ветхозавѣтные пророки, свидѣтельствующіе о Христѣ, яко о Единородномъ Сынѣ Божіемъ. Неужели все то, что было мною вамъ многократно читано въ собраніи, въ моленной и на улицѣ, не убѣждаетъ васъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Мессія избавитель израилевъ, родившійся въ опредѣленное пророками лѣто, жившій и умершій собственно для спасенія человѣка? Ужели вы, не довольствуясь свидѣтельствомъ закона и пророковъ, требуете моего немощнаго свидѣтельства и клятвы? Хорошо,—если моя клятва нужна въ дѣлѣ вашего спасенія, то клянусь вамъ всемъ, что есть священнаго на небѣ и на землѣ,—клянусь животомъ моимъ и всѣмъ, что есть драгоцѣннаго для жизни моей временной и вѣчной, что я чистосердечно исповѣдую Христа, вѣрю, что онъ есть Сынъ Божій Мессія и Спаситель израилевъ! Какая мнѣ польза соблазнять васъ? *Горе соблазнителю*, сказано въ писаніи. Я такъ много хлопочу о васъ потому, что желаю вамъ спасенія, что законъ еврейскій велитъ каждому пещись о ближнихъ. *Иже вѣру имѣетъ и крестится, спасенъ будетъ*.

— Если такъ, сказалъ старѣйшій изъ нихъ, если все то вѣрно, что вы намъ толкуете, то мы желаемъ слѣдовать вашему совѣту; я первый желаю быть послѣдователемъ Хри-

ста, коего вы называете нашимъ Мессіею. И надѣюсь, что товарищи мои послѣдуютъ моему примѣру. А Богданъ вашъ, какъ кажется мнѣ, уже давно въ душѣ христіанинъ онъ только не объявляетъ объ этомъ; ему, какъ ревностному іудею, совѣстно первому отказаться отъ своихъ вѣрованій, а между тѣмъ каждый разъ послѣ вашей бесѣды съ нимъ, передаетъ всѣмъ намъ все то, что слышитъ отъ васъ, и съ своей стороны признаетъ, что слова ваши истинны и доказываютъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Мессія. Я увѣренъ, продолжалъ онъ, что Богданъ вашъ не отстанетъ отъ насъ; пошлите за нимъ теперь же. Я послушался его. Скоро прибылъ Богданъ и дѣйствительно оправдалъ слова, сказанныя старшимъ.

Долго продолжалось наше собесѣдованіе на улицѣ; я просилъ всѣхъ взойти со мною къ священнику, они послушались, и, потолковавши между собою, объявили, что хотятъ быть христіанами. Вскорѣ всѣ они были крещены. Абрамъ-Богданъ почти каждый день приводилъ по десяти человѣкъ къ священнику, и добрый пастырь, о Г. О—скій, являлся усерднѣйшимъ проповѣдникомъ Христовымъ; онъ благовременно и безвременно трудился для спасенія заблудшихъ сыновъ израилевыхъ. Для лучшаго преуспѣванія въ дѣлѣ обращенія, онъ старался изучить еврейскій языкъ, чтобы успѣшнѣе трудиться со мною; тѣ изъ евреевъ, которые прежде смѣялись надъ нимъ, съ удовольствіемъ стали слушать его; короче сказать,—та же благодать Христова, которая споспѣшествовала мнѣ недостойному въ обращеніи евреевъ въ г. Вольскѣ, споспѣшествовала мнѣ и въ полку; такъ что, въ теченіи года, до 400 человѣкъ евреевъ, бывшихъ въ полку, приняли христіанство, а въ началѣ другаго года, изъ вновь прибывшей партіи

Гродненской губерніи, усердіемъ священника, стараніемъ моимъ и новообращеннаго А. Богданова, еще 190 человѣкъ приняли святое крещеніе.

Все это упомянулъ я вамъ, читатель, для того, чтобы ознакомить васъ не столько съ моею личностію, сколько съ тѣмъ, какъ шло обращеніе евреевъ, въ разныхъ мѣстахъ. Еще имѣлъ я въ виду и то, чтобъ читающіе біографію мою выбрали изъ нея хотя нѣсколько словъ, могущихъ направить еврея къ свѣту Христову. Самъ я уже болѣе не въ силахъ трудиться по прежнему; ибо страдаю нѣсколько лѣтъ параличемъ, лишившимъ меня употребленія ногъ. Скажу въ заключеніе и то, какимъ образомъ я сдѣлался больнымъ. Мнѣ предписано было начальствомъ отправиться съ нѣсколькими евреями-кантонистами въ г. Н. На пути предстояло намъ обойти небольшую рѣчку, на которой былъ наведенъ худенькій мостикъ, состоявшій изъ двухъ небольшихъ досокъ и немногихъ хворостинъ. Мостикъ этотъ навелъ на всѣхъ насъ ужасъ; но я первый рѣшился перейти его. За мною пошли и всѣ прочіе. Послѣдній кантонистъ качнулъ, по шалости или въ испугѣ, какъ-то доску,—и закричалъ: «погибаю!»—я бросился спасать его и подалъ ему руку. Онъ такъ сильно ухватился за меня, что мы оба упали въ воду. Въ мокрыхъ шинелькахъ мы прошли почти 10 верстъ, и жестоко простудились,—кантонистъ скоро отъ простуды умеръ, а у меня отнялись ноги; этого мало, я даже и сидѣть не могу отъ страданія спиннаго позвоночнаго столба. Но и въ этомъ несчастномъ положеніи мнѣ желательно быть полезнымъ обществу, если не дѣломъ то словомъ. Въ 1859 году я составилъ книгу подъ заглавіемъ: «Торжество христіанскаго ученія надъ Талмудомъ». Цѣль этого сочиненія была та, чтобы сколько нибудь

открыть сынамъ израиля ихъ заблужденіе и указать имъ, что вѣра христіанская есть вѣра святая и истинная. Труды мои, по милости Божіей, достигли своей цѣли. Многіе изъ израильтянъ, читавшіе мою книгу, старались отыскивать меня, и по долговременномъ бесѣдованіи со мною, принимали святое крещеніе. Въ 1865 г. составлена была мною еще книга подъ названіемъ: «Богослуженіе праздники и религіозные обряды нынѣшнихъ евреевъ.

А теперь, ознакомивъ читателя съ общественною жизнію евреевъ, скажемъ въ заключеніе нѣчто о предразсудкахъ и суевѣріяхъ ихъ.

—

открыть слѣпымъ израиля ихъ заблужденіе и указать имъ, что вѣра христіанская есть вѣра святая и истинная. Труды мои, по милости Божіей, достигли своей цѣли. Многіе изъ израильтянъ, читавшіе мою книгу, старались отыскивать меня, и по долговременномъ бесѣдованіи со мною, принимали святое крещеніе. Въ 1865 г. составлена была мною еще книга подъ названіемъ: «Богослуженіе праздники и религіозные обряды нынѣшнихъ евреевъ.

А теперь, ознакомивъ читателя съ общественною жизнію евреевъ, скажемъ въ заключеніе нѣчто о предразсудкахъ и суевѣріяхъ ихъ.

III.

НѢЧТО О ПРЕДРАЗСУДКАХЪ И СУЕВѢРІЯХЪ ЕВРЕЕВЪ.

—

НѢЧТО О ПРЕДРАЗСУДКАХЪ
И СУЕВѢРІЯХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Евреи очень много заимствовали суевѣрій у азіатскихъ народовъ. Суевѣріе дошло у евреевъ досамой высшей степени и облечено въ священную форму. Такъ, напримѣръ: лишь только родится еврейское дитя, родители, желая сохранить его отъ вражьей силы, отъ дурнаго глаза, или же отъ кишевъ, т. е. колдовства, которое въ это время, по ихъ мнѣнію, можетъ быть особенно употреблено злыми людьми какъ надъ родильницей, такъ и надъ ребенкомъ, принимаютъ для этого слѣдующія предосторожности. Навѣшиваютъ, или пришпиливаютъ булавками, множество бумажекъ вокругъ занавѣски кровати родильницы и на окнахъ, съ слѣдующими на нихъ надписями: «махшейфо-лой-сехае», то есть, чародѣйка да не живетъ, и на оборотъ пишется: «живетъ не чародѣйка». Употребивъ такое шмире, т. е. средство, родильница и всѣ домашніе остаются совершенно увѣренными, что они будутъ невредимы *).

---

*) Попробуйка христіанинъ разубѣдить еврея въ этомъ! Да и чѣмъ можетъ онъ его опровергать? А вѣдь нужно избавить евреевъ отъ множества ихъ суевѣрій. Сдѣлать это можно, но не иначе какъ талмудическими же изрѣченіями другихъ раввиновъ. Такія изрѣченія находимъ въ книгѣ Сидеръ. Такъ, напримѣръ, воспѣваетъ еврей объ этомъ еженсубботно: 1) Воспомянулъ Господь о Іаковѣ и сказалъ онъ ему: не бойся, рабъ Мой Іаковъ. 2) Сохранилъ Господь законъ завѣщанный Іакову: не бойся, рабъ Мой Іаковъ. Вотъ этими то послѣдними словами и опровергается та нелѣпость, что нужно обвѣшивать бумажками кровать родильницы для сохраненія ея отъ вражіей силы

*

Но, почему же, спросятъ быть можетъ насъ, именно на этотъ случай принимаются подобныя предосторожности? А вотъ почему: діаволъ, по ученію и убѣжденію евреевъ, всегда и особенно въ опасныхъ случаяхъ, старается вредить человѣку; вотъ подлинныя слова талмуда объ этомъ: «асутнъ-мекатрикъ-бешаасъ-асконо» т. е., злой духъ всѣми мѣрами старается вредить человѣку, когда онъ въ опасности. А какой можетъ быть еще болѣе опасный случай для женщины какъ не въ родахъ ея? Поэтому и нужно, по убѣжденію евреевъ, въ это время принять означенныя предосторожности.

Вотъ еще способъ и для избавленія ребенка отъ всякаго зла: если кто желаетъ, говоритъ раввинъ Эцъ Гахаимъ, избавить новорожденнаго дитятю мужскаго пола отъ несчастій, могущихъ произойти при совершеніи надъ нимъ обрѣзанія, такъ какъ въ это время дѣйствуетъ сильно дурной глазъ (аинъ-оро) и кишевъ (колдовство); то совѣтую взять постороннее дитя, надъ которымъ недавно совершенъ былъ обрядъ обрѣзанія, и прикоснуть его дѣтороднымъ членомъ къ устамъ того ребенка, надъ которымъ имѣетъ быть совершено обрѣзаніе, тогда никакое зло не постигнетъ его. Это очень хорошее средство, заключаетъ раввинъ, и противъ колдовства, и противъ дурнаго глаза (См. кн. Эцъ Гахаимъ).

Средства, будто бы предохраняющія евреевъ и ихъ дома, отъ злыхъ духовъ.

Евреи, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, въ огражденіе себя отъ злыхъ духовъ, носятъ талисманы, напримѣръ ефодъ *),

*) Ефодъ есть четырех-угольная мантія, по своей величинѣ и устройству похожая на жилетъ, которая надѣвается какъ фуфайка. По четыремъ угламъ этой мантіи, сдѣланной изъ шерстяной или шелковой матеріи, привязывается бахрама.

которые снимаютъ съ себя только на ночь. Во время моленія очень часто подносятъ къ глазамъ своимъ цицисъ —шерстяныя нитки, вдѣтыя въ эти талисманы, и цѣлуютъ ихъ, какъ св. охрану отъ вражіей силы. Подобно ефоду охраняетъ и защищаетъ, по увѣренію раввина Эцъ-Гахайма, еврейскіе дома отъ шейдемовъ (нечистыхъ духовъ) и мезузе*, которую входящій еврей лобызаетъ и чтетъ высоко. Израиль, говоритъ раввинъ Эцъ-Гахаимъ въ своей книгѣ, знаете ли какую спасительную силу имѣетъ для васъ мезузѣ? Она мало того, что избавляетъ васъ самихъ отъ вражіей силы, но и сохраняетъ жилища ваши отъ шейдемовъ—злыхъ духовъ, которые, какъ только увидятъ у входа дверей вашего дома мезузе, то такъ и пятятся назадъ. Поэтому совѣтую вамъ почитать мезузе и не унижать ея святость подобно тѣмъ, которыя, напримѣръ ставятъ лоханку съ помоями близь ея. Не дѣлайте этого ради вашего блага, Господь наградитъ васъ, продолжаетъ раввинъ, за почитаніе мезузе хорошими дѣтьми. Подобное же вѣрованіе находится въ словахъ того же раввина. Онъ обращается къ женщинамъ (конечно, еврейкамъ), умоляя ихъ, чтобы онѣ непремѣнно покрывали свои головы такъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ мущины не могли увидѣть ихъ волосъ, это говоритъ раввинъ, такой грѣхъ, за который Господь накажетъ не только васъ, но и мужей вашихъ и все семейство, они будутъ терпѣть вѣчно далысъ—нищету (Кн. Эцъ-Гахаимъ). Вѣдь ваше отличительное достоинство, заключаетъ раввинъ, состоитъ въ томъ, чтобы

*) Мезузѣ есть ни что иное, какъ кусокъ пергамента, на которомъ написывается нѣсколько стиховъ изъ пятикнижія Моисея, главы 6-й. Эта записка свертывается въ трубку и вкладывается въ камышъ, или круглый футляръ и прибивается къ правой сторонѣ косяка дверей въ первую комнату.

быть скромными, а не разсыпаться въ словахъ предъ мущинами. Будьте же вы такими, не соблазняйте своими волосами мужчинъ, не тѣште симъ преступленіемъ бѣса, который такъ и прыгаетъ возлѣ согрѣшающихъ. И вы, мущины, говоритъ другой раввинъ Ойсе сынъ Іеханана, не разговаривайте много съ женщинами, не лишайте себя чрезъ это царствія Божія (кн. Сидеръ, стр. 156). Впрочемъ, продолжимъ начатую рѣчь о средствахъ, будто бы предохраняющихъ евреевъ отъ злыхъ духовъ. Читатель видѣлъ выше, что у евреевъ есть не мало средствъ и противъ дурнаго глаза, и противъ злыхъ духовъ. Кромѣ этого есть много молитвъ, сочиненныхъ раввинами, которыя сохраняютъ еврея въ жизни отъ всякаго зла. Вотъ одна изъ нихъ, которую они произносятъ отправляясь въ путь: «Св. ангели, молю васъ, сопутствуйте мнѣ, какъ сопутствовали нѣкогда отцамъ нашимъ, хотя я не достоинъ утруждать васъ, но ради вашихъ священныхъ именъ и должностей, прошу васъ объ этомъ». Затѣмъ говорите, такъ учитъ раввинъ Эцъ-Гахаимъ: «Богъ мой! Ты хранитель и спаситель мой, на Тебя уповаю: сохрани меня отъ всякаго зла, пошли со мною Твоихъ небесныхъ слугъ: да сопутствуетъ мнѣ съ правой стороны архангелъ Михаилъ, съ лѣвой Гавріилъ; впереди меня да идетъ Уріилъ, сзади Рафаилъ, а надъ главою моею Духъ Твой Святый да пребываетъ*» (кн. Сидеръ).

Указавъ выше, какимъ опасностямъ, по мнѣнію іудеевъ, можетъ подвергаться младенецъ отъ злыхъ духовъ, если не будутъ приняты помянутыя мѣры, скажемъ и о томъ,

---

*) Эту молитву, конечно, не слѣдуетъ относить къ суевѣріямъ. Говоря о суевѣріяхъ и предразсудкахъ евреевъ, мы разумѣемъ собственно не догматическое ученіе, опирающееся на св. Писаніи, наприм. вѣрованіе въ бытіе добрыхъ и злыхъ духовъ, въ загробную жизнь, въ силу молитвы и проч., а только мелочные обряды и вымышленныя сказанія.

что, по убѣжденію евреевъ, эти опасности, какъ и многія другія, имѣющія совершиться въ жизни съ новорожденнымъ, извѣстны уже младенцу еще дорожденія. Поэтому каждая душа человѣческая нехотя, по ученію раввиновъ, сходитъ на землю. «Душа человѣческая, говоритъ талмудъ, узнавъ, что ей назначается воплотиться, очень много скорбитъ объ этомъ. Творецъ неба приказываетъ ангеламъ привести предъ тронъ Свой ту душу, которой надлежитъ оживить тѣло. Трепещущая душа, явясь къ Богу, умоляетъ Его не посылать ее въ тѣло—мѣсто печали и плача, но Господь внушаетъ ей исполнить Его волю—поселиться въ тѣлѣ. Итакъ, нехотя (алкорхо), говоритъ талмудъ, человѣкъ долженъ родиться, нехотя долженъ онъ жить, нехотя долженъ умереть и нехотя долженъ будетъ предстать на страшный судъ и отдать отчетъ въ дѣлахъ своихъ предъ Богомъ*» (кн. Сидеръ, стр. 163).

Кромѣ означенной басни встрѣчаемъ въ талмудѣ много другихъ предразсудковъ и суевѣрій, сопровождающихъ почти каждый религіозный обрядъ евреевъ. Извѣстно, что по закону Моѵсея надъ младенцемъ мужескаго пола въ 8 день совершается обрѣзаніе. Въ синагогѣ, гдѣ совершается этотъ обрядъ, должны находиться: родитель младенца, моель—лице, совершающее обрядъ обрѣзанія, Сандикъ—нѣчто, похожее на христіанскаго воспреемника, и еще кто бы вы думали, читатель? Пророкъ Илія! Если бы кто спросилъ, что за причи-

*) Только еврейскимъ раввинамъ и свойственно сочинять такіе разговоры Бога съ душею каждаго человѣка (особенно въ Мидрашѣ находимъ подобные разговоры, напр, Бога съ душею Моѵсея предъ кончиною его). Можно ли допустить, чтобы Творецъ неба и земли спрашивалъ душу: хочетъ ли она оживить тѣло? желаетъ ли выйти изъ него? И какъ согласить то, что еврей живетъ нехотя, какъ бы недоволенъ своимъ рожденіемъ, когда самъ же еврей, гордясь своею жизнію и происхожденіемъ, славитъ Бога за то, что Онъ создалъ его (см. книгу Сидеръ, страница 12).

на, что св. Пророкъ долженъ присутствовать при обрѣзаніи, то въ отвѣтъ на это талмудъ говоритъ слѣдующее: Пророкъ Илія, какъ ревнитель вѣры, замѣтивъ, что израильтяне нарушаютъ законъ Божій, во гнѣвѣ своемъ обратился съ жалобой къ Богу и сказалъ: «Господи! народъ Твой совершенно оставилъ Твой завѣтъ». По поводу этого доноса, Богъ велѣлъ изслѣдовать дѣло въ небесномъ Сенатѣ, и оказалось, что израильтяне вовсе не оставляли завѣта Божія, т. е. обрѣзанія. За такой неправильный доносъ, пророкъ Илія былъ, по увѣренію талмуда, наказанъ. Но это то мало,—его, какъ бы во всегдашнее наказаніе, заставляютъ при каждомъ обрѣзаніи присутствовать и видѣть, что его доносъ на израиля былъ несправедливъ. Странная выдумка и клевѣта на великаго пророка! а между тѣмъ евреи вѣрятъ ей и вѣруютъ вотъ еще въ какія нелѣпости:

1) Будто надъ спящимъ человѣкомъ порхаетъ нечистая сила, и поэтому еврей, вставъ отъ сна, не долженъ отходить отъ своей постели далѣе 4-хъ аршинъ, пока троекратно не умоетъ руки и не очиститъ себя самъ отъ руахъ-атума, т. е. духа тьмы. Поэтому у нихъ ставится вода на ночь всегда у самаго изголовья, и вставшій отъ сна тотчасъ умываетъ руки* (см. уст. о евр. обрядахъ).

---

* Евреи вѣрятъ въ сновидѣнія. Эта вѣра основывается на довольно странномъ убѣжденіи. Они говорятъ: у человѣка три души—одна животная, а двѣ сверх-естественныя. Изъ нихъ одна идетъ къ Богу, другая отправляется подъ землю, третья же остается при спящемъ человѣкѣ. Возвратясь, странствующія души разсказываютъ оставшейся съ человѣкомъ душѣ, что видѣли. Такимъ образомъ составляется сновидѣніе благопріятное, или худое, смотря потому что видѣли странствовавшія души. Если еврей видѣлъ худой сонъ, не предвѣщающій ничего хорошаго, то почти весь день проводитъ въ молитвѣ и получаетъ отъ своихъ друзей и домашнихъ утѣшенія, что Господь обратитъ худой сонъ его въ прекрасную дѣйствительность, и что поэтому нѣтъ причины сильно горевать.

2) Талмудомъ воспрещается умывать еврею обѣ руки за разъ, а нужно съ большею осторожностію изъ кувшина поливать то на ту, то на другую руку. При этомъ слѣдуетъ строго наблюдать, чтобы вода пе брызгнула пазадъ въ кувшинъ, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ снова умываться (смотр. тамъ же).

3) Надѣвающій на себя бѣлье, долженъ дѣлать это съ такою осторожностію, чтобы не только глазъ человѣческій не могъ замѣтить, но и стѣны дома не видѣли его наготы (см. кн. Эцъ-Гахаимъ).

4) Обрѣзывать ногти, что дѣлается обыкновенно въ пятницу, нужно тоже по уставу талмуда. Это совершается съ большимъ суевѣріемъ, такъ напримѣръ: начиная съ лѣвой руки, сперва обрѣзываютъ ноготь 4-го пальца, потомъ переходятъ ко 2-му, далѣе къ 5-му, отсюда къ 3-му, наконецъ останавливаются на большемъ (счетъ пальцевъ обыкновенно бываетъ съ большаго). На правой рукѣ начинаютъ обрѣзывать ногти съ 2-го пальца, потомъ переходятъ къ 4-му, и такъ далѣе. Кто бросаетъ обрѣзки ногтей подъ ноги, тотъ, по мнѣнію евреевъ, нечестивъ въ высшей степени, потому что, вопервыхъ, самъ добровольно предаетъ себя власти діавола; вовторыхъ, другимъ, подобнымъ себѣ нечестивымъ людямъ, даетъ средстко употреблять обрѣзки ногтей на колдовство и другія злодѣянія. Кто зарываетъ ихъ въ землю тотъ благочестивъ; а кто бросаетъ обрѣзки ногтей въ огонь, тотъ уже въ полномъ смыслѣ благочестивъ». Не много же нужно, скажетъ навѣрно читатель, чтобы еврею быть праведнымъ: стоитъ лишь обрѣзать ногти по правиламъ талмуда—и довольно.

Упомянемъ о другихъ правилахъ устава талмуда. Въ субботу евреямъ, какъ извѣстно, воспрещается закономъ всякая работа, а раввины запрещаютъ и прикасаться къ дѣлу, нельзя рѣзать или кроить что нибудь, даже носить съ собой носовой платокъ, а такъ какъ эта вещь необходима, то опоясываются платкомъ вмѣсто пояса, или обвязываютъ вокругъ шеи. Придя въ домъ, евреи снимаютъ его и употребляютъ куда слѣдуетъ. Запрещено также евреямъ разводить огонь въ субботу, поэтому кушанье для суботы приготовляется въ пятницу, по приготовленіи ставятъ въ печку и заслонка замазывается глиною. Кушанье готовится, по ихъ мнѣнію, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ангеловъ (однако, случается, что гугель (кушанье) весь сгоритъ въ печкѣ). Лучшее блюдо составляетъ рыба, потому что многія души человѣческія разлучившись съ тѣломъ, переселяются въ рыбу. Въ вечеръ шабаша раввинъ Эцъ Гахаимъ совѣтуетъ воспѣвать болѣе тѣ духовныя пѣсни, въ которыхъ воспоминается имя пророка Иліи, такъ какъ этотъ пророкъ первый возвѣститъ израилю о пришествіи Мессіи и первый утѣшитъ его своимъ благовѣствованіемъ*).

*) Замѣть, читатель, какъ евреи молятся въ вечеръ шабаша о ниспосланіи имъ Мессіи, какъ взываютъ они объ этомъ ко Господу и пророку Его Иліи. „Обнови лѣта и дни наши, Боже нашъ! Да явится скорѣе искупитель нашъ Мессія, да цвѣтетъ и процвѣтаетъ мужъ (Христосъ) и придутъ вкупѣ Илія и Царь нашъ Мессія. Сего ради воспоемъ пѣсть новую и сердца наши восхвалятъ Тя. Илія! пророкъ Божій Илія! благовѣститель, явись скорѣе съ Мессіею, сыномъ Давида. Илія святый! пріиди скорѣе, ибо писано о тебѣ: се посылаю вамъ ангела предъ лицемъ Моимъ, предъ пришествіемъ дня великаго и проч. (кн. Сидеръ 78 стр.). Евреи живутъ и дышатъ той сладкой надеждой, что Мессія спѣшитъ къ нимъ, и они молятся о семъ ежедневно утромомъ и вечеромъ и все уповаютъ, что Онъ придетъ, если не сегодня, такъ завтра. Съ этой надеждой евреи засыпаютъ и встаютъ кн. (Сидеръ 45 стр.) Еврей отдастъ все, что имѣетъ, но отнимите у него эту надежду, и онъ зачахнетъ. Тотъ не истинный еврей, говорятъ они, который не ожидаетъ Мессію и сомнѣвается въ пришествіи Его. Заговорите только, читатель, съ евреемъ о пришествіи Мессіи, онъ вздохнетъ и скажетъ: только бы намъ дождаться Его славнаго пришествія, тогда уразумѣютъ всѣ языки о израилѣ, поймутъ что это за люди.

Празднованіе субботы, говоритъ раввинъ Эцъ-Гахаимъ, не должно оканчивать очень рано, чтобы этимъ хотя сколько нибудь облегчить участь умершихъ грѣшниковъ, которые, по увѣренію талмуда, ради земныхъ чтителей субботы, тоже покоятся на томъ свѣтѣ и не подвергаются наказанію геенны до толѣ, пока не окончится празднованіе субботы, а какъ только кто нибудь зажжетъ огонь, то и на томъ свѣтѣ зажжется геена для грѣшниковъ. Поэтому раввинъ Эцъ-Гахаимъ и умоляетъ не спѣшить въ шабашъ зажигать огонь. Зная все это, какъ бывшій іудей, отъ души благодарю Бога, что Онъ открылъ мнѣ истинный свѣтъ и что я могъ отрѣшиться отъ подобныхъ бредней. Не само ли еврейское ученіе въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что молитва и милостыня спасаетъ душу отъ смерти? А если такъ, то не лучше ли живымъ* израильтянамъ молиться за умершихъ и творить милостыню за нихъ, нежели воздержаться лишній часъ отъ зажиганія огня съ цѣлію облегченія участи умершихъ грѣшниковъ?

Подобныя вѣрованія въ другомъ лишь видѣ встрѣчаемъ при отправленіи и другихъ праздниковъ. Такъ, въ день новаго года (бывающаго въ сентябрѣ), евреи вѣрятъ, что надъ ними совершается небесный судъ, и что въ этотъ день Самъ Господь разсматриваетъ дѣла, сдѣланныя каждымъ изъ нихъ въ теченіе года, и, судя по нимъ, опредѣляетъ свой судъ, кому какою смертію умереть; напримѣръ, одному опредѣляется «скиле» т. е. быть убитымъ камнями; другому «срефѣ» т. е. быть огнемъ сожженнымъ (см кн. Сид. 232). Поэтому,

*) Мы употребили слово „живые", потому, что евреи вѣрятъ, что и умершіе изъ нихъ молятся, и что они собираются для сего ночью въ моленную; хотя у нихъ же пророка сказано: „во гробѣ (во адѣ) кто тя исповѣсть.

въ день новаго года, евреи молятся со слезами почти до самаго вечера, потомъ идутъ на рѣку, и, ставъ на берегъ, стряхиваютъ съ полъ одеждъ грѣхи свои, произнося слова: «да ввергнутся въ глубину морскую всѣ беззаконнія наша (Сидеръ 224 стр).

Въ день очищенія евреи еще болѣе предаются молитвѣ и плачу. Этотъ страшный для нихъ день предваряется 10-ти дневнымъ постомъ. Наканунѣ дня очищенія приносятъ странныя жертвы, учрежденныя позднѣйшими раввинами, состоящія изъ пѣтуховъ и куръ (пѣтухъ, непремѣнно бѣлый, идетъ для мущинъ, а курица для женщинъ) которыхъ вертятъ надъ головою, приговаривая: «ты пѣтухъ (или курица) да будешь капурою (жертвою) за меня, тебѣ да будетъ смерть, а мнѣ жизнь* (кн. Сидеръ225 стр.). Причина приношенія сихъ жертвъ въ день очищенія, равно и усиленныхъ молитвъ, совершаемыхъ ими въ синагогѣ въ этотъ праздникъ та, что отъ этого дня, по убѣжденію ихъ, зависитъ участь каждаго. Поэтому, если кто успѣетъ умилостивить Бога въ этотъ день, то минуетъ его несчастіе, хотя бы оно и было ему уже предназначено.

Вотъ почему особенно и плачутъ они, какъ приговоренные къ смерти въ день очищенія.

Возвращаясь домой и чувствуя себя очищенными отъ бремени грѣховъ, они другъ друга привѣтствуютъ весело: «къ

---

*) Въ оба означенные праздника евреи обращаются къ Богу съ такими молитвенными прошеніями о пришествіи Мессіи: „Господи Боже нашъ! Боже отецъ нашихъ! Взыди, пріиди возвеличься! Вспомяни св. завѣтъ Твой, данный отцамъ нашимъ: Аврааму, Исааку и Іакову. Вспомяни Мессію, сына Давида. Вспомяни Іерусалимъ, городъ святой, вспомяни объ израилѣ. Умилосердись надъ нами Боже, Боже нашъ! спаси насъ, ибо нѣтъ подобно Тебѣ милующаго (кн. сидеръ стр. 228). Подобное моленіе слышится изъ устъі удеевъ и во всѣ другіе празники

доброму году да будешь назначенъ и утвержденъ»; получившій поздравленіе отвѣчаетъ тѣмъ же (см. кн. Сидеръ). Въ праздники: шанерабе (спасеніе веліе) и симхасторо (радость о святомъ законѣ) евреи чрезвычайно торжествуютъ. Они убѣждены, что небесный судъ уже имъ опредѣленъ *). Надѣясь на милосердіе Божіе, они ожидаютъ себѣ всего хорошаго, поэтому и радуются. Увидѣвъ одинъ другаго, привѣтствуютъ словами: гутъ емтойвъ, т. е. добрый праздникъ да будетъ тебѣ. Получившій поздравленіе отвѣчаетъ: «и тебѣ да будетъ гутъ емтойвъ». Каждый увѣренъ что въ этотъ праздникъ и росписка дается относительно нѣбеснаго приговора. Вѣрятъ и въ то, что эта росписка для смертныхъ вещь невидимая.

Праздникъ фурымъ, или, какъ говорятъ евреи, пурымъ (жребій) они бьютъ немилосердно давно умершаго Амана, бывшаго нѣкогда царедворцемъ при персидскомъ дворѣ. Но какъ бить давно умершаго спроситъ навѣрно читатель? А вотъ какъ: нѣкоторые вырѣзываютъ на кускѣ дерева имя царедворца и колотятъ его до тѣхъ поръ, пока не уничтожатъ его. Другіе бьютъ по столамъ и скамьямъ синагоги. А дѣти трещетками колотятъ, чтобы оглушить Амана, при этомъ проклинаютъ его. Эти странныя дѣйствія евреи оправдываютъ тѣмъ, что въ писаніи сказано: «имя нечестиваго да исчезнетъ (притчей 10.7).

Празднованіе пасхи совершается тоже съ разными странностями: законъ Моисеевъ, какъ извѣстно, велитъ евреямъ въ этотъ 8-дневный праздникъ воздерживаться отъ кислаго хлѣ-

*) Впрочемъ, праздникъ симхасторо позднѣйшими учрежденіями получилъ и другое значеніе. Нынѣшніе евреи дѣлятъ пятикнижіе Моисея на 52 отдѣленія соотвѣтственно числу недѣль въ году. Въ каждую недѣлю прочитывается по одному отдѣленію. Всечтеніе пятикнижія Моисея оканчиватся къ этому времени, поэтому и радуются въ праздникъ симхасторо.

ба (исходъ 13 гл. 7 ст.), а употреблять опрѣсноки, въ память того, что предки ихъ, предъ выходомъ изъ Египта, ѣли опрѣсноки. Раввины же къ этому придумали многое и прибавили то, чему теперь и слѣдуютъ евреи. Именно: по изготовленіи опрѣсноковъ, каждый еврей наканунѣ пасхи обходитъ со свѣчею всѣ комнаты, тщательно осматриваетъ и выметаетъ крылышкомъ хлѣбныя крошки. Собравъ ихъ сожигаетъ внѣ дома — и избави Боже, если останется какая либо хлѣбная крошка: все это хомецъ, т. е. кислое, должно идти вонъ изъ дома. Еврей составляетъ опись всему своему имуществу, вручаетъ ее христіанину, говоря: «знай, что ты хозяинъ всего моего имѣнія». При этомъ вручаетъ ему ключи отъ кладовыхъ, угощаетъ его, какъ покупщика имущества своего, и самъ устраняетъ себя отъ своего имѣнія, конечно, не болѣе, какъ на недѣлю, и то только на бумагѣ. Ибо, какъ только оканчивается праздникъ, еврей немедленно посылаетъ за мнимымъ хозяиномъ и выкупаетъ у него, за нѣсколько копѣекъ, свою «штармехире», т. е. опись, и предлагаетъ ему угощеніе. Пасхальный вечеръ также сопровождается многими церемоніями напримѣръ, для отца семейства устраивается предъ столомъ родъ постѣли, богато убранной, на которую онъ садится съ важностію—нѣсколько наклонно, и представляетъ изъ себя царя. Евреи приэтомъ молятся долго о сооруженіи храма Іерусалимскаго, о явленіи въ немъ Мессіи; такъ говорятъ они: «Всемогущій Боже! нынѣ, въ короткое время, скоро, созижди храмъ Твой, скоро, во дни наша, какъ можно ближе, нынѣ созижди милосердый Боже! Великій Боже! Крѣпкій Боже! Кроткій Боже! въ короткое время храмъ Твой созижди. Пошли намъ Мессію какъ можно скорѣе во дни наша (кн. Сидеръ). По прочтеніи молитвы отецъ семей-

ства, объяснивъ дѣтямъ причину праздника, совершаетъ слѣдующій обрядъ: Наливаетъ каждому по бокалу виноградпаго вина *), который и ставитъ возлѣ себя, а самый большой бокалъ наполняетъ, виномъ же, для пророка Иліи, имѣющаго быть у нихъ въ гостяхъ; поставивъ бокалъ на средину, отецъ внушаетъ семейству держать себя какъ можно скромнѣе во время входа къ нимъ св. пророка Иліи, и когда глава семейства дойдетъ до извѣстной молитвы, то даетъ знакъ старшему сыну, или женѣ (если нѣтъ сына), чтобы отворили дверь. Когда отворятъ ее, все семейство быстро вскакиваетъ и клапяется якобы пророку, хозяинъ привѣтствуетъ его словами: «Борыхъ-або реббе», т. е. благословенъ приходъ твой, учитель. И читаетъ громко молитву: «Шефойхъ-гамосхоэлъ-гагоимъ», т. е., излей ярость Твою Боже на языки, и пр. (кн. Сидеръ въ Агодо). По прочтеніи молитвы онъ опять клапяется и говоритъ: «прощайте, Реббе». Праздники эти, говорятъ евреи, съ пришествіемъ Мессіи уничтожатся. Ибо Мессія самъ учредитъ для евреевъ новые праздники и великое торжество. А что же такое будетъ? спроситъ навѣрно читатель. Вотъ что отвѣтитъ на это вамъ каждый еврей: «Мессія соберетъ насъ отъ всѣхъ странъ земли, введетъ въ землю обѣтованную и содѣлаетъ насъ владыками вселенной. Предъ этимъ, говорятъ евреи, будетъ страшная война и они останутся побѣдителями. Воюющіе сойдутся у широкой рѣки Самбатія, которая теперь дышетъ огнемъ и изрыгаетъ каменья и только въ день шабаша она, говорятъ евреи, ути-

---

*) Вино, употребляемое евреями въ пасху, приготовляется ими самими изъ изюма и винныхъ ягодъ, которыя они мочатъ въ водѣ до толѣ, пока она приметъ винный вкусъ. Раввины установили въ вечеръ пасхи выпивать по 4 стакана вина, въ память и благодарность за 4 освобожденія, заключающіеся, по ихъ мнѣнію, въ священномъ писаніи (исходъ 6,7).

хаетъ, но нельзя попасть туда, по пришествіи же Мессіи легко будетъ это сдѣлать. Они соединятся съ другими евреями, живущими за рѣкою Самбатія (малорослыми, но сильными и красивыми) и подыметъ израиль страшную битву противъ всѣхъ народовъ. На означенной рѣкѣ будетъ два моста, одинъ—бумажный, другой—чугунный, и всѣ народы пойдутъ по чугунному мосту и провалятся, а евреи благополучно перейдутъ по бумажному мосту, подъ которымъ вмѣсто свай будутъ стоять ангелы. Затѣмъ Мессія, по увѣренію талмуда, сотворитъ богатый пиръ для евреевъ. Во время пиршества подадутъ быка, который теперь уже пасется и съѣдаетъ великое множество травы. Кромѣ быка появится на столѣ рыба Левіофанъ, вмѣсто же пирожнаго подадутъ евреямъ жареную птицу баснословной величины. Вино для этого пира уже приготовлено Адамомъ и хранится въ горныхъ погребахъ рая. Объ этомъ баснословномъ пирѣ знаетъ каждый еврей, и даже дѣтямъ это извѣстно, попробуйте-ка, читатель, разувѣрить еврея въ этомъ, онъ готовъ за это выцарапать вамъ глаза. Если бы кто спросилъ евреевъ: всѣ ли они вкусятъ эти блага, и всѣ ли они наслѣдуютъ царствіе Божіе? Они отвѣтятъ: «всѣ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые въ жизни своей отвергали воскресеніе мертвыхъ. Этимъ не будетъ помилованія, и они будутъ въ геенѣ мучиться изъ рода въ родъ. Всѣ же прочіе израильтяне наслѣдуютъ непремѣнно царствіе Божіе, ибо сказано въ талмудѣ: «колъ-исруэль-ешъ-лоэмъ хеликъ-леойломъ габу», т. е., всѣ израильтяне имѣютъ часть въ будущей жизни. Ибо писано, говоритъ талмудъ: «народъ Твой святый», поэтому и содѣлается наслѣдникомъ вѣчныхъ благъ (см. кн. Сидеръ стр. 214). Правда евреи не отвергаютъ, что тѣ изъ нихъ, которые грѣшили

много на землѣ, должны будутъ, по смерти, предварительно очистить себя отъ грѣховъ разными страданіями, и тогда уже они наслѣдуютъ царствіе Божіе. Достойно замѣтить, какого рода будетъ это искупленіе. Оно состоитъ изъ многихъ родовъ. Нѣкоторые изъ евреевъ еще до «хибитъ гакеверъ»*, т. е. до загробныхъ испытаній, должны будутъ снова возвратиться въ міръ и пресмыкаться многіе годы повсюду, гдѣ день, гдѣ ночь. Эти люди извѣстны у евреевъ подъ именемъ гильгилемъ, т. е. оживленныхъ мертвецовъ, которые блуждаютъ вездѣ и за все принимаются, какъ и прежде. Конечно, жизнь ихъ горькая; но этимъ искупляютъ они свои тяжкіе грѣхи; а иногда гильгиль (умершій), молитвами святыхъ можетъ загладить свои проступки, и очень скоро. Были примѣры, разсказываютъ евреи, что одинъ знаменитый раввинъ, узнавъ, что подобный ожившій мертвецъ прибылъ въ его городъ и очень много затѣвалъ дѣлъ на рынкѣ, послалъ своего ученика за нимъ, и тотъ явился предъ раввинномъ, покрытый саваномъ. Раввинъ благословилъ его и сказалъ ему: «разрѣшаю тебя отъ твоихъ тяжкихъ грѣховъ; довольно тебѣ блуждать въ семъ мірѣ, иди въ свое мѣсто, т. е. въ могилу». Тотъ поклонился раввину и скрылся. Послѣ сего, никто уже не видалъ его никогда. Болѣе тяжкимъ грѣшникамъ бываютъ другаго рода наказанія. Души ихъ переселяются въ животныхъ. Иной человѣкъ дѣлается коровой**; душа другаго пе-

---

*) Хибитъ-гакеверъ не избѣгнутъ и праведники, это значитъ, что и ихъ тѣла подвергнутся гноенію и точенію червей. Даже дѣти, болѣе или менѣе, должны будутъ, говоритъ раввинъ Эцъ-Гахаимъ, по переселеніи изъ этого міра, нѣсколько пострадать въ могилѣ, а потомъ уже перейти въ ганъ-эденъ, т. е. въ рай.

**) По убѣжденію раввина Эцъ-Гахаима, гораздо лучше для грѣшниковъ, обращающихся въ корову, чѣмъ въ лошадь. Потому что были случаи, говоритъ раввинъ, что подобную корову приносили въ жертву Богу, и чрезъ это грѣшникъ тотчасъ же получалъ спасеніе.

реселяется въ лошадь, которой приходится возить разныя тяжести. Все это продолжается не годъ, не два, а до тѣхъ поръ, пока душа не очиститъ свои болѣе тяжкіе грѣхи. Затѣмъ уже явится душа на тотъ свѣтъ и пачнетъ проходить и тамъ разныя испытанія. Въ книгѣ раввина Сеферъ Хосидъ Леавроомъ говорится, что грѣшникъ долженъ 12 мѣсяцевъ находиться въ общей геенѣ. Претерпѣвъ здѣсь разныя мученія, грѣшникъ ходитъ по мѣстамъ истязаній, и какія мученія выноситъ онъ отъ малхохаболо, т. е. злыхъ духовъ! Одни бьютъ грѣшника по ногамъ, другіе по рукамъ, третьи по языку. По ногамъ бьютъ за то, что они не ходили по законному пути. Руки наказываютъ за то, что добра не творили. Языку достается за то, что онъ не славилъ Бога, а хулилъ Его, или же клевѣталъ имъ на ближняго. Послѣ всего этого грѣшникъ долженъ пройти всѣ отдѣленія геены, а въ каждомъ отдѣленіи 7 комнатъ, каждая комната величиною 1000 аршинъ въ длину и 300 въ ширину. Въ нихъ палитъ огнемъ, бьетъ огненнымъ градомъ и жжетъ молніею. Изнемогающаго въ страданіи ангелы подкрѣпляютъ; потому что каждый грѣшникъ обязанъ вынести мѣру наказанія вполнѣ. Послѣ всего этого, грѣшникъ, очистившись какъ металлъ въ горнилѣ, приводится ангелами къ рѣкѣ живой; выкупавъ его въ ней, они подводятъ его къ небесному чертогу, усаживаютъ эту израильскую душу на креслы, въ ряду тѣхъ святыхъ, которыхъ сподобился видѣть, по увѣренію книги Гдуласъ мойше, пророкъ Моисей, еще при жизни своей. И эта св. душа остается здѣсь въ вѣчномъ лицезрѣніи и прославленіи Бога.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 75 коп сер.

